

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

В.Е. Клочко

**САМООРГАНИЗАЦИЯ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ:
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
ЛИЧНОСТИ**

(введение в транспективный анализ)

**Томск
2005**

УДК 159.901
ББК 88
К509

Клочко В.Е.

К509 Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 174 с.

ISBN 5-94621-162-5

Рассматриваются фундаментальные проблемы психологии, которые открываются в результате анализа «парадигмального сдвига», происходящего в науке, вступающей в стадию постнеклассицизма. Поэтому монографию можно оценить как методологическое введение в постнеклассическую психологию, «вхождение» в которую, по мнению автора, подразумевает смену уровня системности профессионально-психологического мышления. Выделяются признаки нового мышления, которое автор и определил понятием «транспективный анализ». В призме транспективного анализа психика человека выступает в необычном ракурсе, а именно как то, что обеспечивает устойчивость человека, понимаемого в качестве открытой системы. Выход за пределы привычного понимания психики как «отражения реальности» требует настолько серьезной перестройки всего образа мира психолога-профессионала, что автор не считает возможным рекомендовать книгу, как это принято, «широкому кругу» коллег. Скорее этой книгой автор возвращает часть своего долга, который накопился у него перед собственными учениками, а также последователями теории психологических систем (ТПС) за 20 лет её разработки.

УДК 159.901
ББК 88

ISBN 5-94621-162-5

© Клочко В.Е., 2005

Предисловие

По мере превращения психологии из науки о психике, в науку о человеке, становится все более понятно, что барьером на пути этого перехода являются сложившиеся уровни и формы профессионального мышления психологов. Того мышления, которое еще как-то позволяло определить психику в качестве предмета науки и в таком качестве изучать ее, сегодня явно недостаточно не по уровню системности, не по форме. Максимум того, что позволило диалектическое мышление, это связать принцип развития с принципами системности и детерминизма. Когда же наука пытается изучать психику не саму по себе, а в системе целостного человека, тогда обнажено выступает факт того, что психика если и «работает», то эта «психическая деятельность» направлена на обеспечение открытости человека как сложной самоорганизующейся системы, устойчивость которой обеспечивается ее постоянным движением за пределы норм, требований ситуации, приводящим к усложнению системной организации. Раньше можно было этот факт не замечать или просто игнорировать, но сегодня, в условиях смены предмета науки, уже переживаемого, хотя и не вполне осознанного «парадигмального сдвига», обнажается коренное противоречие. Оно заключается в том, что психика, обеспечивающая гетеростабильную (разнородную, не знающую границ, нормотворческую, сверхадаптивную, что и означает трансцендентальную) природу человека, продолжает изучаться с позиций гомеостаза - саморегуляции, обеспечивающей приспособление человека к среде за счет ее отражения.

То, что я называю теорией психологических систем («широко известной в узких кругах» по аббревиатуре ТПС) представляет собой нечто иное, как попытку выйти за пределы принципа отражения, опираясь на который психологи в течение столетий определяли сущность психики, ее функцию и предназначение. Однако нельзя просто отказаться от принципа отражения, не предлагая другой принцип, за которым стоит не менее глобальное свойство Космического универсума, чем отражение, различные формы которого были выделены на всех уровнях организации живой и «неживой» (лучше сказать, вслед за В.И. Вернадским, «косной») материи. Для меня таким принципом стал принцип ограничения взаимодействий, который, с моей точки зрения, и обеспечивает устойчивое существование миропорядка (или удержание «мира в порядке»). Основу этого принципа составляет понимание соответствия взаимодействующих явлений как причины, приводящей их во взаимодействие, в котором порождается новая (системная) реальность, определяющая дальнейшее закономерное усложнение всей системной организации. Мышление, которое необходимо для понимания этих процессов, я назвал транспективным анализом.

Посвящая эту книгу своему учителю Олегу Константиновичу Тихомирову, я, вместо традиционного Введения, хочу привести основное содержание своего доклада, прочитанного на конференции, состоявшейся в мае 2003 года и посвященной творчеству О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского. Два выдающихся отечественных психолога, каждому из которых в 2003 году исполнилось бы 70 лет, ушли из жизни, совсем немного не дожив до юбилейного для них 2003 года. Заведующий кафедрой общей психологии МГУ им М.В. Ломоносова О.К. Тихомиров умер в 2001, директор института психологии АН России А.В. Брушлинский трагически погиб в 2002, но всю свою научную жизнь они были связаны между собой, прокладывая разные пути в одной области научного познания - психологии мышления.

Мне кажется, что в докладе достаточно ясно открываются методологические и теоретические корни того, что, что определило название книги и ее содержание.

Введение

Контуры постнеклассической парадигмы в творчестве О.К.Тихомирова

Творчество Олега Константиновича Тихомирова еще не осмыслено с точки зрения его вклада в методологию научно-психологического исследования. Чтобы осмыслить этот вклад необходимо выйти за пределы психологии мышления, того проблемного и предметного поля, разработке которого посвятил свою жизнь О.К. Тихомиров. Насколько его идеи соответствовали объективным тенденциям развития психологии? Мне кажется, что многие из

них носили настолько опережающий характер, что именно это и затрудняет анализ научного вклада ученого. Теперь, когда я сам испытал, насколько трудно приживается идея, которая каким-то образом опережает свое время, становится более понятным драматизм личной и научной судьбы учителя.

Только в 1994 году О.К. Тихомиров открыто признался в особенности выбранного им пути, но это было только признание, сам путь фактически уже был пройден. Но даже в 1994 году его позиция была своего рода вызовом: мысль о том, что психика - не отражение реальности, а ее порождение, даже сегодня может вызвать гнев у «истинного материалиста». Поиск «переходных форм» между Духом и Материей, начатый Л.С. Выготским, был продолжен О.К.Тихомировым в процессе изучения мышления, этой «высшей формы отражения». Обвинение в «спиритуализации материи» и сегодня может выглядеть достаточно грозным, а в конце 60-х, когда стали поступать экспериментальные данные о субъективных измерениях, которые имеет проблемная ситуация, о «неформальной, ценностно-смысловой структуре», порождающейся в мыслительной деятельности и надстраиваемой над предметно-логическим ее основанием, говорить об этом было и вовсе непросто.

Когда Р. Уилсон с сожалением пишет об отсутствии заметных эффектов от его многолетних усилий по привитию американцам навыков галилеевского мышления, то легче оценить впечатление, которое могли произвести идеи, порожденные мышлением более высоким, чем галилеевское. Галилеевское мышление, как его понимал К. Левин, это мышление способное открыть такие качества предметов и явлений, которые могут быть обнаружены, только если иметь в виду целостную систему. Они не могут быть обнаружены даже при самом тщательном анализе изолированного предмета. О.К. Тихомиров приучал нас к другому мышлению, к тому, что могут быть качества порождаемые системой, на которые она опирается в своем дальнейшем развитии.

Противоречие заключалось в том, что мы были вынуждены, реально исследуя самоорганизацию мышления, говорить и писать о его саморегуляции - вполне в духе времени, когда психика понималась в качестве того, что регулирует взаимоотношения человека с окружающей его «объективной реальностью», ориентирует в ней. Развитие синергетических идей постепенно сблизит понятие «самоорганизация» со способом существования открытых систем, но в конце 60-х было слишком рано рассуждать о принципе избирательности в психологических системах. Казалось бы, уже 30 лет прошло с тех пор, как Л.С.Выготский заявил о том, что функция психики заключается не в отражении, а в том, что она представляет собой «орган отбора», «решето, процеживающее мир», но эту идею заметили далеко не все даже из тех, кому были доступны его труды. Господствующая идеология настаивала на том, что между субъектом и объектом не может стоять никакая «третья реальность», одно признание которой уже не только намекнет на непознаваемость мира, но явится сразу как форма проявления агностицизма. А в наших исследованиях эта третья реальность просто «выпирала», реально доказывая гипотезу Л.С. Выготского о призвании психики не отражать объективную реальность, а «субъективно исказить» ее в пользу человека - «чтобы можно было действовать». В лаборатории О.К. Тихмирова изучали становление смыслов как формирование того, что устанавливает направление мыслительной деятельности, ее избирательность, т.е. выступает в качестве «параметров порядка», в которых представлено сразу и внутреннее и внешнее, субъективное и объективное. Это было еще в конце 60-х и начале 70-х прошлого века. Лишь в 1994 Г. Хакен (и Португали) придут к выводу о том, что взаимодействие внутреннего и внешнего порождает параметры порядка, которые по своей природе являются внутренне-внешними (в кн. «Принципы работы головного мозга», Берлин, 1996).

Казалось бы, что дела у наших коллег, изучавших мышление как процесс, обстояли несколько лучше. Мы, изучая мышление как деятельность, могли фиксировать процессы порождения психологические новообразований и пытались выяснять их роль в детерминации, направленности, избирательности мыслительной деятельности. Научная школа другого замечательного психолога А.В. Брушлинского, выходя к тем же феноменам, интерпретировала

их в духе галилеевского мышления. Например, значения, смыслы и ценности понимались как разные качества одного и того же объекта, которые открываются по мере включения объекта в разные системы связей и отношений. Это позволяло теории удержаться в рамках парадигмы отражения. Сложным для нас оставался вопрос о порождении системных сверхчувственных качеств в актах взаимодействия, которое мы не смогли тогда оценить именно в его порождающем эффекте. Для теории С.Л. Рубинштейна - А.В. Брушлинского, в которой как фундаментальное рассматривалось положение о непрерывном взаимодействии человека с миром, как не странно, камень преткновения оставался тем же самым. Полагалось, что взаимодействие не порождает такое качество, как смысл, а при определенных условиях открывает его - как то, что всегда было в объекте.

Объяснительные возможности двух теорий были ограничены тем, что отношение субъекта к объекту было «вынуто» из самого взаимодействия. Это приводило к сосуществованию двух логик - логике деятельности, в рамках которой можно было понять механизмы ее избирательности, и логике отражения, полагающей непосредственность акта взаимодействия, в который не может (не должна) вмешаться никакая «третья реальность», дабы не вносить в него никакого субъективного искажения. Констатация сосуществования двух логик станет очевидным фактом только к 1984 году (см. обобщающий труд Б.Ф. Ломова «Методологические и теоретические проблемы психологии»). В этом же году О.К. Тихмиров напечатает свою «Психологию мышления», в которой указанная дуальность опровергалась не столько даже теоретически, но прежде всего экспериментально. И по сей день, как мне кажется, нет другого метода исследования, который позволял бы непосредственное изучение динамики формирования актуального сектора жизненного пространства человека, как позволяет это делать метод синхронной регистрации КГР и содержательного состава разворачивающейся деятельности.

Так почему же всегда было так трудно оценить по достоинству то, что было сделано О.К. Тихомировым? Можно сказать, что многие его идеи обогнали свое время, но это не будет полным ответом. В начале 70-х психология не успела осмыслить реально зарождающейся в ней неклассицизм, а О.К. Тихомиров заявлял идеи уровня постнеклассицизма. Психологи еще не привыкли к мысли о трансцендентальной природе человека, а у нас уже «предметы выходили из себя», обретали субъективные измерения и благодаря этому «двигались в план сознания». Еще психика рассматривалась в своей адаптивной функции, гомеостатически, а в школе О.К. Тихомирова решались проблемы роли психологических новообразований в самоорганизации человека. Общество только констатировало наступление эпохи информатизации, а О.К. Тихмиров уже ставил и решал проблему удаленных психологических последствий компьютеризации. Гипотеза Л.С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта получила развернутые доказательства в то время, когда еще не были сделаны открытия в области нейрофизиологии эмоций, которые позволили объяснить их связь со смыслообразованием и избирательностью сознания (Н.П. Бехтерева, 1988). Об опережающей роли эмоций О.К. Тихомиров писал на два десятка лет раньше, чем, в физиологии эмоций будут обнаружены механизмы, объясняющие каким образом и почему эмоциональная реакция опережает когнитивную (Дж. Леду, 1995). Мне кажется, что Олег Константинович не хотел тратить жизненные силы на борьбу с противодействием, которое неизбежно бы возникло при более категоричном отстаивании им идей, и без того «неподъемных». У меня сложилось впечатление, что всю свою жизнь он стоял перед подлинно бахтинской проблемой и в своих выступлениях пред коллегами, в беседах с нами, в лекциях для студентов он решал эту проблему: «что я хочу сказать, и что я могу сказать, чтобы быть понятым». Некоторые до сих пор путают его понятность с простотой излагаемых им идей.

Сами же идеи живут своей новой жизнью - они давно уже переросли рамки психологии мышления и уже не всегда опознаются в связи с их творцом. Но чем заметней приближается наука к исследованию человеческих миров, констатации многомерности жизненных пространств, ценностно-смысловой развертки реального бытия людей, тем ясней проступает методологическая значимость идей, которые выдвигал и разрабатывал О.К. Тихомиров.

Глава 1. Самоорганизация в призме трансспективного анализа

1.1 Теория самоорганизации и постнеклассическая наука

Прочитав заголовок книги, а теперь еще и название главы, искушенный читатель приготовился к встрече с привычными для него рассуждениям об аттракторах, диссипативных структурах, точках бифуркации, детерминированном хаосе и т.д., короче, со своеобразным понятийным аппаратом теории самоорганизации, обобщенно называемой синергетикой.

Читатель менее искушенный в синергетике и считающий себя скорее гуманитарно ориентированным психологом (хотя на деле одно другому несколько не противоречит), ожидает примерно того же, но только с выраженным налетом недоверия (или иронии, скепсиса, а может быть и всего вместе). Истоки его предубежденности в основном понятны: он вообще с трудом терпит, когда рядом со словами «человек», «душа», «психика» появляется слово «система». Чудится ему в этом слове что-то механическое, унижающее человека, сводящее его к «бездушной машине». Кроме того, он, возможно, считает синергетику некой экстравагантной «околонаучной модой», которая вскоре пройдет, потому переносы в психологию чужих для нее, но временно «модных идей», возникших в других науках, кажутся ему неоправданно спекулятивными. И это все на фоне опасения, что «системотверие», которое и в правду бывает «хуже суеверия», может овладеть умами психологов, особенно «молодыми» и «неокрепшими» умами.

Я хочу предупредить «искушенных» читателей и несколько успокоить «неискушенных». Для вторых, наверное, приятно будет узнать мнение Ильи Пригожина, одного из теоретиков самоорганизации, указывающего на то, что в его теории человеческие системы рассматриваются не в понятиях равновесия или как «механизмы», а как креативный мир с неполной информацией и изменяющимися ценностями¹. Иными словами, между понятиями «система» и «механизм» нет столь однозначной связи, которая унижает (или принижает?) человека. Более того, человеческие ценности (и смыслы) здесь ни только не игнорируются, но, может быть, впервые открывают свою истинную роль - выступать параметрами порядка, противостоя «дестабилизирующим эффектам», которые порождаются самой социальной системой. Кроме того, существует такой уровень исследования систем, когда не очень любимое слово «система» можно вполне адекватно заменить более благозвучным понятием «целостность». Например, если речь идет о существовании системы в бытии, когда она выступает единицей взаимодействия, т.е. как целостность.

Это понятие обычно принимают даже те, кто считает системный подход рядоположенным другим подходам, апробированным при исследовании психического. В этом смешении конкретно-научных и общеметодологических средств познания, когда среди субъектных, личностных, деятельностных и т.д. подходов обнаруживается и системный, игнорирование всего, что так или иначе связано с системностью, кажется вполне оправданным. Например, может показаться, что исследователь просто предпочел личностный (или какой-либо другой) подход, системному, хотя на деле это эквивалентно тому, что в одном случае он мыслит системно, а в другом - «психологически». Ясно, однако, что при этом все исследователи озабочены тем, что бы само исследование имело «целостный и системный» облик и даже достигают этого - иногда вовсе не задумываясь о системообразующих основаниях собственного профессионального мышления.

С другой стороны, взгляд на человека с точки зрения самоорганизации, т.е. взгляд на него как открытую самоорганизующуюся систему, вовсе не предполагает прямого переноса в психологию всего понятийного аппарата синергетики. Первоначально синергетика выростала из неравновесной термодинамики, теории катастроф и физической кинетики, постепенно

И. Пригожин. Природа, наука и новая рациональность. // Князева Е.Н.. Случайность, которая творит мир.

вычленив конечное число идей широкого мировоззренческого плана, преодолевших исходный физикализм теории.

Проблема заключается в том, чтобы вычленив в синергетике идеи мировоззренческого уровня, существенно преобразующие научную картину мира, а не просто перенести в психологию и каким-то образом приспособить к ней весь понятийный аппарат синергетики, за которым стоят реалии, адекватные низшим уровням системной организации материи. Синергетический редукционизм уже появился в психологии и, сдается, что он ничем не лучше философского, биологического или кибернетического редукционизма. Опасность здесь вполне реальна - наша наука, в силу эмпирического определения своего предмета, и, значит, размытости, диффузности собственных границ, с большой готовностью сползает на чужие предметные поля, так же как предметные поля других наук легко овладевают нашей «территорией». Пока же использованные попытки соединить психологию с синергетикой в виде особой науки («психосинергетика», например,) больше напоминают отмеченное С.Л. Выготским «сведение воедино чужого вопроса с чужим ответом». При том, что и сегодня «аннексия психологических областей производится так же безапелляционно и мужественно»³. Нужно учесть, что и в синергетике существует большой соблазн к захвату психологических полей: проверить на них справедливость собственных построений, значит окончательно доказать универсальный характер теории. Кроме того, как признает основатель синергетики Г. Хакен, подчас «трудно удержаться от искушения» описать синергетические феномены «в антропоморфных терминах»⁴. Отметим, что и сам Г. Хакен указывает на необходимость «соблюдать известную осторожность», применяя синергетические понятия к биологическим системам⁵. В данном случае речь идет об использовании применительно к биологическим системам основных понятий синергетики, в частности и понятия «управляющие параметры». Г. Хакен показывает различие между системами, которое, по его мнению, заключается в следующем. «В физических и химических системах мы фиксируем значения одного или нескольких управляющих параметров извне, налагая соответствующие экспериментальные условия... В биологических системах управляющие параметры часто вырабатываются самой системой, и их в определенном смысле можно рассматривать как переменные».

Мне кажется, что, переходя от физических, химических и даже биологических систем к психологическим системам, надо действовать не просто осторожно, но предельно осторожно. Во многом еще рациональный, понятийный аппарат синергетики пока мало сталкивался с реалиями, лежащими за пределами границы, антропологически (и значит, аксиологически) очерченной. Здесь самоорганизация идет не через случайность, а через необходимость и возможность, целесообразность и телеологичность.

Заметим, что под синергетикой сегодня понимают достаточно органичный симбиоз собственно синергетических идей, которые Герман Хакен начал развивать с 1969 года, с идеей эволюционных объектов, активно разрабатываемой в рамках термодинамики неравновесных процессов И. Пригожиным с 1943 года (его труды были отмечены Нобелевской премией в 1977 году).

Современная синергетика - это направление междисциплинарных исследований, объектом которой являются процессы самоорганизации в открытых системах различной природы. В поле внимания синергетики попадают в основном неравновесные системы, т.е. системы находящиеся вдали от термодинамического равновесия. Неравновесность создается и поддерживается за счёт «внешней подпитки» - потока энергии, информации и вещества из внешней среды. Благодаря этому возникает такое взаимодействие элементов и подсистем

Выготский Л.С. Собрание сочинений, т1, Москва, 1982г. С-326

там же, с 327

Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М.2001. с 50

там же - с.44

там же - с.44

неравновесной системы, которое приводит их к согласованному кооперативному поведению, в результате чего происходит упорядочивание - образование новых устойчивых структур. Таким образом, задачей синергетики является выявление условий, при которых системы становятся способными к самоорганизации.

Под самоорганизацией понимают процесс, в ходе которого создаётся, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. Самоорганизующейся называется такая система, которая без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру. Выделяются специфические внешние воздействия, навязывающие системе структуру или порядок функционирования. Собственно самоорганизация проявляется в тех случаях, когда система испытывает неспецифические воздействия извне. Установлено, что процессы самоорганизации характерны для систем, обладающих высоким уровнем сложности, понимая под ней как большое количество элементов, так и специфику связи между ними, которая имеют не жесткий, а вероятностный характер. Способностью к самоорганизации могут обладать объекты различной природы - физической, химической, биологической, социальной. В таких системах происходит перестройка существующих и образование новых связей между элементами системы. Процессы самоорганизации представляют собой сложное сочетание целенаправленности и спонтанности, автономности и зависимости. Перестройка характера движения неравновесной системы происходят в точках бифуркации, когда система приобретает новые качества и направления движения при малом изменении ее параметров. Считается, что синергетика не только отвечает идеалам постнеклассической рациональности, но и во многом определяет эти идеалы.

Поэтому принципиально важно, полагает В.С. Степин, различать синергетику как научную картину мира и синергетику как совокупность конкретных моделей самоорганизации, применяемых в различных областях знания (физике, химии, биологии, нейрофизиологии, экономических науках, и т.д.) .

В своей работе «Философия нестабильности» Илья Пригожин настаивает на том, что «базовый уровень идеологии классической науки», сделав устойчивость объектом научного интереса, не оставил тем самым места для уникальных событий, как ньютоновской подход не оставил места для новаций. Материя стала рассматриваться как вечно движущаяся масса, лишенная каких бы то ни было событий и, естественно, истории. История, таким образом, оказывается вне материи. И. Пригожин выделяет три показателя классической науки: исключение нестабильности, обращение к детерминизму и отрицание времени. Вместе они породили два противоположных способа видения универсума:

—универсум как внешний мир, являющийся в конечном счете регулируемым автоматом (именно так и представлял его себе Лейбниц), находящимся в бесконечном движении;

—универсум как внутренний мир человека, как постоянно идущий изнутри творческий импульс. Не случайно автор цитирует здесь Бергсона: "Я полагаю, что творческие импульсы сопровождают каждое мгновение нашей жизни".

Вывод, к которому приходит И. Пригожин, весьма знаменателен. Он заключается в следующем: с включением нестабильности в картину универсума, «наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, возможно, является *одним из важнейших культурных событий нашего времени*» . Заметим, что для психологии, которая никак не может преодолеть дихотомию внешнего и внутреннего (психического и физического, субъективного и объективного), обнаружение методологических оснований хотя бы для их «сближения» уже является чрезвычайным актом, способным определить культуру психологического мышления. П.М. Мясоед, например, считает проблему «внутреннего — внешнего» основной проблемой

психологии. Он полагает, что монистическое решение ее возможно в процессе «революционных изменений», которые привносят с собой переходы от классической к неклассической и постнеклассической рациональности⁹. Интересно, однако, обратить внимание на следующий факт, который кажется мне далеко не случайным. Ни П.М. Мясоед, ни другие исследователи, которые вышли к проблеме смены идеалов рациональности в психологии, не углубились в проблему соотношения идеалов рациональности с уровнем системности мышления, которое меняется (растет) адекватно смене самих идеалов. Ведь за каждым из таких «идеалов» стоит особое понимание системности, и, как мне кажется, *не идеал рациональности определяет уровень системности мышления, но все происходит с точностью наоборот*. Здесь стоит различать принципиальный содержательный состав идеала рациональности и механизм движения, обуславливающий смену идеалов рациональности.

В.В. Знаков делает упор на содержательном составе идеалов рациональности. С его точки зрения, *классическая* парадигма воплощалась в идее постижения объективных законов природы, пристальном внимании ученых к проблеме детерминизма и поиске причинно-следственных связей преимущественно естественнонаучными методами. На *неклассическом* этапе главным стал учет субъективности наблюдателя. Согласно неклассическому взгляду, мир многомерен, многогранен, гетерогенен. То, каким он предстает субъекту, зависит, прежде всего, от угла зрения, субъектных фокусировок сознания. Между событиями в мире существуют не только причинно-следственные детерминированные связи. Они могут быть рассмотрены через функциональные и структурные связи. Мир выстраивается воспринимающим, осмысливающим его субъектом. Это значит, что то, каким для нас может быть мир, определяется способами познания, используемыми ученым типами рациональных рассуждений. *Постнеклассическое* понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. Постнеклассическая наука характеризуется возникновением такого типа научной рациональности, который:

- объединяет науки о природе и науки о духе. В современной научной картине мира прежние типы рациональности не отрицают друг друга, а распределяют между собой сферы влияния;

- в зависимости от исследовательских задач одна и та же реальность может быть рассмотрена с разных позиций и может выступить предметом освоения посредством разных типов рациональности;

- в этих условиях решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность¹⁰.

Все это необходимо учитывать при переходе в историческую транспективу становления научного познания, куда собственно и выходит автор, говоря об исторических его этапах. В частности, можно показать, что каждая более высокая парадигма вырастает из предыдущей и содержит ее в себе в снятом виде. Будучи «вложенными» друг в друга, они не могут рассматриваться в качестве равноправных и относительно независимых элементов системы современного научного мышления. С другой стороны, разные ученые могут придерживаться разных парадигм и в научных дискуссиях отстаивать свое исконное право на свой способ мышления и системного видения некоего предмета. В этом плане можно говорить о взаимодействии трех типов научной рациональности, их со-бытии в современной науке. При взаимодействии этих трех типов рациональности происходит столкновение различных (по уровню реализуемой системности) мышлений, которое через стихию интеллектуальных баталий приведет к победе высшего из них. Потом и оно проиграет свою битву с мышлением метасистемного уровня и т.д. Можно предполагать, что только тремя уровнями мышления человеческое познание не ограничится и скоро станет вопросом, что же такое

«постпостнеклассика». Следовательно, все равно придется различать «систему современного научного мышления» и «уровень системности мышления», который реализует современный исследователь.

В.С. Степин, впервые (в 1989 году) предложивший дифференциацию исторических типов рациональности и три указанных их типа (классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность), наблюдая за тем, как введенное им различие сегодня «употребляется уже в качестве "ходячей истины" в самых разных контекстах», просит «особо обратить внимание» на ключевой признак этой типологии. По его мнению, он заключается в наличии коррелятивной связи между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект. Уровни рефлексии по поводу собственной познавательной деятельности и ее стратегий, полагает ученый, коррелятивны системным особенностям исследуемых объектов и выступает условием их эффективного освоения:

- простые системы выступают в качестве доминирующих объектов в классической науке;

- сложные саморегулирующиеся системы доминируют в неклассической науке;

- сложные саморазвивающиеся системы являются доминирующими объектами в постнеклассической науке¹¹. Итак, мы снова вернулись к вопросу о том, почему обсуждая проблему исторических типов рациональности в психологии, ученые чаще всего игнорируют именно тот момент, который сам создатель типологии считает «ключевым» ее признаком. Мне кажется, что это происходит по нескольким причинам.

Во-первых, соглашаясь со всеми остальными содержательными критериями неклассицизма или постнеклассицизма, можно действительно почувствовать себя неклассиком или постнеклассиком, даже не рефлексируя по поводу того, представление о какой системе определяет твою профессиональную ментальность, задает уровень системности мышления, формирует характерные признаки познавательной деятельности и качество вопросов, обращенных к предмету исследования.

Во-вторых, прав А.В. Юревич, указывая на разного рода «симптомы неблагополучия» в современной психологии, среди которых упоминается и отсутствие ясной соотнесенности между ее прошлым и настоящим¹². Именно это, на мой взгляд, и мешает выявлению динамики становлению типов рациональности в их обусловленности динамикой уровней системности мышления, выделяющего все более сложные системы в качестве предмета науки. Классицизм, опирающийся на статику ставшего, на «психологические окаменелости», исключает историю как динамическое явление, оставляя в ней только хронологическую компоненту. Не очень далеко от него в этом отношении находится неклассицизм, который уже вышел к становящемуся, но еще не пришел к становлению.

Становление же - явление особое. И. Пригожин, наблюдая за тем, как пример физики диссипативных систем побуждает другие науки к «физикализации» своего объекта, приходит к заключению о том, что этот пример должен, наоборот, «раскрыть перед ними ту проблему,¹³ которую они разделяют вместе с физикой - *проблему становления*». Дело, следовательно, заключается не в том, чтобы перенести в психологию понятийный аппарат синергетики, считая при этом, что тем самым наука приобщилась к рациональным идеалам постнеклассицизма. Это было бы самым настоящим синергетическим редукционизмом в форме «физикализации» психологии. Проблема в том, чтобы *посмотреть на человека через призму становления и разглядеть его в ней как целостную самоорганизующуюся открытую систему, прогрессивное и закономерное усложнение системной организации которой*

В.С. Степин. Эпоха перемен и сценарии будущего

¹² Юревич А.В. «Онтологический круг» и структура психологического знания. Психологический журнал. Т. 13, № 1, 1992).

¹³ Пригожин И. Переоткрытие времени. // Вопросы философии, 1989, № 8.

является основанием ее устойчивого бытия. Впрочем, как и ее подсистем (сознание, психика), которые в субординационных и координационных связях внутри целостной системы должны открыться в необычном ракурсе - как то, что обслуживает систему, помогает ей сохранить устойчивость, обеспечивает режим самоорганизации. Рассматривая сознание как элемент в системе «человек», мы уже не можем говорить о нем как о независимом полноценном элементе. Суверенно не сознание, но сознание принадлежит суверенной личности.

Мое мнение по этому поводу заключается в следующем. Психика и сознание - это не органы управления, вмонтированные в человека, не аппараты регуляции, подчиняющие человека, не средства ориентации, опирающиеся на присущую им способность к отражению среды. Психика (сознание) - это то, с помощью чего система (человек) оказывается открытой, т.е. способной к избирательному взаимодействию со средой на основе превращения ее в многомерный мир человека, порождение которого (становление) является предпосылкой устойчивого (осмысленного, реалистического, действенного) бытия человека в непрерывно создаваемом им самим жизненном пространстве (самоорганизация).

Целостного человека не просто нет в нашей науке, он еще и унижен ею, поскольку сведен до пассивно-страдательной оболочки, которой правят мозг и сознание (вкуче с бессознательным). Правда, ответственность почему-то возлагают на человека, а не на них (уголовную тоже). Тем не менее, продолжают создаваться целые теоретические системы о самодействующем мозге, о «деятельности сознания» и «психической деятельности», имеющим свои цели (поскольку «действуют»), свои закономерности и даже свою «психологию» и «неврологию».

Становление - это то главное, что несет в себе постнеклассика. Я убежден, что со временем это понятие станет не менее важным принципом психологического познания, чем принцип развития, который, как отмечает В.Т. Кудрявцев, еще сохраняет свою роль принципа, но как категория все более напоминает декларацию¹⁴. На мой взгляд, это связано с тем, что принцип развития до сих пор дополнял принципиальную позитивистскую (ретроспективную) установку классицизма, требующую изучать ставшее, то, что уже сложилось, стало опытом, является сущим, способно воздействовать на органы чувств или доступно интроспекции.

Надо просто согласиться с тем, что наука больше уже не может делать вид, что ей удалось примирить эту установку с принципом развития, который предполагает переход от ретроспекции к перспективному анализу. Там где есть обмен со средой, там возникают необратимые изменения, понимаемые как признаки развития, которые проявляются не только в открытой системе, но и в среде, в которую открыта система. Тем самым устанавливается, что дальнейшие взаимодействия будут происходить уже с измененной средой, опыта взаимодействия с которой у системы нет по определению, и тогда возникают вопросы. Например, что же такое «адаптация», и какие проблемы может решить наука в рамках «психологического гомеостаза»? И что есть «опыт» (ставшее), к которому так апеллирует классическая и неклассическая наука? И как понять стресс и адаптацию к нему?

Параметры порядка система вынуждена порождать сама и производить их всегда заново - такова природа обмена. Взаимодействие, понятое не в гносеологическом, а в онтологическом плане, приводит к идее о связи психики с порождением многомерного мира человека, обеспечивающего реальность, предметность и действительность его бытия. Обмен преобразуют не только человека, который становится другим с каждой порцией внешнего, которую он принял в себя, но и внешнее, которое, благодаря взаимодействию, «выходит из себя», и становится субъективным основанием дальнейшего развития системы. *Внешнее «адаптируется» к человеку несколько не меньше, чем он к нему.*

Становление - апофеоз постнеклассической науки, в том числе и психологии - в той ее части, в которой она полагает себя принявшей (или принимающей) идеалы постнеклассицизма. Другое дело, что наука пока не разработала способов и приемов психологического и историко-

психологического анализа, адекватных постнеклассицизму. Для этого нужно не только человека, но и саму науку определить как открытую самоорганизующуюся и саморазвивающуюся систему, коренным образом изменив представление о времени, о научном пространстве и околонаучной среде. А это и представляет основную сложность.

Постнеклассический идеал рациональности целиком завязан на онтологию самоорганизации и саморазвития - последовательное усложнение системной организации, эволюцию системы как развертку ее в пространстве и времени. Причем и пространство, и время сами понимаются не как то, в чем происходит развитие системы, а как конструкты, системные новообразования, порождаемые системой. «Когда-то Валери совершенно правильно, на мой взгляд, отметил, что "время — это конструкция", - пишет И. Пригожин. «Действительно,- продолжает он, - время не является чем-то готовым, предстающим в завершенных формах перед гипотетическим сверхчеловеческим разумом. Нет! Время — это нечто такое, что конструируется в каждый данный момент»¹⁵. Иными словами, для вскрытия динамики уровней системного мышления в процессе смены идеалов рациональности по линии «классицизм - неклассицизм - постнеклассицизм» нужны новые методологические и методические средства историко-психологического познания. Такие средства может предоставить транспективный анализ, о котором речь пойдет ниже. Конечно, подобный анализ требует другого уровня профессиональной рефлексии, осознания себя как субъекта мыслительной деятельности, сознательно организующего ее именно таким, а не другим способом.

Глядя на историю психологической науки «классическим» или «неклассическим» взором, мы упускаем в ней то, что является нашим собственным достоянием, открытие которого способно изменить соотношение между психологией и синергетикой, претендующей на статус общенаучной теории самоорганизации. Психология не открывает сегодня с помощью синергетики самоорганизацию и мышление, необходимое для изучения психического в контексте его роли, функции и миссии в самоорганизации человека как сложной самоорганизующейся и саморазвивающейся системе. Если И. Пригожиным «сближение» внутреннего и внешнего миров воспринимается как важнейшее культурное событие нашего времени, то психология готова предоставить образцы не просто сближения этих миров, а конкретные способы преодоления их дихотомии, основанные не на чем-нибудь, а именно на идеях самоорганизации. Откуда они пришли и каким образом «заселились» в психологии? У этих идей, как и у синергетики, некоторые корни можно считать общими.

Г. Хакен пишет о том, что «знаменитый британский физиолог Шеррингтон придумал специальный термин - *синергия*, т.е. согласованное совместное действие мышц. В России проблемой координации движений занимался Бернштейн»¹⁶. Однако, Чарлз Шеррингтон вышел к системам, функционирующих на принципе *гомеореза*, т.е. "автономизированного процесса производства новообразований или самоорганизации"¹⁷. А в России, и этот факт мне кажется принципиальным, идеи Ч. Шеррингтона, следовательно, идеи синергии и саморегуляции (или синергии как саморегуляции) были восприняты Л.С. Выготским и легли в основание культурно-исторической теории, став, как это не парадоксально, совершенно неопознаваемыми в ней. В силу чего и сам Лев Семенович, с легкой руки Тулмена, а потом и отечественных аналитиков, превратился в таинственного и загадочного «Моцарта психологии», от которого «исходит ощущение высочайшей методологической культуры».

Ощущение есть (уже хорошо), а осмысления истоков и сущности этой культуры, пока нет. «Классический ум» не поднимается до саморегуляции, «неклассический ум» не поднимается выше саморегуляции, а потому не отличает ее от самоорганизации. Интересно

И. Пригожин. Природа, наука и новая рациональность. В кн. Князевой Е.Н.. Случайность, которая творит мир. М., 1992.

¹⁶ Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М.2001. с 74.

¹⁷ цит. по Югай Г.А. Общая теория жизни. - М, 1985, с.137.

наблюдать за тем, как нормативы классического и неклассического мышления накладываются на все творчество «постнеклассика», естественным образом считывая в нем только то, что соответствует приложенным меркам. То Л.С. Выготского причисляют к тем, кто творчески развивал идеи классика психологии И.П. Сеченова, то Сеченов становится вдруг постнеклассиком, а Выготский, наоборот, неклассиком¹⁸. В Работе «Сознание как проблема психологии поведения» (1925) Л.С. Выготский пишет о том, что «работа каждого органа... не есть нечто статичное, но есть только функция от общего состояния организма. Нервная система работает как одно целое - эта формула Шеррингтона должна быть положена в основу учения о структуре поведения»¹⁹.

В этой работе хорошо видно как движется мысль ученого к основным принципам самоорганизации, выходя, с одной стороны, к идее ограничения и избирательности взаимодействия системы со средой (идея «воронки»), а, с другой стороны, к формулированию одной из основных идей современной теории самоорганизации - идее о слабом взаимодействии, которое способно определить дальнейшее развитие системы, приближающейся к точки бифуркации. У Л.С. Выготского это выглядит так: «легко можно себе представить, как незначительные сами по себе реакции, даже малоприметные, могут оказаться руководящими в зависимости от конъюнктуры в том «пункте коллизии», в который они вступают»²⁰. Идея психики как «воронки», через которую «гераклитов поток», этот хаос внешнего упорядочивается и ограничивается, вернется вновь - уже через два года в работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский напишет, что психика «... есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было

действовать»²¹. Еще через два года в «Конкретной психологии человека» (1929) он скажет: «Есть переходные формы, а между духом и материей их нет... Развитие идет не к социализации, а к индивидуализации общественных функций. Механизмы создаются в среде (конструкции). без человека. как целого нельзя объяснить деятельность его аппарата (мозга), что человек управляет мозгом, а не мозг человеком. что без человека нельзя понять его поведение, что психологию нельзя излагать в понятии процессов, но драмы»²².

В свое время о границе между духом и материей, которую создает сознание, писал талантливый русский мыслитель А.А. Богданов, автор тектологии - «всеобщей организационной науки», сетуя (в 1914 году!) на то, что «большинство философов и значительная часть психологов» принимают как непреходимую границу между "материальной" и "духовной" природою, или между "физическим" и "психическим" - «мышление людей до сих пор не выбилося вполне из оболочек фетишизма, окутавших его на пути развития»²³. Тектология мыслилась самим автором как наука об организационных системах, изучающая каждую из них с точки зрения соотношения между ее частями, а также отношения системы как целого с внешней средой. «Самоорганизация человечества есть борьба с его внутренней стихийностью, биологической и социальной; в ней орудия не менее необходимы для него, чем в борьбе со внешней природою, конечно, иные - орудия организации. С великим трудом и великими жертвами человечество вырабатывало их»²⁴. По сути дела "Тектология" представляет собой неустанный и очень изобретательный поиск, осуществляемый ученым-энциклопедистом, поиск эмпирических доказательств

Мясоед П.М. Психология в аспекте типов научной рациональности. Вопросы психологии., 2004, № 6, с.3-18.)

¹⁹ Выготский Л.С. Собрание сочинений, т 1, Москва, 1982г. с 81.

²⁰ Там же, с. 87.

²¹ Там же, с. 347.

²² Выготский Л.С. Конкретная психология человека// Вестн.Моск.ун-та. Сер.14. Психология.- 1986.- 1.- С. 60.

²³ Богданов А.А. Очерки организационной науки. Самара, Госиздат, 1921

²⁴ Там же, с 6.

«повсеместного и повсевременного» существования изоморфизмов организационных свойств, отношений, процессов, явлений. Известно, что позднее, именно эта эмпирическая предпосылка была положена Людвигом фон Берталанфи в основу его общей теории систем, а выделение А.А. Богдановым регулируемых и саморегулируемых систем и разработка идеи бирегулятора («механизма» с прямыми и обратными связями) позднее были вновь проделана

Норбертом Винером²⁵. Однако до сих пор не вполне оцененным остается разработанный А.А. Богдановым принцип «подбора» - суть его «не переоткрыла» пока ни одна из современных теорий самоорганизации. Точнее, одна половина этого принципа, а именно, что тектологический комплекс способен к саморазвитию, повышению своей организованности как следствие его неустойчивости, составляет сердцевину современного понимания самоорганизации. Вторая же половина этого принципа, объясняющая механизм эволюции как возникновение более высокой организации, пока еще по достоинству не оценена. А.А. Богданов вместо идеи «естественного отбора» указывает на «прогрессивный подбор», имеющий системный характер и происходящий непрерывно.

Здесь главным становится не «отбор» заведомо приспособленных, т.е. соответствующих среде, а способность системы порождать соответствующих среде и прогрессивно усложняться за счет производства новообразований. А изменяющиеся формы затем «сами собой становятся во все более различные отношения к внешней среде». А.А. Богданов, говоря об устойчивости системы, ее «сохранении» выделяет «две важные вещи»: во-первых, это сохранение никогда не бывает абсолютным, а всегда лишь приблизительным; во-вторых, оно есть результат «подвижного равновесия» системы с ее средой. Термин «подвижное равновесие» («динамическое равновесие») сегодня является одним из самых существенных в теории самоорганизации. Конечно, можно А.А. Богданова отнести к «глобальным эволюционистам», рассматривающих мир как единую саморазвивающуюся систему, но ценность высказанных им идей от этого вряд ли уменьшится.

Ведь вопрос об усложнении системной организации в процессе становления системы, что вообще позволяет говорить о становлении, всегда был, и сегодня остается самым сложным из всего того, что составляет проблематику самоорганизации. Легче всего снять эту проблему с помощью преформизма - просто приписать системе способность к производству «иерархии» уровневой организации элементов, т.е. способность порождать в процессе развития новые уровни. Можно даже постулировать, что каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни, перестраивая их таким образом, что в результате система обретает «новую целостность». Но снять вопрос о том, каким образом и почему система дифференцируется в процессе перехода на новые уровни функционирования, да еще таким образом, что в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы, вызывая перестройку всего блока управления, все равно не удастся. Можно, конечно, этот вопрос не снимать, а просто сместить его в сторону многозначительных рассуждений о том, как возникают «новые параметры порядка» или новые типы «прямых и обратных связей». Например, приписать сложным саморазвивающимся системам наличие определенных «информационных структур», которые способны фиксировать особенности, ценные для обеспечения целостности системы, т.е. накапливать «опыт» предшествующих взаимодействий.

Таким образом, возникает несколько неожиданный вопрос о том, насколько постнеклассична теория И. Пригожина. Развиваемая им термодинамика диссипативных структур, улавливает (само)образование упорядоченных структур, что и дает повод говорить об их самоорганизации, за счет рассеяния внешней энергии в окружающую систему среду. И все-таки, этот безусловно новый prospect термодинамики, содержащий принципиальные различия с термодинамикой классической, имеет нечто принципиально общее с ней, а именно трактовку изменений как отклонений от состояния равновесия. Посему становление - как прогрессивное и закономерное усложнение системы - и в этом prospecte базируется на идее

равновесия, даже если центр анализа переносится на факты отклонения от него. Иными словами, здесь нет нормотворчества, производства ценностно-смысловых регулятивов, нет открытых целей, фактически нет и тенденций.

Анализируя же человеческий способ бытия, можно прийти к заключению, что он основан на преодолении равновесия как состояния, смертельно опасного для устойчивого бытия. Природа человека гетеростатична, и только поэтому неравновесна. Он не просто живет в среде, обмениваясь с ней информацией, веществом и энергией, как это подобает любой открытой системе. Не просто меняет среду, возвращая в нее переработанное им, т.е. измененные им продукты обмена. Он на базе бесконечной по своим возможностям, и потому аморфной, безразличной «среды», создает свой многомерный мир. Он создает этот мир, проецируя себя в среду, и тем самым превращает ее в действительность, обладающую параметрами предметности и реальности. Только такой мир гарантирует ему многомерное бытие, исключаящее саму возможность установить равновесие между образом мира и образом жизни так, что они сольются для него в той убивающей слитности, которая прервет становление, являющееся для человека условием жизнеосуществления. Так умирают алкоголики и наркоманы, пытаясь медикаментозно, искусственно подогнать мир под себя, не меняя ни его, ни свой способ бытия в нем. Так приходит к человеку старость, про которую Гегель писал, что «мудрость» старика - «эта безжизненная совершенная слитность субъективной деятельности со своим миром - не в меньшей степени ведет назад, к незнающему противоположностей детству, чем деятельность его физического организма, превратившаяся в привычку, лишённую характера процесса, движется вперед к абстрактному отрицанию живой единичности - к смерти»²⁶. Далее Гегель заметит: «и самым сильным натурам для их конкретного самочувствия необходим известный объем внешних отношений, так сказать, *достаточный кусок вселенной*, ибо без такого индивидуального мира человеческая душа вообще не имела бы, как сказано, никакой действительности, не достигла бы определенно различенной единичности»²⁷. В порождении такого «индивидуального мира» психика принимает непосредственное участие. Ее призвание заключается не в отражении объективной реальности, а в ее изменении, таком ее «субъективном искажении», которое необходимо (и в этом раскрывается вся глубина Л.С. Выготского) - для того, «чтобы можно было действовать»²⁸. С другой стороны, противопоставление *принципа отражения* реальности *принципу порождения новой реальности* еще не решает проблему, а скорее подталкивает к постановке новой.

Оба принципа схватывают только разные стороны, разные проявления единого. Причиной и отражения, и порождения является взаимодействие, следовательно, и объяснение, как того, так и другого, станет возможным, если выйти не за пределы отражения, а *за пределы самого взаимодействия*, к новому принципу, частными проявлениями которого являются и принцип отражения реальности, и принцип порождения новой реальности. Более того, этот новый принцип должен быть настолько более глубоким и универсальным, чтобы по отношению к нему само отражение (и порождение) можно было понять не как одно из самостоятельных свойств Космического универсума, а как следствие, как проявление более глубоких его свойств, связанных с *самоотражением и самопорождением*. Вопрос, поиски ответа на который и составляет содержание данной книги, был поставлен следующим образом.

Если причиной отражения и порождения, происходящих на уровне любых известных нам форм движения материи, является взаимодействие, то что тогда является причиной взаимодействия ?

Я понимаю, что для многих из тех, кто возьмет на себя труд ознакомиться с данной книгой, вопрос в такой форме никогда не стоял. Идея всеобщей взаимосвязи явлений,

Гегель. Сочинения. Т.3, М,1956, с 95-97.

Там же, с 128.

Выготский Л.С. Собрание сочинений, т 1, Москва, 1982г. с 347.

сделавшая нас каузальными детерминистами, которые везде ищут (и находят) исключительно причинно-следственные связи как логическую основу для научного (и не только) объяснения, как бы подразумевает, что всеобщая взаимосвязь явлений внутри «универсумальной действительности» означает признание столь же всевозможностных взаимодействий внутри нее. Поэтому и не поднимаются вопросы об условиях, в которых вообще возможно взаимодействие, об обуславливающей детерминации актов взаимодействия. Отсюда и трюизмы типа «всякое воздействие есть взаимодействие», «всякое действие предполагает взаимодействие» Я не хочу далее затягивать с ответом.

На мой взгляд, *избирательность процесса отражения (в том числе и психического отражения) определяется на уровне условий, детерминирующих возможность взаимодействия.* Это напрямую относится и к процессам порождения. Любая организация (включая и самоорганизацию) в, сущности, есть ограничение. Иными словами, если в ведомой нам Вселенной и есть какой-то порядок, то он обеспечивается тем, что я называю законом ограничения взаимодействий. Все со всем, любое с любым взаимодействовать не могут. *Условием взаимодействия является соответствие взаимодействующих сторон; состоявшееся взаимодействие указывает на соответствие и проявляет его как свою причину.* Там, где обнаруживается соответствие, взаимодействие происходит само - в этом я усматриваю смысл самоорганизации. *Соответствие инициирует взаимодействие, причем в такой же степени, в какой взаимодействие проявляет факт обнаружения соответствия.*

Речь ведь идет об открытых системах, для которых обмен со средой является условием *устойчивости* системы, сохранения себя как пространственно-временной организации. Прекращение обмена со средой можно представить как *закрытие* системы, в пределе это ее распад, деструкция, умирание, смерть. Информация, энергия, вещество нужны для обеспечения жизнеспособности системной организации - удержания (поддержания) внутреннего порядка. Поэтому в каждый момент времени система нуждается *не в любых реагентах*, которые наличествуют в окружающей среде, а только в таких, которые ей действительно потребны для сохранения собственной целостности «здесь и сейчас».

Таким образом, обмен системы со средой ее существования всегда выступает как взаимодействие, в котором система ведет себя как *заинтересованное* целое. Именно поэтому взаимодействие необходимо понять как избирательное взаимодействие, т.е. *взаимодействие, изначально включающее в себя отношение как собственную причину.* Избирательное взаимодействие системы со средой представляет собой форму существования системы.

Может показаться, что употребление понятия «интерес» (или его аналогов, таких как потребность, стремление, волеизъявление, хотение, намеренье и т.п.), в отношении систем не являющихся «живыми», есть ничто иное, как неприкрытая антропоморфизация, т.е. попыткой привнести человеческие измерения в «неживую» природу. Однако разделение всего космического универсума на «живое» и «неживое» в нем, само по себе уже является антропоморфизацией, блокирующей возможность выделения любых переходных форм между «живой» и «неживой» материей.

Осторожный В.И. Вернадский ввел понятия «косной» материи именно для того, чтобы не пользоваться понятием «неживая» материя, или, того хуже, «мертвая». Я думаю, что многое из того, что в живых системах, особенно у человека, выступает в предельно развернутой форме, а иногда даже кажется именно тем, что отличает живые системы от всех других, на самом деле может быть обнаружено в своих нераскрытых, зародышевых формах в любых открытых системах. Иными словами, *общий закон, в соответствии с которым устанавливается порядок в космическом универсуме, является одним и тем же для всех уровней организации универсумальной действительности, но на каждом уровне он конкретизируется в различных формах.* Вопрос в том, в чем заключается этот закон. Пространство, в пределах которого нужно искать ответ на этот вопрос, ограничено рамками вопроса о том, как осуществляется *избирательное взаимодействие на различных уровнях организации универсума.*

С этой точки зрения, человек является открытой самоорганизующейся системой - результатом эволюции, понимаемой как проявление закономерного усложнения системной организации всего космического универсума, по отношению к которому он выступает как один из его параметров порядка. Представление о том, что человек не больше чем «лишай на чистом теле вселенной», случайное порождение, «злокачественное новообразование», производящее экологические катастрофы и другие деструктивные процессы - все эти идеи опровергаются простым наблюдением за тем, с какой несокрушимой энергией и направленностью энцефалогенез выводит к разуму. Человек нужен космическому универсуму именно в качестве открытой системы - действующего в мире, разумного (творящего), духовного начала, способного, рано или поздно, осознать свое место в самоорганизации той предельно широкой системы (метасистемы или «сети»), которую он же сам нарекает столь туманно - «космический универсум».

Мы плохо понимаем пока, каким образом высшее присутствует в низшем. Как оно детерминирует наше поведение, какие акты мы действительно совершаем по собственной воле, и насколько, на самом деле, эти акты детерминированы сверху, сколько же в них на самом деле мимовольного. Мне кажется, что когда животные демонстрируют поведение, бессмысленное с человеческой точки зрения, например, когда мы чисто логически (суть, по человечески) решаем вопрос о том, что толкает к размножению особь, уже состоявшуюся, для которой понятие «выживание вида» просто отсутствует, так же как и переживание чувства ответственности за продолжение рода, то этим самым мы выдаем и наш образ мышления. Мы пока не в силах осмыслить то в себе, что обусловлено нашей включенностью в ряд субординированных и иерархизированных систем, высшую из которых представляет космический универсум.

Поэтому, нечто напоминающее «интерес», и значит, нечто напоминающее *смысл* можно найти на любом уровне организации материи. Например, атом водорода, безусловно, заинтересован в другом атоме, поскольку в нем находится его собственный электрон, пока еще не ставший своим, но без которого он не может устойчиво существовать. Ему не нужен этот другой атом, ему нужен «свой» электрон, являющийся частью «чужого» атома, но присвоить его можно только в комплиментарном взаимодействии - сделав часть электронов общими для двух атомов внутри молекулы водорода.

Уже на уровне атома мы видим нечто такое, что не может не насторожить. Можно предположить, что на любых уровнях организации материи проявляется *стремление систем удерживать свою целостность*. Можно конкретизировать некоторые вытекающие отсюда следствия.

1. Это стремление необходимо признать исходным, определяющим. Оно порождает способность систем *опознавать свое за пределами себя*.

2. Стремление удерживать свою целостность делает систему сензитивной к тем элементам безразличной, индифферентно, т.е. в себе и для себя существующей среды, которые по отношению к системе выступают как *необходимые условия* устойчивого существования системы.

3. Это стремление проявляется в *поиске* во внешнем того, без чего система не может удерживать свою целостность, свою организацию, то, что должно быть *опознано* как свое и в качестве своего *присвоено* системой. По-видимому, любые поля (электрические, гравитационные, тем более смысловые, в которых живут люди) есть прежде всего инструменты отбора нужного системе (имеющего «смысл») среди того, что является «вещью в себе». Поле обеспечивает возможность отбора и его дальное действие. Любое поле - это 1) ожидание, подкарауливание «своего, еще не ставшего своим», 2) это опознание «своего» как соответствующего себе, 3) это энергия, затрачиваемая на превращение «своего, которое еще не стало своим» в подлинное свое.

4. В результате избирательного взаимодействия рождаются более сложные образования (системы), в силу чего дальнейшее избирательное взаимодействие со средой осуществляют уже они, и сензитивными факторами среды становятся уже другие ее факторы, с которыми

только теперь становится возможным взаимодействие - они стали соответствовать усложненной системе. Уже здесь просматривается детерминация, обеспечивающая усложнение системной организации, характеризующее эволюцию.

Конечно, атом потеряет свою суверенность, оказавшись в структуре молекулы, но, вступив в избирательное взаимодействие, он сохранит себя как целое (внутри другого целого). *Потеря суверенности есть неизбежная плата за самосохранение.* Так иногда образуются государства - иногда лучше слабому государству вступить в более мощную структуру, чем вовсе исчезнуть под действием деструктивных сил.

Жизнь атома продолжится в структуре молекулы, но все четыре выделенных нами закономерности можно обнаружить и на уровне межмолекулярных взаимодействий. Так В. А. Энгельгардт под «узнаванием» понимает «специфически направленное и пространственно организованное установление контактов молекул биополимеров между собою»²⁹. Известно, что механизмы узнавания (установление соответствия) определяют взаимодействие на уровне молекул белков, молекул нуклеиновых кислот, между белками (ферментами и нуклеиновыми кислотами), на уровне химических взаимодействий (валентность) и т.д. Я не хочу утомлять читателя фамилиями и цитатами, доказывающими, что на всех уровнях организации материи проявляется один и тот же принцип - соответствие является причиной взаимодействия. Для скептиков я бы мог привести длинный список подтверждений, но это вряд ли что-то изменит.

Проблема заключается несколько в другом: можно подняться по всем уровням организации материи и форм ее движения и везде - от самой элементарной частицы до человека - обнаружить *способность нуждающихся друг в друге систем опознавать друг друга самим фактом вступления во взаимодействие*, но факты эти все равно не могут никого убедить. Потому, что все время будет возникать вопрос о том, *что представляет собой механизм узнавания своего, когда оно еще не стало своим.* Это вопрос о том, почему будущее везде существует в форме его ожидания и готовности его осуществить («активное ожидание»). Это вопрос о том, как рождается смысл в качестве сигнала о соответствии, о появлении в среде чего-то, что способно обеспечить системе устойчивость ее бытия, т.е. того, что, будучи присвоено системой, обеспечит ее существование - дальнейшее движение, порождающее время жизни системы - становление .

Становление - длящийся процесс. Не прерывается он и в фазе бытия. В.Е. Кемеров отмечает: «Становление фиксирует некую парадоксальность бытия: вещь (организм, событие, среду), меняет совокупность условий и течение событий. Парадоксальность становления переводит это понятие в ранг характеристики человеческого бытия...»³¹. В этом контексте становление указывает не только на «незавершенность» человека, его индивидуального мира, но и на необходимость «доставивания» и «перестраивания» форм мышления, познания вообще. Пронизывая человеческое бытие, становление представляется переходом от одной формы бытия к другой, его характеристикой, его сущностью, проявляющейся в самодвижении мысли и деятельности от неопределенности к определенности, от неорганизованного или утрачивающего свою организованность жизнеустройства к организованному.

Вместо монолога Материи, природы (классицизм), а затем монолога Духа, который в некоторых неклассических теориях достигает торжественности гимна или пронзительности хорала, постнеклассицизм предлагает диалог материи и духа, предварительно найдя некое

²⁹ Энгельгардт В. А. О некоторых атрибутах жизни. Вопросы философии, 1976, № 7, с. 68

³⁰ Я не знаю ответа на этот вопрос. Можно полагать, что этот вопрос нельзя полностью адресовать науке, по крайней мере, современной науке. Здесь мы выходим за пределы рационального знания, любых идеалов рациональности и вступаем в область веры. Мы видим, что «это так везде», значит должны принять то, что есть, даже если мы не понимаем почему «так везде». Конечно, нас это не успокоит, хотя вера для того и нужна, чтобы обрести покой. Я не знаю, как составители документа под названием «Новый завет» поняли, что люди придут к этим проблемам, но вчитайтесь в само определение того, что есть вера. «Вера есть осуществление ожидаемого...». Становление есть переход возможности в действительность.

³¹ Кемеров В.Е. Становление // Современный философский словарь. С. 513.

соответствие между ними - иначе диалог не получится. Соответствие - причина взаимодействия. Если нет у человека интереса к природе, если нет у природы встречного интереса к человеку, иными словами, если нет соответствия между ними, никакой их встречи быть не может. Однако, если интерес человека к природе понятен, поскольку в ней содержатся условия жизни человека, условия устойчивого существования его Духа, то каковы интересы природы к человеку? Если их нет, то нет и взаимности, нет взаимоотношения, которое является основополагающей причиной их взаимодействия (диалога).

На этом месте рассуждения и должны сработать у некоторых читателей стереотипы классического и неклассического мышления, адекватные исходным парадигмам, которых они придерживаются. В этом утверждении нет высокомерия, но есть собственный опыт многолетнего профессионального исследования мышления людей. Мы так мыслим - исходно подчиняем проблему парадигме, а потом и весь процесс решения проблемы подчиняем тому, чтобы ее подтвердить.

Так «классический ум», опираясь на рассудок, позволяющий четко разделить материю и дух (психическое и физическое, внешнее и внутреннее, объективное и субъективное и т.д.) тут же проигнорирует понятие «взаимодействие». Почти рефлекторно сработают трюизмы типа: «всякое действие есть взаимодействие», «нет воздействия без взаимодействия» и тем «обесточат» проблему, лишив ее проблемности. Дальше сама проблема будет восприниматься как «игра ума» философствующего психолога, да еще склонного к спиритуализации материи. Здесь я, на всякий случай, «прикроюсь» Гегелем. «Множество иного рода форм, которыми пользуется интеллигенция, - что она извне *получает* впечатления и *принимает* их в себя, что представления возникают в следствие *воздействия* внешних вещей как причин и т.д., - относится к той стадии развития категорий, которая не является точкой зрения духа и

32

философского рассмотрения» . Я не буду комментировать этот фрагмент из «Философии духа» - курсив Гегеля красноречив. Если сознание заблокировано дихотомией «внешнее - внутреннее», да еще на уровне исходной парадигмы, которая утверждает, что «внешние причины действуют.», то комментирование вряд ли будет целесообразной (да и гуманной тоже) деятельностью.

«Неклассический ум» может не принять идею взаимодействия Духа с Материей как диалог двух заинтересованных сторон в силу изначальной дискриминации им всего того, что Духу противостоит как внешнее для него. Если человеку изначальное приписать врожденную потребность в самореализации (и еще десяток других «само», таких как самоактуализация, самоопределение, самодетерминация, самоидентификация, самопринятие, самоуважение и т.д.) роль внешнего (того, что не «само») кажется ничтожной. Оно и существует только для того, чтобы быть переделанным по меркам, и скроенным по лекалам изначальное активного (самореализующегося) Духа. Конечно, в этом выражался протест против «произвола материи», которая имеет свойство «навязываться» нашему уму и даже проявлять инициативу, выступая в качестве причин, так что вся активность избирательного воздействия оказывается на полюсе объекта, а на другом полюсе оказывается субъект, энергия которого тратится на *отражение* ударов, сваливающихся на него извне. Вряд ли «произвол Духа» лучше «произвола Материи», но неклассицизм, выпрямляя перегибы классицизма, сам осуществил перегиб, и сделал тем очень важное дело. Народная мудрость гласит: «для того, чтобы разогнуть, надо перегнуть». Неклассицизм «перегнул», и тем подготовил почву для постнеклассицизма.

Он заставил размышлять о целостном человеке как предмете философского и психологического исследования. Он заставил философскую мысль покинуть освоенные ею предметные и проблемные поля. Гносеология, онтология, аксиология, праксиология, философская антропология и т.д., пробившие свои, чуть ли не параллельно идущие «тоннели реальности», почувствовали в целостном человеке системообразующее начало, способное стать основанием для интеграции философии как науки, поднимая тем самым и ее

мировоззренческий потенциал в качестве важнейшей составляющих духовной культуры человечества. Мне кажется, что эпицентр современной философской мысли начинает смещаться от проблемы отношения сознания к бытию к проблеме сознания как «отношения в бытии».

1.2. Транспективный анализ как выражение постнеклассического мышления

Понятие «транспектива» употребляется в научных статьях психологов чаще всего в сочетании: «временная транспектива», «транспектива времени», «индивидуальная временная транспектива». При этом можно отметить закономерность: это понятие становится затребуемым, когда исследователю удается выйти за пределы эмпирически определяемого предмета науки. Чаще всего, сам «выход за пределы» не представляет собой осознанное движение исследовательской мысли к теоретическому определению предмета науки, т.е. не является результатом решения задачи, сводящейся к выявлению той системы, изучение которой (в качестве предмета науки) позволит понять какая все-таки «психологическая реальность» скрывается за понятиями «душа», «сознание», «психика». Но речь начинает идти о человеке, о его жизненном пути, о жизни как процессе самоосуществления. По мнению В.И. Ковалева, индивидуальная временная транспектива (ИВТ) является специфическим психологическим механизмом, в опоре на который личность осуществляет субъективную регуляцию времени³³. Это понятие означает *сквозное видение из настоящего в прошлое и будущее*, т. е. способность обозрения человеком течения времени собственной жизни в любом его направлении, возможность взаимосотнесения и связывания в его сознании и подсознании таких временных компонентов жизни, каковыми выступают для человека его прошлое, будущее и настоящее. Таким образом, временная транспектива понимается и как субъективно данное (в самосознании) образование, проявляющееся в "субъективно-ценностном обобщении и отношении" личности к жизни, возникающее в ходе жизнедеятельности, и как особый психологический механизм, позволяющий осуществлять ее "чувственно-мысленный обзор".

В.В. Нуркова и К.Н. Василевская указывают на явление «сужения временной транспективы личности», обнаруженного при изучении так называемой автобиографической памяти, которое играет значительную роль в преодолении кризисных ситуаций различного рода. Так в экспериментальном исследовании были выявлены три феномена в области трансформации временной составляющей автобиографической памяти личности, возникающих в трудной для личности жизненной ситуации предварительного тюремного заключения: феномен обеднения прошлого, феномен утраты детства, феномен онтологизации настоящего. Авторы утверждают, что в данной ситуации происходит активизация работы с субъективным настоящим; прошлое и будущее становятся менее значимыми, что и составляет сам феномен сужения временной транспективы личности³⁴. Мне кажется интересным сам факт того, что закрытие человека как системы, призвание которой быть открытой, (а что есть тюремное заключение, как не закрытие человека - в прямом и переносном смысле), приводит к изменениям во временных ее порядках. Вообще в словосочетании «транспектива времени», явно проскальзывает тавтология, но она гораздо менее выражена, чем, если бы мы говорили о «ретроспективе времени» или, того хуже, «перспективе времени». На мой взгляд, это связано с тем, что понятие «транспектива» подчеркивает движение, косвенно включая в себя и пространство, которое в это время осваивается.

Постнеклассическая наука транспективна в своей основе, поскольку дает другую трактовку проблем пространства-времени, другое представление о структуре реальности - не

Ковалев В.И. Категория времени в психологии (личностный аспект)// Категории материалистической диалектики в психологии. Под ред. Л. И. Анциферовой. М.: "Наука" 1988. С. 216-230.

³⁴ В.В. Нуркова, К.Н. Василевская. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены. . Вопросы психологии» 2003, N 5.

просто как того, что отражает человек, но, прежде всего, того, что человек порождает. Этим преодолевается количественный подход к трактовке времени и пространства, сложившийся в классической науке, в которой время предстает вместилищем процессов, а пространство — вместилищем вещей, при том, что оба эти «вместилища» абсолютно индифферентны по отношению к тому, что они в себя вмещают. Вместо этого подхода-«калькуляции» (М.Хайдеггер), вводится содержательное «измерение»: пространство задается не только вещами, но и смыслами; время течет не только вне или внутри нас, но и благодаря нам.

Постнеклассическая наука предполагает транспективный анализ, поскольку она методологически фундирована для понимания своего предмета исследования не как ставшего, и даже не становящегося, а как момент общего движения в ряду закономерно усложняющихся форм системной организации того, что она изучает. Иными словами, выход к перспективе открывается в транспективном анализе, т.е. анализе, выявляющем тенденции развития: что такое становление, как не прогрессивное развитие, понятое через его (развития) закономерности.

«Транспект» - это аналог понятия «становление», но такой аналог, который учитывает направление развития открытой самоорганизующейся (саморазвивающейся) системы как закономерно усложняющейся пространственно-временной организации. Поэтому и транспективный анализ - это анализ не только тенденциональный, но и хронотопический, учитывающий внутрисистемное со-бытие времени и пространства. В моем понимании транспективный - значит открывающий перспективу, выявляющий тенденции и направленность процесса развития, скрытые в самом этом процессе от того, кто только фиксирует факты появления новообразований, полагая их проявлением развития. Поэтому различаются «процесс онтогенетического развития», как он выступает в рамках принципа развития, и «процесс становления человеческого в человеке», механизмом которого является самоорганизация суверенной личности или самоорганизация «совмещенных» (термин Л.С. Выготского) психологических систем (мать и дитя, детско-взрослая общность).

Итак, о транспективном анализе можно говорить, только имея в виду сам фундамент, на котором базируется постнеклассицизм. Самоорганизация соединяет идею направленной эволюции системы (в плане даже хотя бы одного параметра - то, что придет, будет наверняка сложнее по своему системному устройству, чем то, из чего оно вышло) и идею становления - закономерного усложнения системной организации в процессах избирательного взаимодействия системы со средой.

Неопределенное (поливариативное, всевозможностное) будущее, которое кажется нам таким недоступным в качестве предмета исследования, становится гораздо более понятным, если его рассматривать с транспективной точки зрения. Здесь оно выявляется как то, что *не только проявляет* транспективу, но и *созидается в ней*. Другое дело, что такой подход требует определенной методологической подготовленности. Транспективный анализ предполагает выявление тенденций развития - это, прежде всего, анализ тенденциональный. Насколько легко пользоваться транспективным анализом каждый читатель может оценить по тому, насколько легко ему перейти от привычного понимания тенденции как того, в чем *проявляет* себя процесс развития, к такому ее пониманию, в котором она открывается как *потенция*, которая процесс развития *обуславливает*. «Потенция,- как указывал, пусть и по другому поводу, М.К. Мамардашвили, - в отличие от возможности - есть возможность, обладающая одновременно силой на свое осуществление»³⁵. А вот как проиллюстрировал эту идею (В 1927 году!) Л.С. Выготский. «Только тот, кто поднимает свой анализ из плоскости критического обсуждения той или иной системы взглядов на высоту принципиального исследования средствами общей науки, только тот разберется в объективном смысле происходящего в психологии кризиса; для него откроется *закономерность* происходящего столкновения идей и мнений, обусловленная самим развитием науки и природой изучаемой действительности на данной ступени ее познания. Вместо хаоса разнородных мнений, пестрой

разногласия субъективных высказываний для него раскроется стройный чертеж основных мнений развития науки, *система объективных тенденций*, с необходимостью заложенных в исторических задачах, выдвинутых ходом развития науки, и *действующих за спиной отдельных исследователей и теоретиков с силой стальной пружины*³⁶. С другой стороны, тенденции - это не рок, не векторы, однозначно указывающие направление по отношению к некой цели или неизбежному финалу. Они указывают наиболее вероятные направления развития в пространстве имеющихся у системы возможностей, соотнесенных с возможностями среды. Там, где обнаруживается соответствие, взаимодействие становится неизбежным; оно выявляет отношение взаимодействующих сторон, которое существовало раньше взаимодействия, проявилось в нем и закрепилось созданным «совокупным продуктом», изменившим как систему, так и среду. Иными словами, факт возникновения новообразований, который классическая и неклассическая наука полагает в качестве признаков развития, тут же становящихся историческими феноменами, состоялся там, где открытая система ответила на вызовы поливариативного будущего своим внутренним разнообразием, т.е. в том месте, где между ними было обнаружено соответствие, взявшее на себя функцию причины взаимодействия.

Транспективный анализ позволяет вычленить становление - эскалатор усложняющихся форм, эстафету преемственности там, где все кажется хаосом; не произвол в формообразовании, каковым бы он был, если бы допускались любые взаимодействия - в связи с тем, что именно они (взаимодействия) обладают порождающим эффектом. Он не признает линейность движения, которую так легко и незаметно подменяют «однолинейностью», за которой прячется телеологизм как идейная основа финалистических концепций. Однако отрицает и нелинейность, если под ней понимают чисто вероятностный процесс поведения системы в точке бифуркации - ничем не ограниченное количество степеней свободы, гарантирующее непредсказуемость дальнейшего пути развития системы. Поэтому транспективный анализ есть анализ тенденциональный. Из всех возможных путей развития состоится только один - поливозможность движения превратится в конкретный путь, поливариативность будущего обернется конкретной вариацией, которая станет содержанием истории становления системы. «Классический» историк зафиксирует ставшее как объективный факт, который уже нельзя изменить. «Неклассический историк» попытается анализировать ставшее, приблизившись предельно близко к настоящему, чтобы в фактах «только что ставшего», еще «горячих», зафиксировать изменения (становящееся). Транспективно мыслящий аналитик по изменениям вычисляет тенденции. Его занимает влияние этих новообразований на становление системы, он видит в нем то, что детерминирует дальнейшее ее развитие и упорядочивает ее. Он видит в факте механизм и момент самоорганизации, происходящего системного усложнения. Новообразование сделало систему другой, и тем произвело переструктурирование внешнего - в среде обитания системы изменилось то, что составляет ее условия жизни. Интересно, что об этом в самом начале 20-го века догадывался гениальный Лоуренс Гендерсон: «Создается такое впечатление, как будто через весь процесс развития происходит влияние некоторой непрерывно действующей тенденции, хотя это обстоятельство имеет и мало значения для науки; необходимо только иметь ввиду, что такая тенденция, как и время, является вполне независимой переменной и что тенденция и время вместе создают некоторую неизменную среду процесса развития»³⁷.

Что касается человека, то среди всех психологических новообразований особый интерес для транспективного анализа представляют смыслы и процессы смыслообразования. По моему мнению, смысл является тем, в чем становление человека заявляет о себе наиболее выражено - в нем сосуществуют времена (прошлое, настоящее, будущее). Он объективирует транспективу - общее направление движения системы «человек», которая благодаря особой

Выготский Л.С. Собрание сочинений, т 1, Москва, 1982г (выделено мною - В.К.). с. 324

Гендерсон Л.Ж. Среда жизни. М.-Л.: Госиздат, 1924. с.191.

роли психического в ее самоорганизации может рассматриваться как психологическая система.

Взаимодействие, обладая порождающим эффектом, производит смысл, выступающий для человека и в форме актуально переживаемого «здесь и сейчас» (*настоящее*), и в качестве сигнала о соответствии, появлении в пространстве внешнего «своего», которое пока еще не стало «своим» - не усвоено (присвоено, поглощено, персонифицировано), но уже предполагает *будущее*. Кроме того, смысл выражает себя и в виде условия, обеспечивающего появление в сознании человека конкретного сектора из области «чистой объективности» (избирательность отражения), и в форме готовности реализовать этот смысл определенным образом (установка).

Может быть не так просто будет осмыслить вышесказанное и принять его психологам, воспитанным на идеалах классической рациональности. Для этого есть свои основания. Как писал Л.фон Берталанфи, «мощь "классической науки" и ее многочисленные успехи на протяжении нескольких веков отнюдь не способствовали пересмотру ее фундаментальной парадигмы - однолинейной причинности и расчленения предмета исследования на элементарные составляющие». В этом усматривал ученый причины «методологической неподготовленности», в силу которой «системные» проблемы - древние и известные на

38
протяжении многих веков - оставались «философскими» и не становились «наукой» . Ассимилировать новые идеи мешает и то, что категориальный аппарат саморазвивающихся систем пока не разработан, но важно при этом учитывать, что варианты категориального аппарата саморазвивающихся систем были генерированы в философии задолго до того, как соответствующие структурные характеристики этих систем стали предметом естественно-научного исследования. Нужно учесть и разработку идей эволюции в первой половине XIX в., даже несмотря на ограниченность ее рамками феноменологического подхода.

Тем более важно учесть, что в ту же эпоху Гегель разрабатывал категориальный аппарат, который выражал целый ряд важных структурных особенностей исторически развивающихся систем. Интерпретацию гегелевской диалектики как категориального

39
описания саморазвивающихся систем В.С. Степин предложил в начале 80-х годов . По мнению самого же В.С. Степина, сходную оценку гегелевского творчества можно найти в книге Д.С. Чернавского⁴⁰. Интересно, что многие положения Д.С. Чернавского совпали с теми, которые в свое время отстаивал В.С. Степин, но получены они были, по его же признанию, независимо, путем сопоставления гегелевского метода с идеями и принципами синергетики.

Я не хочу полностью соглашаться с оценкой В.С. Степиным причин, в силу которых классик немецкой философии вышел к идеям, обгоняющих даже нашу (постнеклассическую?) рациональность на 200 с лишним лет. В принципе, он знал, что его (и Шеллинга) идеи опережают время. Он не просто создал свою философскую систему, но центром ее определил проблему единства человека с миром, которое до Коперника не выделялось, а после него выступило как противостояние противоположностей. Сегодня не только психология, но и другие науки стоят перед необходимостью смены уровня теоретического мышления. О том, что это когда-нибудь случится, предупреждал Гегель. В августе 1795 года он написал Шеллингу: «Но вот что будет мешать тебе быть понятым, а твоим рассуждениям проложить себе путь: люди ни в коем случае не пожелают расстаться со своим *не-Я*. В моральном отношении люди боятся ясности и борьбы, которая может затронуть приятную им систему удобств. ..они еще не поняли, что неудачи этих приключений разума и выхода его за пределы *Я* коренятся в его собственной природе...Ты молча бросил свое творение в бесконечность времени.» Но, как далее пишет Гегель, «научная культура» способна «спокойно идти своим путем» и тогда обнаруживается, что труды, давно забытые или считающиеся давным-давно

Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем// Системные исследования. Ежегодник. 1973. М., 1973. С.290.

³⁹ см. "Вопросы философии", 1986, N 4.

⁴⁰ Чернавский Д.С. "Синергетика и информация", М., 2001

опровергнутыми заблуждениями, «вдруг оказываются господствующими системами времени»⁴¹. Философская система Гегеля, монистическая, опирающаяся на историко-культурный ход мышления, не вызвала и не могла вызвать революцию в философии - новое мышление должно было вырваться и только когда оно приблизилось и заявило о себе постнеклассицизмом, Гегель стал опознаваемым как теоретик самоорганизации и саморазвития. Заметим, что гегелевская система никогда не уходила в небытие, но только сегодня она может быть затребована в полной мере.

Конечно, в чем надо согласиться со В.С. Степиным, во времена Гегеля естествознание еще не имело, и не могло иметь, адекватных образов сложной развивающейся системы. Дарвинская теория схватывала, скорее, феноменологический, а не структурный план, но и она была неведома Гегелю, который заложил категориальный каркас своей системы в самом конце 18 века. Да, здесь были и спекулятивно-мистические наслоения, но и они обладают эвристическим потенциалом, который только теперь можно оценить по достоинству. Но чтобы понять вклад Гегеля, достаточно представить современного психолога, который спокойно рассуждает о развитии психики, вообще не выходя в культурно-исторический контекст. Психолога, который не различает развитие и становление и спокойно уживается между двумя логиками - логикой отражения (непонятной с точки зрения его избирательности), и логикой деятельности, которая, будучи оторванной, от логики отражения, обещает дать научное объяснение его избирательности⁴².

«Однако, душа человека, - пишет Гегель, - обладает не только природными различиями, но она различается внутри себя самой, отделяет от себя свою субстанциональную целокупность, свой индивидуальный мир, противопоставляет его себе же как субъективному началу»⁴³. После этого более понятными и близкими для нас становятся В. Франкл, утверждавший, что «путь человека к себе лежит через мир», и Л.С. Выготский, пытавшийся убедить современников в том, что «человек извне овладевает собой».

Культурно-историческую теорию Л.С. Выготского можно оценить как прямое продолжением гегелевской системной линии⁴⁴. Удивительно, насколько похожи схемы саморазвития Гегеля и Выготского. У Гегеля, с точки зрения В.С. Степина, сама процедура порождения новых уровней организации в этой системе представлена следующим образом: нечто (прежнее целое) порождает "свое иное", вступает с ним в рефлексивную связь,

⁴¹ Гегель. Работы разных лет. т. 2, М, 1970, с.228-229.

⁴² Даже Б.Ф.Ломову, одному из самых системных умов в психологии XX века, легче было согласиться с двумя разными логиками, действующими одновременно, чем с одной логикой, допускающей вмешательство субъективного в содержание акта отражения. Между субъектом и объектом в момент взаимодействия не может быть ничего "третьего". "Психический процесс развертывается изначально не по логике деятельности, а по логике отражения", но с логикой деятельности "связана избирательность восприятия". (См. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., «Наука», 1984, с.158). Так возникает это роковое противоречие, в следствии которого принцип отражения стал катастрофически терять свой методологический (парадигмальный) статус в конкретной науке - психологии. С одной стороны, если человек видит то, что ему надо, значит он не видит то, что есть ("дело представляется так, будто бы субъект воспринимает не то, что есть в действительности, а то, что ему надо" (там же, с.157), с другой стороны, как замечает Л.С.Выготский, если бы глаз видел все, что есть в действительности, что непосредственно на него воздействует сейчас, "именно поэтому не видел бы ничего" (см. Выготский Л.С. Сочинения. М., 1982. с.347).

⁴³ Гегель. Сочинения. Т.3, М, 1956. с. 128).

⁴⁴ Прежде чем обосновать такое заключение, хочу сделать небольшое отступление. Довелось как-то слышать такое «остроумное» заявление: «Владимир Высоцкий и Лев Выготский пели хриплыми голосами, придавленные социализмом». Как бы раскрылись таланты каждого из них, если бы не это идеологическое давление, трудно сказать, но Лев Выготский строил свою «вершинную психологию», и пел при этом в чистой постнеклассической тональности, осознанно или не очень, но находя соответствующие ноты у Гегеля. Который «благодаря социализму», точнее марксизму, был не просто не запрещен, а вместе с немецкой классической психологией был официально признан в качестве одного из трех «источников марксизма». Ну, а тех, кто слышит у Льва Семеновича только «хрипы», тех стоит по-человечески пожалеть, но помочь им нельзя. Это про них сказал безукоризненно точный в своих афоризмах Ф. Ницше: "Кто не живет в возвышенном, как дома, тот воспринимает возвышенное как нечто жуткое и фальшивое".

перестраивается под воздействием "своего иного" и затем этот процесс повторяется на новой основе. Важнейшим моментом этого процесса является "погружение в основание", изменение предшествующих состояний (обогащение смыслов категорий) под воздействием новых. В работе «О психологических системах» Л.С. Выготский отметил: «замечательным мне кажется замечание о Гегеле В.И. Ленина, когда он говорит, что простейший факт обобщения заключает в себе еще не осознанную уверенность в закономерности внешнего мира. Невозможно сейчас изложить бесконечно увлекательную и центральную по значению проблему современной психологии об образовании понятия»⁴⁵. Но где же тут искомый параллелизм с Гегелем? Он обнаруживается дальше - там, где идет развитие мысли Л.С. Выготского. Овладевая понятиями, подросток «переходит к мышлению в понятиях» - от одной системы мышления («комплексной») к другой, более высокой. *Комплекс психических функций становится системой*, происходит внутрисистемное усложнение связей и «все дело», следовательно, заключается не в развитии каждой психической функции, «а в изменении связей и в бесконечно разнообразных формах движения, возникающих отсюда, в том, что возникают новые синтезы, новые узловыe функции, новые формы связей между ними и нас должны интересовать системы и их судьба»⁴⁶. И разве не транспективно выглядит образ: «я представил лестницу фактов, пусть разбросанную, но все же идущую снизу вверх».

Адаптируясь к велению времени, к физическим открытиям первой половины XX века, диалектическое мышление признало наряду с *причинной детерминацией еще и вероятностный детерминизм*. Транспективное мышление с *системной детерминации* (самодетерминации) начинает. Транспективный анализ специфичен тем, что позволяет рассматривать настоящее не в его обусловленности прошлым (ставшим), как его актуальное продолжение, но и не как то, что наряду с прошлым, испытывает детерминацию со стороны будущего (идея двойной детерминации настоящего). Центральной здесь является идея системной детерминации - *новообразования, рождающиеся в настоящем, определяют облик будущего и переопределяют облик прошлого*.

Такое определение только кажется парадоксальным. На самом деле парадоксальности в нем гораздо меньше, чем в привычных фразах «время идет», или «стрела времени направлена...» (из прошлого в будущее, можно и наоборот). Люди привыкли считать, что время есть нечто объективное, существующее само по себе, но при этом вездесущее и одинаково проявляющееся как «в полной пустоте», так и в физических пространствах, и в человеческих мирах. Чтобы ощутить парадоксальность такого понимания, нужно довести противоречие до уровня антиномии. Для этого нужно представить, что исчезло все, что только можно помыслить, и даже то, чего нельзя, исчезли часы и даже «полная пустота» вместе с ее границами, в пределах которых ее можно было отличить от непустоты. И в этом полном
47
отсутствии всего гордо продолжает вышагивать время .

Транспективный анализ предлагает регистрацию моментов, точек, фаз, стадий, пространств в которых возможность становится действительностью, и потому это такой *анализ, который вскрывает историю осуществляемых ожиданий*. В тени самого простого, самого сингулярного ощущения прячется ожидание. Оно прячется в тени элементарного

Выготский Л.С. Собрание сочинений, т 1, Москва, 1982г . с122.

⁴⁶ Там же, с 131.

⁴⁷ Такое упражнение ума, доводящее очевидное до невероятного, самоочевидное до абсурда, в принципе годится для тренинга по развитию транспективного мышления, но вряд ли способно преодолеть предрассудки, ставшие составляющей нашего менталитета. Например, представление о том, что время является причиной происходящего с нами. Почему нам проще сказать «мы стареем, потому что время идет», а не наоборот - «мы идем, а потому стареем»? Наверное, потому, что с детства нас учили тому, что время идет и его нельзя терять, а наши школьные задачки часто начинаются с вопроса «Сколько времени прошло...?». Даже скорость движения нам объясняли как отношение пройденного пути к затраченному на него времени. Может быть, было бы правильной объяснить ребенку, что время это не то, что показывают часы, а отношение того пути, который ты прошел, к тому, что ты сделал на этом пути и как ты это сделал. Это наше движение в пространстве вызывает ощущение времени, а изменения, в наших мирах происходящие, закрепляют это ощущение. Часы же - это такой прибор, который люди изобрели для того, чтобы оценивать то, что они прошли и сделали из того, что еще можно пройти и сделать.

мыслительного акта, оно стоит за спиной экспериментально добытого факта, его не видно в поперечном срезе эволюционирующего процесса - и с этим ничего нельзя поделать. И когда мы имеем дело со ставшим, замершим в своей статике продуктом, подготовленным для препарирования, то любое его расчленение (анализ) уже никогда не откроет ожидание, которое живет только в процессе, двигая его. *Трансспективный анализ - это анализ не движения, а анализ в движении.* Это не значит, что трансспективный анализ не предполагает поперечных срезов. Наоборот, он их предполагает, но понимает их как искусственно (и искусно) остановленные моменты непрекращающегося процесса саморазвития системы, произведенные не только для выявления дельты прироста новообразований (традиционный анализ развития по приросту нового). Эти срезы нужны для выявления тенденций становления - как потенциалов, в движении формирующихся, и в нем же обретающих силу на свое осуществление.

Завершая главу, хочу сделать некоторые обобщения.

1. Трансспективный анализ я понимаю как методологически оправданное средство познания, адекватное постнеклассическому идеалу рациональности; правомерность разработки этого средства фундирована наличием закономерностей, которые регламентирует жизнь открытых систем. *Это мышление, которое вызрело (вызревает) на базе диалектического мышления и содержит его в себе в снятом виде.*

2. Основная установка диалектического анализа - это *развитие*, через которое («в котором») необходимо изучать любое познаваемое явление. Основная установка трансспективного анализа - это *становление*, через которое («в котором») необходимо изучать особые объекты - открытые самоорганизующиеся системы с присущими им источниками саморазвития, обеспечивающими закономерное усложнение их системной организации.

3. *Источником развития считается противоречие, двигателем развития - борьба* (новых и старых форм, противоположностей и т.д.). В философских словарях середины прошлого века понятие «становление» понималось как возникновение нового (прогрессивного) в борьбе со старым (консервативным). Конечно, не всякое новое прогрессивно, но регресс - это ведь тоже развитие, только куда? *Источником становления является соответствие, двигателем становления - соответствие*, приводящее к взаимодействию, сопровождающемуся порождением системных качеств - «параметров порядка», определяющих прогрессивную логику системогенеза.

4. Диалектический анализ занимала скорее *гносеология взаимодействия*, выводящая на первое место *отражение* друг другом взаимодействующих сторон. Это очень хорошо всегда улавливала психология, перманентно страдая «гносеологическим редуционизмом». Для трансспективного анализа центральной становится *онтология взаимодействия с ее порождающим эффектом.*

5. В психологии хор голосов, толкующих «об отражении», всегда заглушал отдельные голоса «Моцартов психологии», пытающихся сказать что-то о «многомерном мире человека» (А.Н. Леонтьев), о «витальной онтологии» (С.Л. Рубинштейн), о «жизненном пространстве» (К. Левин), о «трансубъективном пространстве человека» (Д.Н. Узнадзе), о «порождении новой реальности» (О.К. Тихомиров), о «психологической ситуации» (К. Ясперс). Трансспективный анализ должен привести к осмыслению закономерности появления «Моцартов науки» через вскрытие нелинейности развития науки как открытой системы.

Любая наука начинает со статики, с изучения ставшего, но затем переходит к изучению динамики, к процессу становления, выделяя точки роста и тенденции развития. Посему трансспективный анализ можно применить:

- к филогенезу (психоистория) - как истории становления человечества, закономерного усложняющегося явления как с точки зрения энцефалогенеза, так и усложняющихся форм мышления, которыми оно пользуется для понимания как себя, так и своего места в синергии живой и всей остальной материи;

- к истории психологии, открывая движение науки как закономерное, конституируемое и манифестируемое этапами, становление, превращение в научную систему, детерминированное все более системным определением предмета науки;

- к онтогенезу - как истории становления человека в качестве самоорганизующейся психологической системы;

Именно такая последовательность (психоистория, история психологии, онтогенез) определила структуру подачи материала, включенного в эту книгу.

Глава 2. Психоистория как предмет трансспективного анализа

2.1. Историко-эволюционный подход как элемент культуры постнеклассического мышления.

Видимо, культурно-историческая психология в наибольшей степени чувствовала себя призванной к тому, чтобы внести "... историческую перспективу в психологи-

⁴⁸ческое исследование". Л.С. Выготский и А.Р. Лурия даже хотели назвать «психогенетикой» научное направление, которое специально занималось бы вопросами психологического развития человека в контексте исторического развития человечества. Однако, реалии таковы, что под этим именем ныне существует нечто другое, а тот предмет исследования, который выделили основатели культурно-исторической психологии, сегодня относят к прерогативам психоистории - направления, имеющего глубокие исторические корни, но все еще не оформившегося в признанную ветвь психологической науки.

Обусловлено это рядом причин, даже такой странной, как отрицание некоторыми исследователями энцефалогенеза и филогенеза психологии человека, которое автоматически снимает и проблему предмета психоисторического исследования. С этой позиции, человек уже давно сформировался, а психоисторический анализ вообще возможен только в том случае, если человечество эволюционирует, причем это развитие должно иметь некие закономерности, иначе и сам научный анализ становится избыточным. Л.С. Выготским указывал на то, что "диалектика психологии есть вместе с тем и диалектика человека как предмета психологии"⁴⁹. С другой стороны, сам Л.С. Выготский заметил, что историческое развитие психологии человека изучено гораздо хуже, чем другие планы его развития - биологическое развитие и онтогенез. Историческое развитие человека отличается глубоким своеобразием и еще не укоренилось в "общем сознании психологов"⁵⁰.

Можно согласиться с Э.В. Галажинским в том, что многими психологами исторический процесс становления человека, его психики и сознания воспринимается как в определенной степени завершённый в качественном плане, полагая, что теперь развитие идет лишь по линии количественного накопления изменений.

При этом нельзя не учитывать наличие профессиональных установок, позволяющих рассматривать психологические феномены (психические свойства, состояния и процессы, механизмы принятия решений и побуждения к действию и т.д.) в качестве «исторических инвариантов», обретающих ту или иную содержательную

Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. М. 1994.

⁴⁹ Выготский Л.С. Сочинения, т 1, 1982, с.322.

⁵⁰ Там же, с. 67.

⁵¹ Галажинский Э.В. Самореализация личности: взгляд с позиции психоистории // Сибирский психологический журнал. № 11.,1999.

наполненность в зависимости от конкретных социокультурных условий, в которых человек рождается и живет. Мы ведь подчас дискутируем с Аристотелем, как с современником, и ссылками на него утверждаем справедливость собственной картины мира либо опровергаем миропонимание, присущее оппонентам.

Более глубокой и действительно основательной причиной непопулярности психоисторической проблематики является трудности методологического плана. Психоисторический процесс - проблема многоплановая, суть полидисциплинарная, т.е. требующая от разработчика определенной междисциплинарной эрудиции. С другой стороны, нет другого предмета изучения в психологии, который бы столь откровенно выдвигал особые требования к культуре методологического мышления исследования. Именно поэтому, на мой взгляд, психоистория сегодня «ближе к нулю, чем к совершенству», как говаривал когда-то Э.Торндайк, оценивая общее состояние науки.

Изучение психологической эволюции человека предполагает авторское видение самой эволюции, которое выходило бы за пределы объяснительных возможностей гомеостатических схем, сложившихся со времен открытия Дарвиным биогенетических систем. А если психолог волею случая оказался воспитанным в духе «психологического гомеостаза», если и саму психику он понимает как орган приспособления к меняющемуся миру, если для него сверхадаптивные, нормотворческие проявления человека кажутся «отклонениями от нормы», то ясно, что пределом проблемности для него будет вопрос о том, зачем животным понадобилось сознание, если они и без него прекрасно приспособивались к среде.

Транссективный анализ хорош уже тем, что здесь хотя бы исключены вопросы о том, «почему обезьяна решила стать человеком» или «почему не все обезьяны решили стать людьми». Сказать, что эволюция вывела к человеку, что он и есть результат эволюции, значит, подыграть психологу-классику (имея в виду разницу между «классиком», как человеком, придерживающимся идеалов классической рациональности и «классным психологом» в его бытовом понимании). Становление всегда выступает как эскалатор закономерно усложняющихся форм, двигателем которого является отношение (соответствие) и обусловленное им взаимодействие - источник новообразований, в том числе и таких, как параметры порядка следования (системогенез). Не зная источников саморазвития, корнями своими уходящими в специфику бытия открытых систем, устойчивость которых и обеспечивает присущая им способность к самоорганизации, люди стали незаметно для себя использовать понятие «эволюция» одновременно в двух ипостасях, называя эволюцией 1) внешний, видимый эффект прогрессивного усложнения явления во времени и 2) причину этого эффекта. И тогда то, что проявляется в виде закономерного усложнения (эволюция) понимается и как причина этого самого усложнения. Например, в форме утверждения, что человеческая история «...питается тем, что предоставила ей эволюция. Это значит, что фундаментальные устремления человека и его психофизиологический склад не изменились за последние 30-40 тыс. лет» .

С моей точки зрения, филогенез человека продолжается, при этом таким образом, что он все более освобождается от диктата нормирующей его жизнь потребностной детерминации и все более подчиняется сверхнормативной по своей природе детерминации возможностями: в процессах социальной самоорганизации меняется самоорганизация человека как психологической системы.

Можно полагать, что в психоисторическом процессе не просто меняются особенности мышления, памяти или восприятия, в нем меняется содержание собственно человеческого в человеке. Человекообразование - это процесс, идущий от рождения до смерти, ибо движение, становление и есть способ устойчивого бытия человека как открытой саморазвивающейся и самоорганизующейся системы. Понять же это можно только выйдя в режим постнеклассического мышления, в транспективный анализ.

Думается, что только при таком анализе можно объективировать и тот вклад, который вносит та или иная теория в общий фонд, который можно было бы назвать культурой профессионально-психологического мышления. Из современных теорий, как мне кажется, наиболее полно приняла в себя идеалы постнеклассической рациональности теория личности, разрабатываемая А.Г. Асмоловым. Обусловлено это тем, что базируется она на разработанном автором историко-эволюционном подходе⁵³. И хотя сам автор говорит о неклассическом статусе собственного подхода, сам подход при этом имеет выраженный постнеклассический статус.

1. Прежде всего бросается в глаза его транспективность: «для разрешения противоречий в психологии личности историко-эволюционный подход *выделяет сквозные закономерности развития человека*»⁵⁴.

2. Выдерживается такой показатель постнеклассицизма, как сближение гуманитарного и естественно-научного подходов: историко-эволюционный подход «...надстраивает благодаря этим закономерностям мост между различными сферами исторического и естественноприродного изучения человека, а затем с опорой на конкретную методологию психологии «работает» с фактами уже в сфере собственно психологии личности»⁵⁵ (с.12-13).

3. Учитывается междисциплинарный (полидисциплинарный) план, свойственный постнеклассицизму: «междисциплинарный статус проблемы личности выступает как необходимое условие» научного поиска.

4. Что же ищет исследователь? Этот вопрос суть оселок проверки теории на «постнеклассицизм». Ответ: поиск «системных закономерностей развития человека в биогенезе, социогенезе и онтогенезе», причем такой поиск, который не давал бы «повод к растворению психологии личности в других естественных или социальных науках»⁵⁶.

5. Постнеклассическое мышление имеет дело с многомерными явлениями, которые порождаются в процессе становления системы. Выделение многомерности, по мнению А.Г. Асмолова, является «исходной характеристикой понимания личности в неклассическом историко-эволюционном подходе», которая позволяет охарактеризовать историю развития представлений о личности «как историю открытий различных измерений личности» - в действительности, а не как историю заблуждений или ошибок.

6. В постнеклассической науке решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность. В историко-эволюционном подходе А.Г. Асмолова эти контексты представлены наиболее выразительно. Более того, сам автор подхода считает его разработку «попыткой откликнуться на вызов нашего тревожного времени» созданием конструктивной действенной психологии. По его мнению, психолог, который

Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: «Смысл», 2001.

Там же, с 12. Выделено мною - В.К..

Там же, с. 12-13.

Там же, с 13.

действительно хочет помочь людям пережить «драмы смутного времени», вынужден работать как психоисторик, т.е. как человек, способный проектировать разные варианты ситуации исторического развития.

7. Привлекает в теории то, что она учитывает возможности разных уровней методологии: философского, общенаучного, конкретно-научного уровней, а также уровня методики и техники исследования, позволяющих увидеть картину развития человека в самых разных временных масштабах — от макроэволюции природы до динамики принятия решения в той или иной конкретной жизненной ситуации.

8. Стоит обратить внимание на одно только перечисление общесистемных принципов анализа, на которые опирается историко-эволюционный подход, чтобы понять его как включающий в себя и принципы самоорганизации. Например, такие принципы, как принцип роста вариативности элементов системы как критерий прогрессивной эволюции; принцип взаимодействия тенденций к сохранению и изменению как условие развития эволюционирующих систем, обеспечивающее их адаптацию и изменчивость; принцип возникновения избыточных («преадаптивных») элементов эволюционирующих систем; принцип «рассеивающего отбора», обеспечивающего рост проявлений вариативности человеческого Вида и т.д.

Как видится историко-эволюционный подход в транспективе движения психологического познания? Я думаю, что психологии, постепенно осознающей себя в новом (постнеклассическом) качестве, предстоит еще переосмыслить историю обретения ею этого качества. Наверное, как это всегда бывает, ей придется переоткрыть для себя тот нелегкий процесс «перерождения научной ткани», который будировали так же и те, кто вместо «спокойного» решения «проблемы личности» в том виде, как она предстает в плоскости актуального бытия науки, вышли в широкий эволюционный контекст, а потом вернулись вновь к проблеме личности — уже через контекст психоистории. Но это было уже не плоскостное видение проблемы и не плоскостное ее решение. Не аспектное видение, позволяющее различать элементы личности, которые надо соединить в структуру («по Платонову», «по...» и т.д.), а целостное видение и транспективное мышление.

Поскольку постнеклассическая рациональность (по крайней мере, сегодня) содержит изрядную долю иррационального, я позволю себе изменить стиль изложения. Формально согласимся с тем, что Т. Кун прав и наука в предреволюционный период действительно начинает «говорить на языке метафор». Поэтому и жанр своей статьи, на базе которой подготовлен следующий параграф, я определил как «психоисторический

57

этюд» .

2.1. Щит Персея и круг Хомы: психоисторический этюд

Итак, психоистория, как раздел психологической науки, скорее пока только заявила о себе, но не успела определить свой предмет достаточно выражено. В силу этого ее иногда путают с историей конкретной науки, а психоисторическое исследование с историко-психологическим. Впрочем, это и не удивительно. Если психология сама затрудняется в определении собственного предмета исследования, то, что тогда говорить об ее отдельных ветвях, разделах и подразделах. Поэтому предварительно остановимся на анализе некоторых актуальных проблем современной

психологии, полагая, что это позволит осознать актуальность психоисторического анализа.

Парадоксально, но с самого своего возникновения наука пытается представить себя как целое, как теоретическую систему (систему методологических принципов, научных категорий, знаний и т.д.), но при этом продолжает удерживать в качестве предмета нечто вполне эмпирическое, «самоочевидное» и при этом достаточно аморфное, никакой системой не представленное. Если нет системы в определении предмета науки - не стоит ждать от такой науки системной теории. Нельзя построить систему знаний о чем-то, что само системой не является. Печальна участь науки, если движение категорий в ней определяет не изучаемая этой наукой реальность - человек как живая, развивающаяся, нуждающаяся, переживающая, иногда распадающаяся и гибнущая система, а личные предпочтения исследователей. Опасна здесь не вполне оправданная в данном случае субъективность, привносимая этими предпочтениями (без нее познание вообще невозможно), а вполне неоправданный субъективизм, который, кроме того, нельзя опровергнуть в связи с тем, что за теориями не стоит никакая исходная психологическая реальность, соответствие с которой определяет реалистичность и научную ценность создаваемых теорий. Поэтому стоит согласиться с Л.И. Воробьевой в том, что, говоря о субъективности как факторе, принципиально не устранимом из познавательного акта, надо застраховаться от психологизации этого термина, от трактовки его как личного пристрастия. Таково принципиально гносеологическое устройство самого познавательного аппарата человека,⁵⁸ определяющего его возможности и ограничения .

Л.И. Воробьева, желая подчеркнуть драматизм ситуации, напоминает о мифе про Персея и Медузу Горгоны. Она считает, что ситуация, в которой оказывается Персей, подобна той, в которой обнаруживает себя человек-в-мире. Ситуация эта наполнена ужасом и страхом, возникающим у человека в ситуации незащитности, заброшенности, глобальной неопределенности, где нет никаких условных допущений, а есть только бездны, черная дыра, Медуза, от взгляда на которую камнеет Персей. Герой справляется с Медузой, потому что он смотрит на ее отражение в своем щите, а не прямо на нее. Дело, как считает автор, заключается в том, что рядом с ней он видит и свое собственное отражение, переставая быть сам для себя черной дырой. В единой плоскости проекции, плоскости щита, Медуза и Персей становятся соизмеримыми, так как он впервые становится способным видеть себя рядом с ней, появляется единая мера или единая плоскость интерпретации происходящего между ними, поэтому он и перестает ее бояться. Делается вывод о том, что самообнаружение, самосознание не дано нам как предпосылка познавательного процесса, а задано как условие, для выполнения которого требуются определенные усилия. Причем, усилия не только, и даже не столько со стороны разума: нужна еще смелость взглянуть на себя в зеркало и объединиться с Медузой в одномоментном схватывании. Такова цена добывания каждого поистине нового — как знания, так и опыта.

Последнее замечание особенно примечательно. Если оценить происходящее в двух словах, то можно сказать, что наконец-то вполне зримо начинает рушиться парадигма «философского гносеологизма», позитивное значение которой заключалось в том, что она долгие годы обеспечивала ощущение некоторого единства представителей научного сообщества, хотя бы и иллюзорного.

Сознание, то высшее что отделяет нас от всего другого в ведомой нам части универсума, является не только тем, что позволяет нам видеть мир отдельно от себя (важнейшая предпосылка возможности познания). Обеспечивая феномен «присутствия человека в мире», оно определенным образом блокирует процесс познания человеком своего органического единства с ним. Это делает людей, психологов в том числе, необычайно сензитивными к любым философским концепциям, которые начинают со столь привычного противостояния «Я» и «не-Я», психического и физического, объективного и субъективного, Материи и Духа.

Наивно-целостный, но по своему системный взгляд наших предков на все мироздание, их стихийный монизм, проявляющийся в том, что они применяли одну и ту же мерку, одну и ту же точку зрения, как к себе, так и противостоящим им внешним объектам и силам, привлекает своей органичностью. Он побуждает к реконструкции этой способности мыслить целокупностями, не потеряв при этом того многообразного знания об «Я» и «не-Я», которое было получено в период их неизбежного противопоставления. На этом противопоставлении «объективной реальности» и «субъективной реальности» поднялись и окрепли как воинствующий материализм, так и не менее воинствующий идеализм, на время перекрыв возможность «третьего» (целостного, системного) взгляда на мироздание. На нем же вызрела парадигма отражения, окончательно закрепив противостояние субъективного и объективного, которое прошло в психологию в виде принципов детерминизма, помещающих причины сущего исключительно на полюсах Материи или Духа. Всегда на них, но никогда не «между», не в том пространстве их подлинного со-бытия, которое было таким реальным для наших предков, и которое с таким напряжением становится той самой «психологической реальностью», которая призвана центрировать предмет науки.

Психоисторическое исследование предполагает сравнение людей, представляющих разные исторические эпохи, с целью показать ту дельту прироста «собственно человеческого в человеке», которая и отражает тенденции и направленность эволюционного процесса. Его конкретная задача - понять психику и сознание не в статике ставшего, а в динамике становления, что означает понимание их в контексте исторического развития человечества, которое, в свою очередь, есть только этап в общей цепи прогрессивной эволюции (становления) живой материи. За всем этим стоит более глобальная в своей космичности идея неразрывной системной связи живого и неживого, Материи и Духа - внутри единого процесса становления космического универсума. Если мы с этим не согласимся, то нам придется вообще отказаться от возможности создать психологическую науку, ибо не может быть науки о явлениях, не подчиняющихся никаким закономерностям. Человечество, понимаемое как случайно возникший «лишай на чистом теле вселенной», обречено на столь же случайную гибель. Какие могут быть «научные» эксперименты с тем, что само является неудачным экспериментом природы?

Для психологии, концентрирующей свой предмет не на человеке, а на его подсистеме (психике), психоисторическая проблематика не интересна и, прежде всего, потому, что предметом психоистории как раз и является человек, а общая психология, которая должна выступить в качестве методологической базы для психоистории, к человеку пока особого отношения не имеет. Его место занимают многочисленные «субъекты»: психика действует сама, выступая в качестве субъекта «психической деятельности», мышление мыслит (иначе, как понять «саморегуляцию мыслительной деятельности»), внимание вникает и т.д.

Оценивая день сегодняшней нашей науки, можно сказать, что она находится в эпицентре парадигмального сдвига, выводящего ее к человеку: становится все более понятно, что психология больше не может удерживать психику в качестве предмета науки. Противоречия сегодня объективируются столь выражено, что приходится озвучивать вопросы, которые существовали всегда, но не всегда формулировались. Они касаются, прежде всего, той части «психологической реальности», на которую психологи предпочитали смотреть не прямо и мужественно, а искоса и украдкой, совсем как Персей с помощью зеркала щита смотрит на Медузу Горгоны, полагая, что образ Медузы это не сама Медуза, от взгляда которой можно окаменеть.

Самые «страшные» вопросы лежат в области аксиоматики психологии: если ответы на них окажутся вдруг отрицательными, то это грозит потерей, может быть, того единственного, что еще хоть как-то цементирует научное сообщество, задавая пусть и условные, но все-таки «образцы» научной и практической деятельности психологов. Первый такой вопрос: *а правда ли, что психика это отражение «объективной реальности» или хотя бы нечто, каким-то образом все-таки связанное с ее отражением? И что делать, если ответ окажется отрицательным?* Ведь, как это не печально, но факт признания отражения в качестве ведущей функции психики еще не отвела практически ни одна научная школа. Потому и понимание психики как инструмента порождения новой реальности (О.К. Тихомиров) оказалось как бы в стороне от общепринятого понимания предмета науки, хотя в транспективном анализе оно достаточно точно укладывается в объективные тенденции движения научного познания. Можно полагать, что подобные вопросы встают во всех научных школах, которыми представлена современная психология, но встают они не в открытой форме («психика не отражение?»), а в форме парадоксов или антиномий, которые появляются сразу же вслед за признанием отражения ведущей функцией психики.

Метод психоисторического исследования - метод психологической реконструкции образа мира и образа жизни людей в исторической транспективе, осуществляемый через анализ продуктов деятельности людей, сохранных в культуре.

Транспектива - это не ретроспектива (взгляд из настоящего, обращенный в прошлое), не перспектива (проектирование будущего из настоящего). Это такой взгляд, благодаря которому каждая точка на пути развития человечества (неуклонного и прогрессивного становления человеческого в человеке) понимается как место сосуществования времен, их взаимопроникновения и взаимоперехода, в котором реализует себя тенденция усложнения человека как системной организации. Каждое такое место интересно тем, что оно располагается в жизненном пространстве конкретных людей, живших в разные эпохи. И только кажется парадоксальной попытка говорить о жизненном мире уже ушедших людей. Психоисторическое исследование как раз и имеет целью реконструкцию жизненного пространства людей разных эпох в его ценностно-смысловой насыщенности, его пронизанности проецируемыми в него потребностями и возможностями человека, личным опытом, верой, традициями, мышлением.

Когда мы понимаем жизненное пространство не только в его пространственно-чувственных характеристиках, а как конструкцию, в порождении которой самое активное участие принимает сознание, психика, мы можем говорить уже о ментальном пространстве, в котором пересекаются историческая транспектива человечества, градиент которой обращен в будущее, и личная транспектива каждого человека, градиент которой направлен из будущего в прошлое. Ментальное пространство чувственно-сверхчувственно: человек может и не знать о том, что через него

реализуется историческая транспектива человечества, но и уйти от этой детерминации он не может. Здесь рождается экзистенциальное противоречие, которое человек разрешает своей жизнью. И решая «задачу на смысл» собственных действий, он пока еще ищет мотивировки, которые не требуют обращения к глубинным мотивам собственного поведения, иногда отказываясь от ответственности по отношению к будущим поколениям, и почти всегда - от ответственности перед прошлыми поколениями.

Особенность взгляда на прошлое определяется парадигмой, которой ученый придерживается в настоящем. Она и служит своеобразной призмой, которую ученый ставит перед мирозданием и собой, получая в результате свою картину мира. В эту картину определенным образом вписывается, преобразуясь в самом процессе вписывания, и некая психологическая реальность, которую он пытается понять и объяснить - себе и другим.

Психология, построенная по принципу комплекса моносистемных наук, каждая из которых имеет отношение к психике, но по сути дела пользуется своим определением предмета науки, никакого целостного представления ни о психике, ни о человеке выработать не может. Полагаю, что и не сможет, поскольку мозаичный образ, как психики, так и человека, сложившийся в науке, не может превратиться в целостный образ путем каких-то интеграционных процедур «на плоскости» - отсутствует системообразующий фактор. Можно сколько угодно декларировать необходимость «возвращения целостного человека в психологию», реально такое возвращение не фундировано наличными состояниями профессиональных образов мира психологов - отсутствует целостное мировосприятие. В этом плане мифологические представления о себе и мире у людей, живших четыре тысячелетия назад, отражавшие синкретизм их сознания, тем не менее, были, при всей их наивности, более целостны и органичны. Им было легче приписать душу всему своему окружению (среде), чем нам понять себя в собственной продленности в мир. Продленности, со-бытия с миром, которую обеспечивает наш беспокойный Дух. Потеряв мистическое чувство единства с миром, целостности, мы не обрели его с помощью критериев рациональности, но обретаем, наращивая уровень системности мышления. Самое главное, что системное мышление, выработанное усилием поколений, особенно трех-четырех последних, проделавших беспрецедентный, на фоне более ранних поколений, подъем к системному мышлению высшего уровня, уже стало достоянием культуры. Теперь уже оттуда оно будет определять (уже определяет!) особенности мировидения у тех, кто сегодня совершает свой путь вхождения в культуру - как единственного способа обретения и наращивания человеческого в себе.

Архаика начинала с того, что мы сегодня пытаемся сделать предметом психологического исследования; мы превращаем в проблему то, что для архаичного мышления являлось постулатом. Они так видели мир - наивно-целостно, мистически-системно. Миф о Персее и Медузе это иллюстрация архаичного миропонимания, ставшая достоянием культуры, точнее, оставленная для будущих поколений, чтобы те, взглядываясь в эту иллюстрацию, смогли бы на какой-то стадии развития увидеть в мифе не забавную сказку, не причудливые узоры архаичного мифотворчества, но лучше понять самих себя через неразрывную связь с ними. И пока мы смотрим на оставленные нам иллюстрации как на забавные картинки, умиляясь наивности тех, кто их рисовал, мы еще не вышли в психоисторический контекст. Верно, что «нарисованную корову нельзя доить», но если картину рассматривать не с позиции верности композиционного решения, учета перспективы или тщательности прописывания деталей, а изучать ее как

продукт человеческой деятельности, психологический анализ которого позволяет понять особенности мировидения автора картины, то кое-что «надоить», безусловно, можно.

Вот как мне видится основная проблема архаики: как могут вступить во взаимодействие «нечеловеческое» и «человеческое», каким образом «нечеловеческое» становится «человеческим» (и наоборот). Архаика - первый шаг человечества к пониманию целостности (системности) мироздания и включенности живого в процесс его эволюции.

Имеются сведения о том, что Миф о Персее и Медузе Горгоне уходит своими корнями в предания древнего востока, а в европейской культуре появляется в сроки, которые можно условно датировать двумя тысячелетиями до новой эры. Это можно утверждать, учитывая, что город Микены, который по преданию заложил Персей (сын бога Зевса и земной женщины Данаи), существует примерно шестнадцать с половиной веков. Появление повести Н.В. Гоголя «Вий» можно датировать абсолютно точно, хотя народные предания, на основе которых возникла повесть, так же своими корнями уходят в прошлое.

Почему я выбрал в качестве предмета психоисторического исследования именно эти два культурных памятника, разделенные между собой почти четырьмя тысячелетиями? Потому что и в мифе о Персее, и в «Вие» фабула все-таки одна - это проблема противостояния человеческого и нечеловеческого, Духа и Материи. Поэтому можно обозначить некоторые соответствия в двух произведениях, которые не являются случайными, полагая, что анализ соответствий позволяют выделить то устойчивое, что удержалось в миропонимании людей на протяжении четырех тысячелетий. Не будь этих соответствий, не возможен был бы и психоисторический (сопоставительный) анализ этих двух продуктов человеческой деятельности, поскольку нельзя было бы уловить и те различия в миропонимании, которые произошли в результате эволюции человека, а они, прежде всего, и занимают психолога.

Первое (и самое разительное) соответствие заключается в том, что центральная идея двух произведений построена на запрете: нельзя прямо смотреть на Материю. Окаменеешь, если прямо посмотришь на Медузу Горгоны, убеждает Персея Афина, вручая ему отполированный до зеркального блеска медный щит. Но это же происходит и с Хомой при первой встрече с Панночкой-ведьмой: «Он вскочил на ноги, с намерением бежать, но старуха стала в дверях и вперила на него сверкающие глаза и снова начала подходить к нему. Философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах». Заметим, что и смерть Хомя наступила после того, как он встретился глазами с Виём.

Почему идея запрета прямого взгляда на материю повторяется через столь большой период времени, вобравший в себя и принятие христианской религии, и коперниковскую революцию в понимании мироустройства, и философскую метафизику, и даже диалектическую философию, не говоря уже о возникновении наук и той картины мира, которая формировалась в опоре на них?

Может быть, эта идея в аллегорической форме утверждает факт того, что противостояние «человеческого» и «нечеловеческого», Материи и Духа достаточно условно и, вглядываясь в Материю, человек непременно обнаружит в ней и себя самого? И с трудом поддающаяся современному научному осмыслению идея о том, что вселенная в сущности своей антропоцентрична, была более доступна людям, которые еще не были ограничены идеалом рациональности, и значит не столь «уверенно»

делили все на «Я» и «не-Я», «внутреннее» и «внешнее», «объективное» и «субъективное»? Что может быть мы не столько опускаемся на уровень архаичного мышления, для того чтобы сделать свои суждения о нем, сколько поднимаемся к их способности видеть мир целостно, системно? И, следовательно, не предупреждают ли они нас о том, *что у человека в принципе нет прямого выхода в мир «чистой объективности»?* «Чистая объективность» - это «вещь в себе», еще не ставшая «вещью для нас», а потому она не является реальностью, в которой можно жить, с которой можно взаимодействовать. Реальность, какая бы она не была, может пугать, может вызывать страх, но истинный ужас вызывает у людей то, что хранит «вещь в себе», непонятная, неизведанная, несоразмерная человеку. И узнать собственные свои человеческие «размеры», свои потребности и возможности можно только встретив сопротивление, идущее от этой «чистой объективности».

Ужас пред непонятным (неизвестным, непознанным, несоразмерным), ожидание, что «оттуда» что-то непременно появится и попытка придать ему какой-то смысл, чтобы оно стало реальностью - такова, на мой взгляд, общая подоплека возникновения образа Медузы Горгоны и Панночки-ведьмы.

Сами по себе Материя и Дух, являют собой противоположности, которые не могут взаимодействовать друг с другом непосредственно - слишком велико их несоответствие. Поэтому взаимодействие между ними опосредовано людьми, которые, на самом деле уже не просто люди, а вполне конкретные представители этих противоположностей. На стороне Духа выступает бурсак (слушатель духовной семинарии) Хома Брут и герой Персей. На стороне Материи почему-то только женщины - панночка-ведьма и Медуза Горгоны.

Интересно это совпадение. Авторы двух культурных памятников вышли к такому соответствию только потому, что они - мужчины, и женщины для них остаются в определенной мере не предсказуемыми, суть загадочными? Кажется, об этом говорит утверждение одного из героев «Вия»: «Ведь у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, - все ведьмы». На что его оппонент только «кивнул головою в знак согласия».

Есть, однако, здесь еще несколько моментов, которые можно учесть. Это привычность, почти обыденность признания в человеке единства противоположных - естественных и сверхъестественных, чувственных и сверхчувственных, «чистых» и «нечистых» начал. Характерен спор казаков о том, «можно ли узнать по каким-нибудь приметам ведьму?». Ответ старого казака Дороша («никак не узнаешь; хоть все псалтыри перечитай, то не узнаешь»), весьма характерен, особенно учитывая финал разговора. «Когда стара баба, то и ведьма». Показательна эта толерантность народа к сложности, всевозможности человека, к тому, что в нем могут уживаться как прекрасное, так и ужасное. Это напрямую касается и самого Хома, когда он вдруг стал показывать поведение, аналогичное Панночке: усмирив ведьму, он неожиданно для себя «оседлал» ее, и открыл в этом слиянии столько нового о себе и мире, что в иных обстоятельствах, возможно, не открыл бы никогда. И то, что он открыл в себе, было в нем и раньше. Смею утверждать, что панночка выбрала себе в качестве противника Хому, потому что именно он наиболее соответствовал ей. Соответствие стало причиной взаимодействия панночки и Хома, а различие в них было тем, ради чего состоялось взаимодействие.

Хома выступает от имени человечества. Он представляет некую квинтэссенцию духовности, оставаясь при этом существом многомерным, земным. В нем есть то, что отзывается на происки «чужого». Он открывает в самом себе то, что удивляет и одновременно пугает его - вдруг обнаруживающуюся способность иновосприятия,

почти готовность принять «противоестественный» образ жизни и образ мира. Иными словами, Хома оказывается столь же внутренне противоречивым, как и Панночка, и это обеспечивает их соответствие друг другу, гарантируя неизбежность встречи. Как это не странным может показаться, они нуждаются друг в друге, потому что в каждом из них есть то, что не хватает другому, без чего каждый из них не может быть устойчивым. Панночке не хватает духовной силы для победы в борьбе, от которой она уже устала. Борьбы человеческого и нечеловеческого - в самой себе. И такая сила есть у Хома. Панночка все-таки земной, страдающий человек, душа которого требует покаяния и прощения. И в то же время, нечеловеческое в ней требует отмщения.

Сам Хома только через Панночку может понять себя за пределами сложившегося у него «образа Я». Он не знает истинной силы своего духа и того, сколько он может претерпеть в борьбе за отстаивание человеческого в себе пред лицом сил, которые именно это и хотят у него отнять. Правда, был момент единения, взаимодополнения, взаимоперехода, когда Хома и Панночка учинили эти безумные скачки, попеременно выполняя функции коня и всадника. Но ведь эти «скачки», олицетворяющие их единение, гармонию, слияние, не могли продолжаться долго. Здесь Панночка выступает как орудие темных и слепых сил. Она - глаза этих сил. Потому они и горят у нее каким-то безумным светом. Более того, за каждым из них стоят силы, которые они только представляют - их собственная самость здесь как бы и не принимается в расчет. Они есть только разменная монета в борьбе противоположностей, двух автономных организаций, систем, которые не могут взаимодействовать напрямую - несоответствие их разительно. Поэтому борьба этих систем происходит через посредников. И Хома и Панночка являют собой Пограничье - он со стороны человеческого, она со стороны нечеловеческого. Через них только и могут взаимодействовать две организации; это взаимодействие приводит к гибели обоих.

Здесь необходимо остановиться на еще одном соответствии, которое имеется в двух анализируемых произведениях. И у Персея, и у Панночки был выбор, у Медузы и Хома его практически не было. Медуза - только одна из трех сестер Горгона. Хома - один из трех путешествующих вместе друзей, который был отобран Панночкой. В чем суть выбора? Не в том ли, что в каждом случае отбирались только те, кто максимально соответствовал выбирающей стороне.

Итак, три сестры Горгоны: Медуза, Свено и Эврилла, женщины-чудовища, дочери морских божеств Форкиса и Кето. Крылатые, покрытые чешуёй, с извивающимися змеями вместо волос, они одним своим видом наводили ужас. Всякий, кто встречался глазами с Горгонами, превращался в камень. Почему же выбрана Медуза? А с кем же из трех сражаться Персею? Только с Медузой, которая в отличие от старших сестёр, *была смертной*, т.е. была наиболее близка людям и наверняка могла испытывать страдания, в том числе и от своей «пограничности», совмещенности в себе двух противостоящих сущностей. Далее, из всех людей Персей был в максимальной степени подготовлен к встрече с Медузой - соответствие делало их встречу неизбежной. Просто осуществилось то, что могло осуществиться, было возможным, т.е. ожидаемым. В соответствующих условиях ожидаемое всегда осуществляется.

Сын Зевса и земной женщины Данаи, Персей быстро становится богатырем, жаждущим самореализации. Он не отбивается от врагов, он активно ищет противника, соответствующего его возможностям. Персей подобрался к спящей Медузе, глядя на её отражение в медном щите, и отрубил ей голову. Отрубленную голову герой передал Афине, которая прикрепила его к своей эгиде. И вот что интересно: отрубленная голова

Медузы не потеряла свои силы - она «очеловечилась», престала трогать «своих» людей, но продолжала убивать... теперь уже их врагов.

У Панночки-ведьмы тоже был выбор. Это были три друга, которых она, будучи в образе старухи, предусмотрительно разделила, расселяя их «на постой». В течении достаточно короткого времени выбор был осуществлен : философ Хома Брут. Кандидатуры двух других были отклонены. Богослов Халява, имя которого говорит само за себя, «был рослый, плечистый мужчина и имел чрезвычайно странный нрав: все, что ни лежало, бывало, возле него, он непременно украдет. В другом случае характер его был чрезвычайно мрачен, и когда напивался он пьян, то прятался в бурьяне, и семинарии стоило большого труда его сыскать там». Для Панночки это был не соперник - сражаться с ним, конечно, было можно, но ради чего? Не было у него той силы духа, ради которого стоило затевать борьбу. Вторая кандидатура - ритор Тиберий Горобець, и вовсе не был подходящим для замысленного. Это был подросток, который по законам духовной семинарии «еще не имел права носить усов, пить горелки и курить люльки», да и «характер его в то время еще мало развился». Сражение с таким не принесет ни вожделенной добычи, ни славы. Оставался философ Хома, который не так давно был ритором, но еще не доучился до ранга богослова (старшие курсы духовной семинарии). Лет примерно восемнадцати - двадцати, Хома Брут был «был нрава веселого» и был он фаталистом, с «философским равнодушием» принимающим даже самые жестокие наказания, «говоря, что чему быть, того не миновать». И было в нем что-то такое, что разглядела в нем Панночка, но чего, может быть, не замечал в себе ни он сам, ни другие в нем.

Итак, общее в обоих произведениях заключается в том, что в каждом из них имеется активно выбирающая сторона (Персей и Панночка) и сторона пассивно-страдательная, «которую выбрали». В основе выбора лежит соответствие, оно и было основной причиной последующего взаимодействия сторон, а так же того, что это взаимодействие за собой повлекло. Только в мифе о Персее показывается, как в борьбе противостоящих сторон очеловечивается нечеловеческое, а в «Вие» объективируются гораздо более сложные процессы.

В первом случае сражения как бы и не получилось вовсе. По некоторым версиям Медуза в момент нападения спала, Персей был невидим, защищенный не только зеркальным щитом, который ему дала Афина, мечом, который дал Гермес, но еще и волшебным шлемом Аида, делавший его невидимым. В случае с Хомой сражение состоялось, но оружием у него были христианские молитвы и языческие заклинания, которые он постоянно путал, находясь в состоянии, которое полностью подпадает под определение «ригидность».

Остановимся на хронотопических характеристиках той борьбы, которая происходила в заброшенной церкви. Замечу, что рассматривать человека в транспективе - это значит рассматривать его хронотопически, т.е. понимая, что субъективное время человека («хроно») и его личное пространство («топ», жизненный мир) можно разделить только в абстракции, разрушающей истинную системную (целостную) природу человека. Пространство и время человека - суть только различные формы проявления единого процесса перехода поливариативного будущего в моновариативное прошлое. «Круг» Хома демонстрирует предельный случай, когда человек, пытаясь удержать свою устойчивость, которая может быть нарушена в результате воздействия на него среды, вдруг ставшей для него полностью враждебной, закрывается от будущего с его «всевозможностью», поливариативностью и пытается удержаться в настоящем исключительно за счет ресурсов, обретенных в прошлом. Хома

не знал, что изменение пространственной конфигурации жизни, неминуемо вызовет перестройку ее временных параметров. Ужас заполняет, переполняет жизненный мир Хома, пространственно сжавшийся до уровня протянутой руки, которой он очертил свой «круг». Замысленный в качестве «спасательного круга», «круг» становится истинной причиной гибели Хома.

Теперь уже становится понятным, насколько человечество поднялось за четыре тысячелетия в своей способности не только целостно воспринимать мир и себя в нем, но именно системно осмысливать эти взаимосвязи и переходы. Человек может жить только в постоянном движении, постоянном переходе, трансценденции. Развитие - это способ его бытия. Закрывающиеся системы гибнут, и об этом предупреждает нас Хома, который запер себя в круге. Субъективное время здесь летит с невероятной скоростью. Уже после второй ночи в церкви Хома стал седым (признак старости), но разве можно сравнить эту ночь с третьей?

Так отчего умер Хома? Погибает ведь он не от того, что подвергся прямому нападению «нечисти», - она его даже не успела коснуться. Мне кажется, что и не страх был причиной смерти Хома. Ведь и сам страх имел свою первопричину. Ничего бы не произошло, если бы Хома не убил Панночку, пусть и маргинального, но человека. Он ведь сам понял, что превзошел что-то, убивая старуху: «точно ли это старуха?»

Гоголь - великий хронотопист. Вроде бы совсем недавно Хома устраивался спать в хлеве, отведенном ему старухой, когда пришла она сама и начались эти бешенные «скачки» - вне времени и в каких-то нереальных пространствах. А сейчас он «стал на ноги и посмотрел ей в очи: рассвет загорался, и блестили золотые главы вдали киевских церквей». Расстояние от хутора до Киева (по повести, не меньше пятидесяти верст) было преодолено за совершенно короткое физическое время. А вот сколько прошло субъективного времени в «совмещенной системе» Хома-Панночка? Время у Гоголя зависит от модальности эмоционального восприятия пространства. Хома, вдруг с помощью Панночки ставшей открытой системой, переполнен эмоциями в основном позитивного плана. Они представляют собой смесь сладкого наслаждения, непонимания и тревоги. «Он чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение». Хома временами перестает слышать свое сердце, оно, кажется ему, остановилось и он пытается его «нащупать». Но остановилось не сердце, остановилось субъективное время в открытой системе Хома-Панночка. Между двумя ударами сердца умещается целая вечность и огромные новые пространства, которые открываются взору. Такое бывает только в минуты творческого экстаза, не случайно Гегель определил творчество как «маленькую смерть». Но совершенно другое течение времени, когда Хома оказался в замкнутом круге.

Своим поступком Хома преступил границы человеческого, войдя тем самым в сферу «нечеловеческого», став в чем-то соответствующим ему, соизмеримым с ним, и это соответствие стало причиной того, что «нечеловеческое воинство» вступило в схватку с Хомой. Так что же стало причиной смерти Хома? Если бы причину смерти устанавливал патологоанатом, не знавший всей предыстории, он написал бы: «умер от старости».

Психоисторический поход привлекателен тем, что он задает другой аспект анализу литературных творений, созданных ушедшими поколениями. Здесь они выступают в функции притчи, смысл которой должен понять сам читатель, т.е. только он сам может подняться к смыслу и никто не может облегчить его путь к самому себе. Прямые научные заключения, какими бы правильными они не были, останутся

сентенциями, если они не обретут смысл, т.е. того, что указывает на их соответствие человеку, отвечает его познавательным потребностям.

Покажем это на примере того, как работает по типу «щита Персея» психологическая защита у ученых-психологов. Уже давно сформулировал Л.С. Выготский мысль о том, что *психика не отражает мир, а изменяет его* и вполне определенным образом - «чтобы можно было действовать»⁵⁹, но сколько психологов смогли оценить эту идею? Казалось бы прямо, вполне недвусмысленно заявлено о том, что мир, который, как нам кажется, мы познаем в его «чистой объективности», на самом деле есть выстроенная нами субъективно-объективная конструкция, в создании которой и принимает непосредственное участие психика. Более того, Л.С. Выготский, опасаясь, что останется непонятым, усиливает мысль, расшифровывает ее: «в этом ее «положительная роль - не в отражении. а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно исказить действительность в пользу организма»⁶⁰. «Удвоенная», субъективно-объективная реальность, не сводимая к противоположным полюсам, выступающая для Л.С. Выготского как «переходная форма» между Духом и Материей»⁶¹, которую он сознательно искал, и ведь нашел таки, в чем заключаются «психологические свойства внешнего» - все это осталось пропущенным современниками и пропускается до сих пор. Новое понимание ничего не изменило, более того, его обошли вниманием даже пристрастные критики, цеплявшиеся ко многим моментам его творчества, но к этому - никогда.

Слишком опасно это место, слишком пугающим является этот новый взгляд, грозящий поколебать устои, тот фундамент, на котором выстроено здание психологии, которое возвел для себя психолог. Чтобы не «окаменеть» как Персей перед Медузой, снова используется «щит Персея», позволяющий рассмотреть Выготского в зеркале собственной парадигмы, где он действительно выглядит вполне соизмеримым с тем, кто его изучает. Но это уже не истинный Выготский, создатель «вершинной» психологии, а его двумерный зеркальный двойник, копия, уменьшенная до размеров, которые позволяют разместить в пределах одной отражающей плоскости оба образа - зрителя и того, на кого он смотрит. И вот уже «Моцарт в психологии» приземлен, он потерял загадочность, от него уже не исходит «ощущение высочайшей методологической культуры» и снижен уровень системности его мышления до общепринятого... Зато и нет страха: устойчивость исходной парадигмы не только не поколеблена, она возросла, закалившись в борьбе с «инакомыслием».

Главное заключается в том, что бы «щит Персея» не превратился бы в «круг Хомы», внутри которого так и будет метаться, угасая, психологическая мысль. Мысль, не способная прийти ни к Материи, ни к Духу, ни к Богу. Как она уже сотни лет прыгает внутри «методологического треугольника», углы которого и представляют эти три ипостаси, попеременно выдвигаемые в качестве первопричин. От материалистической психологии к христианской, а от них снова к Духу, изолированному как от Материи, так и от Бога.

Психоистория оптимистична. Она вселяет надежду на возможность целостного взгляда на мироздание и, кроме того, показывает, что мы все равно движемся по пути познания человека как закономерно усложняющейся пространственно-временной

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6-ти т. Т.1. М., 1982. С. 347.

⁶⁰ Там же, с 347.

⁶¹ Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. Психология.- 1986.- 1.- С. 59.

организации, направленность развитию которой задает историческая трансспектива человечества как открытой системы.

Глава 3. Закономерности движения психологического познания: опыт трансспективного анализа в форме историко-системного подхода

3.1. Преамбула

Наука, испытывающая естественное напряжение в связи с обретением идеалов постнеклассической рациональности, так или иначе, обратит (не может не обратить) свое внимание на открывающееся противоречие, которое еще в достаточной мере не объективировано. Признавая изменение уровней и форм научного мышления, отражаемое триадой «классицизм - неклассицизм - постнеклассицизм» в качестве объективного факта, мы еще не разглядели за ним закономерность, которая стоит за этой линейностью становления форм и в ней проявляет себя. Постнеклассицизм пока только зарегистрирован через те новообразования, которые, вызревая в недрах неклассицизма, накапливались до тех пор, пока не достигли «критической массы», после чего совокупность этих инноваций можно было обозначить новым понятием и признать его в качестве нового этапа развития научного познания. Естественно, что начало его будет теперь связано с моментом закрепления нового «идеала рациональности» понятием («постнеклассицизм»), а будущее пока не определено - наверное, это будет какой-то «постпостнеклассицизм».

Мы ведь прогнозировать не любим не только потому, что плохо умеем это делать. *Мы плохо прогнозируем в связи с тем, что все наши инструменты познания ориентированы на изучение ставшего.* Ставшее есть «сущее», оно есть «на самом деле». А чего нет «на самом деле» (а будущее еще не стало, оно только становится) изучать нельзя. Если учесть, что «сущее» практически отождествляется с «бытием», а оно, в свою очередь непосредственно завязывается на старую философскую проблему связи бытия с сознанием, то получается, что становящееся, как «не ставшее» (суть «не сущее», суть «не имеющее бытия») не может действовать на наши органы чувств, т.е. отражаться (осознаваться).

Парадокс, но мы часто и на становящийся (на наших глазах и с нашим участием) постнеклассицизм смотрим глазами классицизма, «глазами ставшего». Что из постнеклассицизма станет, то и отметим. Критерий различия есть, он родом из прошлого - все, что отличается от неклассицизма (как ставшего, т.е. в какой-то мере познанного) можно рассматривать как постнеклассическое. Будущее можно разглядеть, потому что оно присутствует в настоящем, а значит и в прошлом - ибо судьба любого настоящего стать прошлым.

Самое сложное для принятия идей трансспективного анализа и его технологизации, которая позволила бы вести речь о «трансспективном методе» или «трансспективном подходе» к истории науки или человеку - как предмету этой науки, заключается в том, что вхождение в него предполагает смену мышления. Ссылаясь на мысли, высказанные в первой главе, повторяюсь. В трансспективном анализе историческим временем становящейся системы необходимо считать не прошлое, будущее или настоящее, а перекрывающий эти времена процесс превращения поливариативного будущего в моновариативное прошлое, который в трансспекции неотрывен от процесса превращения поливозможностного пространства (среды) в пространство собственного становления. Для науки такой средой является культура, включая в нее и другие науки, религию, мистику, эзотеризм, устоявшиеся и

становящиеся картины мира, апробированные и только апробируемые формы мышления и т.д.

Для классицизма и неклассицизма выход к анализу процесса становления остается закрытым, впрочем, и сам процесс становления оказывается невидимым, скрываясь в тени процесса развития. Так называемое диалектическое мышление, обязывающее познавать любые явления в их движении, приписывающее противоречию функцию источника развития, оказывается бессильным при попытках объяснить эволюцию открытых систем, которая всегда выступает в форме эскалатора прогрессивно усложняющихся форм системной организации. Так, не объясняет эволюцию биогенетической системы идея борьбы видов за существование (даже если не рассматривать вопрос о том, что если виды борются, рожают эволюцию, то в ходе какой эволюции они сами возникли, да еще настолько «готовыми к борьбе»). Так же и принцип развития в психологии продолжает инициировать бесконечные поиски противоречий, детерминирующих развитие, которые чаще всего ни к чему не приводят.

Что касается истории психологии, то ее достаточно бедный методологический арсенал к настоящему времени уже исчерпан. Представить же науку как открытую систему, которая подчиняется в своем движении логике становления, т.е. прогрессивного усложнения системной организации, оказывается довольно сложно. Сознание исследователей еще загружено диалектической логикой, оно еще зачаровано красотой и мощью «научных революций», которыми перемежаются периоды эволюционного («спокойного») развития. И уже за этими «революциями» не видно, что они если и случаются, то всегда это связано с *системным переопределением предмета науки*. Так «коперниковский переворот» связан с открытием гелиоцентрической системы, дарвиновский - с открытием биогенетических систем, открытие Марксом социальных систем вызвало такой переворот, от которого Россия не может опомниться и сегодня, в химии революцию вызвало открытие системности химических элементов Менделеевым, с именем Энтштейна связано системное переопределение предмета физики.

В психологии же до сих пор считают методом исторического анализа «метод контрастирующих пар». Потому что в борьбе противостоящих научных школ можно хотя бы угледеть столь желанное противоречие - источник движения психологической мысли. Однако, посмотрите как борются с Л.С. Выготским, и что из этого конструктивно получается. «Классики» и «неклассики» наступают на того, кто слишком рано начал культивировать в психологии элементы постнеклассического мышления и, не понимая этого, игнорируют, не замечая, самое позитивное из того, что есть в его творчестве. Никто не возражает Л.С. Выготскому по поводу своеобразного определения им предмета науки и той функции психики, которая в связи с этим ему открылась. А вся остальная борьба уже не имеет смысла - остаются детали, которые можно оспаривать, но надо ли? Моцарты науки - это адепты постнеклассицизма в стране, жители которой все видят в ореоле классицизма или неклассицизма. Поэтому последние не должны проявлять по отношению к ним «комплекс аборигена» - Моцарты не миссионеры, а полноправные жители этой страны .

Поскольку я повторяюсь, то хочу заметить, я выступаю не против критики идей Л.С. Выготского, но меня искренне возмущает, когда за легкостью языка этой критики скрывается легковесность оценок. Да, я считаю себя учеником школы Л.С. Выготского. Потому что научная школа - это не личность ее создателя, а возможность движения этой личности в учениках - первого поколения, второго и последующих. И в этом плане я еще и ученик А.Н. Леонтьева, О.К. Тихомирова и многих других, которые еще живут во мне, не позволяя оставаться беспристрастным (особенно когда критика идей походя превращается в оценку личности).

Если действительно постнеклассическое мышление начинает приживаться в психологии, то возникает вопрос о том, как это отразится (или уже отражается?) на методах научного исследования. В том числе и методах истории психологии. Наивным было бы полагать, что становление можно изучать так же, как ставшее или становящееся. В связи с этим усилим ранее намеченное противоречие. На мой взгляд, историки пытаются понять настоящее науки, ее переходное (в режим постнеклассики) состояние, через анализ ее исторического пути, но при этом используют методы, возникшие как результат преломления в методологии истории психологии более низких по уровню идеалов рациональности (классицизм, неклассицизм).

Иными словами, хронологический, историко-категориальный, парадигмальный, контекстный и другие методы историко-психологического исследования родились в недрах классицизма или неклассицизма, реализуют их идеологию, а потому несут в себе и свойственные им ограничения, устанавливающие пределы объяснительных возможностей. Любое научное исследование исторично и не только потому, что его автор творит в определенную историческую эпоху, а результаты его творчества с момента их получения становятся достоянием истории. Сам процесс индивидуального научного творчества есть только момент в цепи общего движения прогрессивно эволюционирующего научного познания. Через ученого, хочет он с этим считаться, или нет, проходит историческая транспектива: пишет он сам, но руку его направляют те, кто был до него, и, в не меньшей степени, те, кто будут после него.

Историк, придерживающийся идеалов классической рациональности, видит состоявшийся процесс; для него непредсказуемость будущего заменяется закономерностью состоявшегося, он *вынужден фатализовать исторический процесс*. Классицизм апеллирует к тому, «что есть», что уже стало, существует как факт, открыть который, описать и объяснить полагает своей задачей. Неклассицизм переключил внимание исследователей со ставшего на становящееся («здесь и теперь»), пытаясь примирить установку классицизма на изучение «того, что было» (хронологический подход) с принципом развития. Так возникли в методологии исторического исследования «эволюционные мотивы».

Постнеклассицизм делает своим предметом *процесс становления* - закономерное (а потому прогрессивное) усложнение системной организации, свойственное, прежде всего, открытым системам. В частности, наука - это открытая система - ее самоорганизация проявляется в постоянно идущем процессе становления. С этой точки зрения, настоящее можно понять только в том случае, если выйти к его системной детерминации. Будущее проявляет себя и заявляет о себе в виде объективных тенденций развития - системных параметрах порядка следования. Из представлений о системной детерминации настоящего логичным образом вытекает отстаиваемая мной идея транспективного анализа как методологически оправданного инструмента, применяемого для выявления закономерностей и движущих сил развития любых открытых систем, к числу которых можно отнести и науку.

Далее я хочу использовать метод, который сам для себя называю *методом рефлексивной транспекции*, т.е. методом прослеживания собственного движения в науке через призму транспективы психологического познания. Само появление данной книги, на мой взгляд, демонстрирует переходное состояние нашей науки, когда парадигмальный сдвиг проявляет себя в виде возврата к проблемам, которые были замечены давно, но не получили своего решения в рамках сложившихся методов и подходов, адекватных неклассическому мировоззрению.

Определяя место данной работы можно сказать, что она являет собой пример выхода за пределы существующего мировоззрения и вхождения в постнеклассику, при том, что сам автор осознает суть происходящего «самодвижения» и, более того, согласен сделать собственное движение в науке предметом транспективного анализа - более или менее беспристрастного⁶³. Поэтому данная книга не является научной автобиографией, которая могла быть кому-то и интересна, но более всего самому автору, но претендует на некоторую строгость, свойственную научной работе.

Сверхзадача, следовательно, заключается в том, чтобы показать, как зарождается и перерождается в своем становлении научная идея в ее детерминированности объективными тенденциями развития науки. Можно предположить что, как для науковедения, так и для психологии научного творчества интересной является следующая проблема. Куда выйдет и к чему придет исследователь, если попытается вскрыть тенденции развития науки и начнет сознательно их придерживаться? Уникальность же этой задачи заключается в том, что в данном случае идея (продукт развития) в своей развитой форме сама превращается в методологическое средство анализа, который автор применяет по отношению к собственному движению в науке. Иными словами, *эволюция познания, выводящая к транспективному анализу, выковывает инструменты для познания закономерностей собственной эволюции*, в частности и метод рефлексивной транспекции. Это не каламбур. Такое возможно только потому, что эти закономерности имеют всеобщий характер, а движение научной мысли, становление науки - только частный пример проявления этих закономерностей.

Мысль о том, что наука ориентирована на поиск системы, которая могла бы выступить в качестве ее предмета, т.е. в функции системообразующего фактора научной теории, стала складываться у меня в начале 80-х прошлого века. К тому времени бесплодных попыток интеграции научного знания было проделано достаточно много, чтобы понять простую мысль: состояние дезинтегрированности науки не устраивает никого, но способ интеграции может быть только один. Опыт так называемых «развитых наук» показывал, что наука (как целостная система знаний и методов его обретения), возможна в том случае, если в сам предмет науки определен в качестве реальной системы. Иными словами, не может быть системным знание о некотором явлении, если оно само, будучи предметом науки, не представляет собой никакой системы. В этом случае можно сложить «систему из слов», но она вряд ли будет системой научного знания, как это и приличествует науке. В психологии же предмет науки никогда не был представлен системой - живой, развивающейся, функционирующей. Системой, центром которой был бы сам человек, а не его подсистемы (поведение, деятельность, сознание, психика, личность и т.д.). Каждую из таких систем, прежде чем она замкнет на себя предмет науки, необходимо было предварительно антропоморфизировать, т.е. приписать свойства целостного человека, самостности. Потому в психологии и сегодня «психика действует» (психическая деятельность), а «сознание работает» (о «деятельности сознания» пишут без кавычек).

Казалось, что если системно определить предмет науки, то больше не стоит беспокоиться об интеграции - по крайней мере, до тех пор, пока не возникнет возможность (или необходимость) понять изучаемую систему как элемент вышестоящей системы. Оказалось, что проблема предмета психологии не может быть поставлена, а значит и решена, в плоскости актуального бытия науки, в процессе

⁶³ Никто еще не знает, насколько вообще может быть рациональным постнеклассицизм с его аксиологическими приоритетами

анализа ее «настоящего». Это проблема историко-психологическая, но нет ни одного метода исторического исследования, который был бы направлен на изучения *системных преобразований* предмета науки в ходе ее исторического следования.

Наверное поэтому часто указывают на ее «надуманность», приписывая тем, кто пытается ее поднять, склонность к «псевдонаучному теоретизированию», указывают на ее «непопулярность» как косвенный признак отсутствия проблемы (была бы проблема, были бы и соответствующие решения, которые можно обсуждать, т.е. проявилась бы и искомая «популярность»). Для человека, профессионально занимающегося актуальной для него научной практикой, предметное поле науки может сужаться до границ индивидуального проблемного поля, поскольку оно центрирует пространство движения исследовательской мысли, задает ценностно-смысловую основу его бытия в науке. В предельном, и значит идеальном случае, для такого исследователя все, что выходит за границы индивидуального проблемного поля, проблем не содержит. Именно в этих крайних случаях проблема предмета науки просто не возникает.

В другом идеально идеальном случае перед ученым научное пространство открывается как необозримое поле, в котором заняли свои места и достаточно спокойно уживаются различные научные школы, направления, концепции и т.д. - каждая со своим пониманием предмета научного исследования, подходов (принципов) к нему и методов, которым оно может быть осуществлено. Для науки такой методологический плюрализм является обычным и необходимым фактором ее устойчивого бытия, когда, широко распуская веер разнообразных теорий и ходов мысли, наука нащупывает наиболее важные направления следования, связанных со способами понимания и объяснения того, что составляет ее объект. Для отдельного ученого такой плюрализм (со-бытие в одной голове бесчисленного количества достаточно равноправных точек зрения, через которые нельзя смотреть одновременно, но при этом нет и критериев избирательности, позволяющих выбрать точку видения) есть ни что иное, как модель тихого (или не очень тихого) помешательства .

Итак, возвращаемся к проблеме системно определенного предмета науки как системообразующего фактора научной теории. Далее оказалось, что для системного определения предмета науки необходимо представить ее как открытую систему, которая - таковы законы самоорганизации - движется по линии закономерного усложнения системной организации. Дальнейшая логика была такова: значит, на самом деле эти закономерности есть, но мы почему-то их пока не вскрыли. Если же их вскрыть, то тем самым объективируются тенденции развития науки, которым мы сами и подчинены. Через Л.С. Выготского было понятно, что система объективных тенденций «действует за спиной исследователей с силой стальной пружины», значит и за моей спиной. Она владеет мной «в темную», а что будет, если овладеть ею? Если ее вскрыть, то можно будет сознательно направлять свою дальнейшую работу в науке в русло этих тенденций, т.е. действовать в науке, понимая смысл и ценность своих действий, и свое место в ней. С другой стороны, это и есть возможность заняться «положительным

Я до сих пор более всего боюсь впасть в такое состояние, потому что видел, как это бывает. Когда я сдавал кандидатский экзамен, Алексей Николаевич Леонтьев при мне «допрашивал» одного очень эрудированного аспиранта, который пересказал ему с десяток «точек зрения» на предложенный ему вопрос. После чего Алексей Николаевич спросил о том, как сам аспирант оценивает эти точки зрения, и какая из них ему предпочтительней. Тот неожиданно сорвался: экзаменуемый *искренне не понимал, чего хочет от него экзаменатор*. Он не понимал вопроса, и все добивался от Алексея Николаевича признания в том, что он ответил правильно и полно. Алексей Николаевич его успокаивал: все, мол правильно, но все же... Потом, видимо, Алексей Николаевич все понял и снял свой вопрос.

исследованием того, чего требуют объективные тенденции науки» в надежде получить в результате «систему определяющих законов, принципов и фактов»⁶⁵.

Перспектива открывалась слишком захватывающая, чтобы от нее отказаться, но стало понятно и другое: если тенденции не вскрыты, значит, это не так просто. Нужен особый метод исторического анализа, который был бы непосредственно ориентирован на объективацию тенденций развития открытых систем. В изменении категориальной строя науки проявляются тенденции ее движения, но вычислить их, анализируя изменения, происходящие в категориальном аппарате, вряд ли удастся - они сами есть следствие искомых причин, причем следствия достаточно инерционные. Например, появление новой категории еще не означает, что этим появлением манифестирует себя объективная тенденция развития науки, но если и манифестирует, то это откроется только в отдаленном будущем.

С другой стороны, если весь исторический путь науки представляет собой закономерный процесс последовательного усложнения ее системной организации, а системообразующим основанием науки является ее предмет, то он, таким образом, должен столь же закономерно переопределяться в процессе становления психологического познания. Только в обычном ретроспективном анализе этого не видно. Требовался системный взгляд на историю науки. Подход, общий абрис которого сложился к 1985 году, был назван историко-системным (по аналогии с историко-категориальным подходом).

Дальше происходило следующее. В течение двух лет велась вялая переписка с психологическими журналами, но статью в печать не брали. Неведомые мне оппоненты (фамилии на рецензиях были сняты) предлагали внести исправления, я что-то исправлял, но статья, меняя первичный облик, все равно не шла. Потом я стал понимать почему. Оппоненты представляли определенные научные школы, а в статье говорилось о возвышении уровней системности в процессе развития науки, при этом легко было самоопределиваться в том уровне системности, который реализует представители того или иного научного направления, а это, безусловно, по-человечески задевало. Да и сама обстановка в науке была своеобразной. Противоречия еще не были обострены, но их ничего не стоило обострить.

До сих пор эмпирически определяемая психика традиционно выступала в качестве предмета науки, и внешне казалось, что это неизбежно. Но каким же образом эмпирически определенный предмет может служить основанием для создания системной теории этого предмета? Парадоксально, но оказалось, что наши многочисленные теории оказались вовсе не фундированы логикой предмета изучения, а скорее призваны придать ему какую-то логику, пытаясь оставаться хотя бы локально системными. Чтобы понять, что же такое психика, нужно соединить разорванное знание о ней, полученное в разных теориях, которые не могут состыковаться именно потому, что не знают, что же такое психика. Это уже не противоречие, а порочный круг, выйти из которого пытались за счет определения функции психики, поочередно (или вместе) приписывая ей функции отражения, регуляции, ориентировки и т.д. Теперь можно сказать, что так не разу и не угадали. В 1984 году Б.Ф. Ломов пришел к заключению о том, что можно придать системность теории, приведя в систему принципы исследования, но и для такого хода требовался системообразующий фактор, которого тоже не было, на что я в своей статье прозрачно намекал, постепенно сглаживая намеки.

В конце концов, я просто «задепонировал» эту статью в 1987 году⁶⁶. Ниже я привожу ее полное содержание, только «расковычив» некоторые цитаты, потерявшие былую актуальность, и курсивом выделив те места, которые кажутся актуальными для сегодняшнего дня. Хочется все-таки сделать статью доступной - хотя бы даже для собственных аспирантов. Конечно, в чем-то она уже потеряла актуальность, сохранив при этом стиль и идеологические штампы, адекватные эпохе.

3.2. Динамика типологических форм системного подхода в психологии и перспективы развития психологической науки

Основным изменением в области методологического обеспечения современной психологической науки можно считать включение принципа системного подхода в общий список устоявшихся принципов психологии. Для науки введение нового методологического принципа является событием чрезвычайным. Каждый новый принцип определенным образом центрирует предмет науки, меняет представления о методе исследования, но самое главное, он не может не привести в движение все остальные принципы, в систему которых он включен.

Сложность возникающих методологических проблем усугубляется тем, что в отличие от других принципов (деятельностного подхода, личностного подхода, принципа отражения и т.д.) принцип системного подхода не является собственно психологическим принципом, он не рядоположен остальным принципам психологии. Его нельзя использовать отдельно от основных методологических принципов, ибо возникает прямая угроза потерять предмет исследования, характеризующий специфику конкретной науки. То, что именно это происходит, констатирует Е.В.Шорохова, анализируя состояние исследования проблем психологии личности. Делая упор на том, что психологам пока не удавалось применить все методологические принципы к любому предмету психологического исследования, Е.В.Шорохова прямо указывает на изолированность методологических принципов друг от друга. "В одном случае применялся деятельностный подход, в другом - принцип развития, в третьем - принцип отражения, в четвертом - системный подход и т.д."

Дело даже не в том, что методология запрещает использовать принцип системного подхода изолированно от принципа развития, поскольку этот подход не несет в себе параметров развития⁶⁷. Почему изолированы друг от друга основные методологические принципы? Если такая же участь ожидает и принцип системного подхода, то введение его в психологию потеряет всякий смысл. Методологическая суть системного подхода заключается в том, что он является специфическим средством интеграции аспектных знаний и, значит, должен стоять в определенной позиции по отношению к исходным методологическим принципам, на основе которых и формируется аспектное знание.

Клочко В.Е. Динамика типологических форм системного подхода и перспективы развития психологической науки. Депонирована в ИНИОН АН СССР, 1987, №29171.

⁶⁷ Весьма характерное заключение. Постнеклассицизм с его ориентацией на саморазвивающиеся, самоорганизующиеся системы еще о себе не заявил, а системы саморегулирующиеся, на выделении которых вызревал неклассицизм, действительно не несут в себе параметров развития. Это заключение еще более справедливо по отношению к суммативным, количественным системам, с которыми имеет дело классицизм. Весь «драматизм» моего положения, отраженный в статье, заключался в том, что, уже понимая науку как открытую (и значит самоорганизующуюся) систему, имеющую свои закономерности становления, т.е. несущую в себе параметры развития, приходится говорить о ней с позиции саморегуляции. Сегодня можно сказать, что эта была попытка выйти за пределы неклассицизма, оставаясь в нем.

Б.Ф.Ломов, анализируя дезинтегрированность психологической науки, указывает на момент абсолютизации базовых для психологии категорий диалектического и исторического материализма в отдельных теориях, когда "по тем или иным причинам иногда выбирается одна, и делаются попытки построить всю систему психологического знания только на ее основе". А.М. Матюшкин и Л.А. Радзиховский, конкретизируя проблему, делают ее предельно четкой - либо эклектика, либо абсолютизация. Других путей интеграции психология пока не знает. "Какова же альтернатива? - Построение системной психологической теории". Теории, которая была бы не "одномерной", т.е. основанной на одном принципе или категории, а изначально исходила бы из системы базовых категорий. Путь, который выбрал Б.Ф.Ломов, а именно, опираясь на общие положения диалектического материализма, т.е. обеспечивая этим необходимый монизм, построить систему категорий, а на ее основе и развитую системную теорию психического, вполне оправдан ⁶⁸.

Однако, есть еще одна возможность реализации системного подхода в психологии, которая *связана с выявлением внутренних тенденций развития науки как постоянного движения ее по линии реализации все более высоких по уровню типологических форм системного подхода*. Дело в том, что задача построения "многомерной" системной психологической теории не снимает противоречие, которое заключается в том, что одномерные теории также являются системными. И в каждой из них уже реализован системный подход, который не только не привел к интеграции, но и обеспечил вполне необходимую на определенном этапе развития науки дифференциацию, углубляя понимание самих категорий, позволяя тем самым ставить вопрос об их систематизации.

Встает закономерный вопрос о существовании различий в сущности того системного подхода, который использовали "одномерные" теории, и того системного подхода, который должна использовать более общая системная теория, на базе которой осуществляется интеграция "одномерных" теорий. Нет необходимости доказывать тот факт, что каждая "одномерная" теория на самом деле является "моносистемной". И тогда интеграция науки выступает как проблема перехода от моносистемного исследования психического к полисистемному анализу. Следовательно, имеются какие-то уровни внутри самого системного подхода, которые пока психология не различает. Если представить, что уровень моносистемного анализа возник как закономерный переход с более низкого уровня системного анализа, предшествовавшего ему, то *выстраивается уже лестница уровней системного изучения психического* и развитие науки выступает как движение, имеющее свою внутреннюю тенденцию, осознав которую можно по другому осмыслить и ее прошлое, и настоящее, и ее будущее.

Самое существенное при таком подходе заключается в том, что *основные категории и принципы психологии сами возникали как результат реализации закономерно сменяющих друг друга уровней системного изучения психологической реальности*. Именно поэтому путь исследования, который выбираем мы, заключается в

Какой ясный пример сознательного подчинения организационно-научному и личному авторитету! Я ведь знал, что нельзя осуществить интеграцию науки путем приведения в систему ее методологических принципов. Но Борис Федорович Ломов, опубликовавший в 1984 году свою обобщающую монографию «Методологические и теоретические проблемы психологии» и Алексей Михайлович Матюшкин, опубликовавший рецензию на нее в «Вопросах психологии», в это время были директорами двух (а больше и не было) научно-исследовательских психологических институтов, я искренне уважал их обоих, достаточно много общался с каждым из них, а Алексей Михайлович был еще и оппонентом по моей кандидатской диссертации. Потому еще сложнее было заявить нечто, выходящее за пределы устоявшегося понимания. Оттого столь специфично выглядит сам выход: «Однако, есть еще одна возможность реализации системного подхода....».

попытке отойти от ставшего уже традиционным категориального подхода к изучению историко-психологического процесса и показать динамику категориального строя науки на основе вскрытия внутренних тенденций ее развития. *Тенденций, которые проявляются в виде закономерного движения науки по линии все более многомерного и многокачественного изучения реальной действительности.*

Уловить и объективировать внутреннюю тенденцию развития науки означает во много раз усилить ее прогностические возможности, привести в целенаправленное движение ее основные категории и выйти к новым, целенаправленно и сознательно приступить к реализации очередного этапа в развитии науки, логически вытекающего из общей тенденции ее развития и тех противоречий, которые, накапливаясь на каждом этапе развития, в своем разрешении и образуют общую тенденцию.

То, что системный подход может совершаться в различных формах и на различных уровнях, хорошо показано в марксистской диалектике и методологии. Психология же пока дифференциации внутри самого системного подхода не знает. К числу системных относятся любые исследования, если в них встречаются ключевые понятия ("система", "элемент", "целое", "часть", "единство", "координация", "уровни" и т.д.). Часть выделяемых "систем" вообще таковыми не являются и на них не распространяются принципы системного подхода. К числу таких "псевдосистем" относятся классификационные или суммативные системы. В психологии такие системы представлены понятиями "система навыков", "система знаний" и т.д.

Настораживает легкость, с которой психологи заимствуют идеи системности из конкретных наук, имеющих достаточные успехи в реализации системного подхода. Под эгидой системного подхода в психологию стал усиленно проникать кибернетический, биологический редукционизм. Идея редукционизма не противоречит глобальной идее системности, считает О.К.Тихомиров. Пока действительность доказывает правоту этой мысли. В различные разделы психологии и особенно заметно в психологию мышления усиленно проникают несколько модернизированные конструкции системных подходов, основанных на идее гомеостазиса и развитые в науках, которые кроме гомеостазических процессов, ни с какими другими принципиально не сталкиваются.

На наш взгляд, правильно реализованная в психологии идея системности может стать надежным барьером для редукционизма. Для этого необходимо показать, что *инициативное поведение, которое свойственно человеку и которое отличает его от всех других биологических и кибернетических систем, имеет совершенно другую детерминацию, и на этой основе, в конечном счете, создать теорию психологических самоорганизующихся инициативных систем.* И только тогда можно использовать общесистемные представления в психологии без опасности принести вместе с ними в скрытом виде и идею редукционизма.

В.П.Кузьмин выделяет две основные гносеологические различные формы системного подхода. Различение этих форм в психологии кажется нам чрезвычайно актуальным. Психолог, приступая к исследованию, должен ясно осознавать, какую форму системного подхода он собирается реализовывать - общетеоретическую или научно-практическую. Пока в психологии одинаково системными считаются, например, и те исследования, в которых реализуются представления общей теории систем, теории функциональных систем, эвристических систем и т.д. и исследования, опирающиеся на общетеоретическую форму системного подхода.

Не различение форм системного подхода, в каждом из которых имеется свой строй базисных понятий, законов, теорий, и в этом смысле своя "призма видения"

действительности, может привести и приводит только к дальнейшей дезинтеграции науки.

Наша позиция по поводу допустимости применения этих двух форм системного подхода заключается в следующем. Психология уже использует обе формы, хотя и не разводит их между собой. Она имеет право использовать обе формы, поскольку они взаимодополняют друг друга, а, с другой стороны, сама психология от всех других наук отличается предельным сближением в ней общетеоретического (философского) и специально-научного начал. Разные разделы психологической науки уже стали отдавать предпочтение той или иной форме системного подхода. Общая психология, наиболее насыщенная решением теоретических и методологических вопросов, отдает предпочтение общетеоретической форме системного подхода, прикладные разделы чаще опираются на общесистемную форму.

*Современное состояние психологии характеризуется тем, что она стоит на пороге решения глобальных методологических проблем, связанных с переходом на новый уровень системного изучения психологической реальности*⁶⁹. Сейчас как никогда важно реализовать общетеоретическую форму системного подхода, т.е. опираясь на современную марксистскую диалектику и методологию, которая в достаточной степени изучила системный подход как особый метод научного познания и ввела его как один из принципов в свою методологическую систему, выйти на новый уровень системности и осуществить интеграцию науки, без которой психология не сможет выполнить сложнейшие общественные задачи, тот социальный заказ, который она получила.

Внедрение общесистемных представлений сегодня сдерживается неразработанностью системного подхода общетеоретического. *Общая теория систем никогда не сталкивалась с такими системами, которые изучает психология. И при всей своей универсальности, она все-таки не может схватить специфически человеческое*⁷⁰. Ситуация сегодня кажется нам своеобразной в том плане, что скорее правильная реализация системного подхода в психологии даст толчок дальнейшему развитию общей теории систем, чем наоборот. Это не значит, что нельзя использовать вообще ничего из системных представлений, разработанных в общей теории систем, кибернетике или биологии. Придется только согласиться с О.К. Тихомировым в том, что методологический оптимизм по поводу "всеобщего" и "повсеместного" применения новых эвристических теорий, в том числе и общей теории систем, должен быть здоровым и умеренным.

То, что психология не различает в достаточной степени общетеоретическую и научно-практическую формы системного подхода является фактом, который легко доказать путем анализа научной литературы.

Было бы легче выступить с подобной дефиницией, если бы к 1987 году уже была бы реализована идея о дифференциации исторических типов рациональности и указаны ее три типа (классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность), а также выделен ключевой признак этой типологии, заключающийся в наличии коррелятивной связи между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект. Было бы тогда легче выделить и уровни рефлексии по поводу собственной познавательной деятельности и ее стратегий. Но идея о дифференциации типов рациональности будет реализована В.С. Степиным в 1989 году, и еще позднее станет ясно, что простые системы выступают в качестве доминирующих объектов в классической науке, сложные саморегулирующиеся системы доминируют в неклассической науке, а уделом постнеклассической науки являются сложные саморазвивающиеся системы.

Сегодня такие системы называют «человекомерными».

Еще сложнее обстоит дело с дифференциацией форм системного подхода внутри общетеоретического системного подхода. Зачастую, как нам кажется, исследователь использует какой-то уровень системности, какую-то типологическую форму, фиксирующую этот уровень, даже не зная о том, что он ее использует. А ведь фактически любое исследование по своей природе системно, осознает ли это сам исследователь или нет.

Главная задача историко-системного подхода - увидеть историю психологической науки как историю становления и развития идеи системности, как закономерное движение психологической мысли с одного "этажа" познания на другие, все более высокие "этажи", с которых по новому открывается сам предмет изучения нашей науки и по другому конкретизируются принципы его изучения и категории, в которых фиксируется изучаемый предмет.

Постановка такой задачи опирается на исходное положение о существовании закона изменения уровней изучения психологической реальности как смены типологических форм системного подхода. Однако, такое положение будет оставаться предположением до тех пор, пока не будет совершенно определенно доказано существование подобного закона, пока не будут выделены конкретные уровни системного изучения психологической реальности и формы системного подхода, адекватные каждому уровню, а также те конкретные противоречия, формирующиеся внутри каждого уровня, которые с неизбежностью обуславливают *самодвижение науки по линии закономерной смены этих форм.*

Можно, конечно, пойти путем простейшего логического вывода. Во всех науках зафиксировано движение общего пути познания от выделения конкретного предмета познания к установлению связей этого предмета с другими явлениями, влияющими на качество изучаемого предмета, затем к интеграции разнокачественных свойств в единство, целостность, систему, а затем к выявлению взаимосвязи выделенной системы с другими системами реального мира, которая устанавливается как результат взаимодействия систем. Если такой путь движения характерен для всех наук, то он характерен и для психологии, если психология - наука. Однако такой простейший логический вывод еще не превращает предположение в положение, гипотезу в постулат, хотя и может выступить в функции философского обоснования правомерности выдвижения гипотезы.

Лучшим доказательством применимости закона изменения уровней изучения психологической реальности как смены форм системного подхода было бы определение точного места современной психологической науки на общей линии ее развития, той точки на оси перехода от "предметоцентризма" к "полисистемной действительности" (понятия, использованные В.П.Кузьминым), в которой она сейчас находится, ибо только тогда окончательно станет ясно откуда, куда и как развивается психология.

Досистемный уровень. Уровень непосредственного, простого знания, рассмотрение предмета исходя из него самого, "предметоцентризм". Психология начала свою историю с этого уровня. Не будем задерживаться на этом уровне, всем психологам понятно, о чем идет речь - интроспекция в психологии является наиболее показательным выражением предметоцентрического подхода.

Более важным является установление внутренней необходимости выхода за пределы "предметоцентризма" и направления этого выхода. С решения этой задачи началась марксистская психология.

Внутренние противоречия "предметоцентризма", разрешаясь, закономерно обуславливают первую форму системного подхода. Чтобы установить качество предмета как его индивидуальное качество, присущее ему самому по себе, необходимо действовать на этот предмет извне и по особенностям его реагирования выявить и качественную специфику. Противоречие, к которому приходит предметоцентризм, заключается в том, что определение индивидуальной, внутренней специфики предмета, ему самому принадлежащей, невозможно осуществить, не прибегая к другому предмету, со своей качественной спецификой. Второй предмет здесь выступает как "проявитель" индивидуальной специфики первого, но он выступает и как внешнее по отношению к внутреннему. Появление в поле зрения исследователя второго предмета, внешнего по отношению к внутреннему, означает закономерное начало конца "предметоцентризма".

Крайней стадией развития "предметоцентризма" как способа познания в конкретной науке можно считать использование в ней принципа спецификации, введенного Гегелем. Смысл этого принципа таков: качество целостного явления есть то, что определяет его специфическую реакцию и является неким внутренним трансформатором внешних воздействий.

Принцип спецификации Гегеля можно считать внутренней подоплекой для возникновения всех принципов детерминизма в психологии. Этот принцип не был рассчитан на системное исследование, он олицетворяет уровень "предметоцентризма", но, родившись на этом уровне и для этого уровня, он послужил основой для первой формы системного подхода, характерной для первого уровня системного понимания и исследования психологической реальности.

Две стороны принципа спецификации можно отметить как важные для дальнейшего развития психологии. Содержание принципа не противоречит возникновению на его основе как механистических, так и диалектических схем детерминизма. Эта сторона принципа спецификации обусловлена тем, что он имеет своей целью объяснение одного (внутреннего), а не причинно-следственных связей между внешним и внутренним. Вторая сторона этого принципа заключается в том, что он изначально закрепляет гипертрофию одного из факторов - внешнее и внутреннее рассматриваются как экстенсивное и интенсивное, что существенно подрывает, как указывает В.П.Кузьмин, значительность сделанного Гегелем вывода. Легко проследить, как эта гипертрофия будет еще долго существовать внутри принципов детерминизма в марксистской психологии. Не преодолена она и до сих пор.

Главное, что можно вынести из анализа досистемного уровня в развитии психологии, заключается в том, что внутри этого исторического этапа возникли предпосылки для перехода к следующему этапу.

Первый уровень системности, первая типологическая форма системного подхода в психологии возникла в связи с закономерной конкретизацией понятий "внешнее", "внутреннее" и их взаимоотношений на основе различных принципов детерминизма. Предмет исследования (психика) стал рассматриваться не с точки зрения выявления внутренней сущности, внутреннего качества, которое только проявляется в актах воздействия на него внешних явлений, но с точки зрения связи психики с целым классом различных явлений. В каждой такой связи психика открывалась в разных, не

сопоставимых между собой свойствах. Было объективировано много различных свойств психики, соотнести которые и объединить между собой не удавалось.

То внутреннее единство предмета, которое предполагал "предметоцентризм" и которое он хотел объективировать при помощи введения внешнего, второго предмета, оказалось "разбитым" при осуществлении принципа взаимосвязанности, характерного вообще для первой формы системного подхода. На этом уровне системного подхода главным стали не понятия "целостности" или "единства", что кажется существенным при определении самого явления системности, а понятие "разнокачественности" явления. Такое понимание системности сохраняется до сих пор. "Системность психического означает, - пишет В.А.Брушлинский, - что в различных связях и отношениях оно выступает в соответственно разных качествах...". Такое понимание системности вполне правомерно и необходимо в такой же мере, в какой вообще необходим был уход от "предметоцентризма". Выделение различных качеств психического, включаемого в разные связи, является важной работой, которая едва ли прекратится когда-либо.

Однако, дифференциация все новых и новых различных свойств психики сама порождает противоречие, неизбежно обуславливая вторую форму системного подхода. Психическое стало исследоваться в различных связях и отношениях - по отношению к действительности, к сознанию, к мозгу, к деятельности, субъекту, личности и т.д. Произошло достаточно быстрое обнаружение различных характеристик психического, несопоставимых между собой. Предмет психологии стал превращаться в нечто неуловимое, "расползающееся" по разным микросистемам, в каждой из них открывалась какая-то определенная качественная специфика психического или особая его функция. Наверное, раньше других это противоречие осознал С.Л.Рубинштейн, проделавший к тому времени громадную работу по выявлению на базе марксистской методологии самых существенных связей психического с другими объективными явлениями действительности. Оставаясь на уровне первой формы системного подхода, т.е. продолжая рассматривать психические явления во всех обнаруженных к тому времени объективно существенных для них связях, С.Л.Рубинштейн поставил проблему вскрытия внутренней связи различных характеристик психического. Для того, чтобы обнаружить эту связь и выйти к интегральной характеристике психического, нужно было иметь принцип, который позволили бы произвести синтез разнокачественных характеристик. С.Л.Рубинштейн показал, что таким принципом может быть принцип детерминизма, который он сформулировал в форме: "внешние причины действуют через внутренние условия, формирующиеся в зависимости от внешних воздействий".

Сформулировав свой принцип детерминизма, С.Л.Рубинштейн, с одной стороны, ушел от механистического детерминизма, с другой стороны, вышел на понятие "взаимодействие", а от него закономерно поднялся к понятию "отражение", а потом столь же закономерно и функции психического - к регуляции, к тому общему основанию, на котором можно было бы объединить всю разнокачественную гамму характеристик психического. Однако подлинного объединения получить не удалось, и одна из основных причин, на наш взгляд, заключается в самом принципе детерминизма, в его объяснительных возможностях. Заложённая в принцип исходная неравновесность внутреннего и внешнего, берущая свое начало в "предметоцентризме", еще не проявляющаяся заметно на первом уровне системности, не могла не сказаться при попытке выхода на второй уровень.

Не трудно заметить, что принцип детерминизма, определенным образом констатирующий взаимосвязь внутреннего и внешнего, и гипертрофирующий роль

любого из компонентов, на самом деле гипертрофирует детерминацию поведения человека, его жизнедеятельность в пользу либо внутренних, либо внешних факторов. Именно гипертрофия в принципе детерминизма является причиной многих противоречий в современной психологии. К числу их можно отнести и самые глобальные - не решены проблемы сочетания социальной и индивидуальной детерминации, не объяснена детерминация инициативного поведения (свободного, творческого, за пределами необходимости, нефункционального и т.д.), проблема диспозиционного и ситуативного в регуляции деятельности и т.д.

Не анализируя весь этот сложный и еще не окончившийся период в развитии психологии, отметим самое существенное с точки зрения нашей концепции. Реализация первого уровня системности или первой формы системного подхода привела к выделению аспектности в исследовании психического. Невозможность соединить разнокачественные особенности психики, открываемые в различных связях, в которые включалась психика, привело к тому, что различные школы и направления продолжали углубленно изучать значимые для них связи и отношения, переходя постепенно от изучения психики в контексте одной значительной связи к изучению самого явления, которое в этой связи находится. Так, в психологию пришли моносистемы, начался период реализации второй типологической формы системного подхода.

Вторая форма системного подхода характеризуется тем, что в основу ее положено понятие "однородности", "однотипичности" явлений. Наиболее ясно выразил суть этой формы Б.Ф.Ломов. "Будучи многообразными, психические явления выступают как явления одной природы. Поэтому они и сами могут рассматриваться как система". Так, психика выступила как особая система, но кроме этого как особые системы выступили личность и деятельность, т.е. все, что ранее выступало как основание для выделения связи (психика и отражение, психика и личность, психика и деятельность) превратилось в соответствующие принципы. На базе принципов деятельностного подхода, личностного подхода, принципа отражения возникли различные моносистемы, ставшие предметом исследования в соответствующих научных школах, каждая из которых брала один из принципов в качестве исходного.

Деятельность - это "система, имеющая строение, свои внутренние переходы, свое развитие" (А.Н.Леонтьев). Личность - это развивающаяся система, "процесс становления личности можно представить себе как развертывание целостной органической системы, в которой каждая часть предполагает каждую иную и порождается целостной системой" (Л.И.Анциферова). «Психика объективно является системой ... компонентов, изначально развивающихся из единого основания» (А.В.Брушлинский). За каждой системой постулатами закреплена способность к самодвижению, саморазвитию, выходу за пределы самой себя. Эти постулаты фактически снимают большинство проблем, но не разрешают их. Особенно это касается саморегуляции инициативного, творческого поведения, в полной мере соответствующего только человеку. Так постулируется в системе "личность" такое ее свойство как "интеллектуальная инициатива" (Д.Б.Богоявленская), в системе "деятельность" - "надситуативная активность" (А.Г.Асмолов, В.А.Петровский), в системе "психика" - "эмержентность" (А.В.Брушлинский). Все эти свойства отражают реально существующую человеческую способность к инициативному поведению. Но введение таких свойств в каждую систему при помощи указанных понятий, позволяет каждой системе получить достаточную автономность. Ни одна из систем не испытывает особой нужды в категориях другой системы, поскольку в каждой из них есть все необходимое, а чего нет, то вводится постулатом. Поэтому в каждой теории нет и

особой внутренней потребности в поиске точек соприкосновения с другими теориями. *Поскольку в каждой моносистеме открыты свои системные качества, которые невозможно обнаружить в других, то значительная часть понятий оказывается принципиально несоотносимой. Иногда пытаются объяснить трудности, возникающие при взаимодействии моносистемных теорий, как чисто терминологические по своему происхождению. На самом деле это не так. За каждым понятием в каждой теории стоят и особые системные качества, которых не знает другая теория.*

В таком виде психология сегодня приступает к решению практических задач, и ее слабость, являющаяся следствием ее дезинтегрированности, обнаруживается сразу.

В различных моносистемах используются различные принципы детерминизма, однако это только варианты известного соотношения внутреннего и внешнего, когда односторонности одного принципа противопоставляется односторонность другого. Б.Ф. Ломов показывает, что все многообразие психических явлений нельзя объяснить одной формой детерминации и приходит к "комбинации внешних и внутренних детерминант, которая обеспечивает устойчивость и относительную автономность развивающейся системы". На необходимость снятия гипертрофии в принципе детерминизма указывает Л.И. Анциферова. В.С. Мерлин уже давно замечал, что ни формула "внешнее через внутреннее", ни формула "внутреннее через внешнее" не описывают опосредствования деятельностью процесса развития индивидуальности. Обобщая сложившуюся ситуацию О.К.Тихомиров приходит к выводу, что реализация системного подхода при изучении одних и тех же явлений разными авторами "приводит к различным результатам".

Каков же выход из положения? Нам кажется, что существует два выхода. Один из них и предложил Б.Ф.Ломов, он был кратко описан в начале статьи. *Второй путь, на наш взгляд, заключается в том, чтобы, опираясь на открывающуюся тенденцию развития уровней системности в психологии перейти на новый уровень системности и попытаться осознанно реализовать третью типологическую форму системного подхода.*

Третья форма системного подхода связана с раскрытием специфического закона системы явлений. Не случайно, видимо, в психологической литературе именно сейчас возникла дискуссия о законах психологии. Переход к третьей форме подготовлен диалектическим отрицанием второй формы системного подхода, в ходе реализации которой накопилось определенное количество внутренних противоречий и сформировалось достаточное количество предпосылок для перехода.

К числу противоречий относится все большая дифференциация науки, не сопровождающаяся параллельно идущим процессом интеграции. Моносистемные теории изолированы друг от друга как своими понятийными, категориальными сетками, так и исходными методологическими принципами. Споры в науке перестали быть конструктивными - *трудно соотносить данные, полученные в разных системах, поскольку в них отражаются системные свойства, обусловленные конкретными системами, в которых они открыты.*

Попытки "стыковки" теорий, реализующих разные уровни системности или разные типологические формы системного подхода, заведомо не могут быть успешными, но они хорошо объективируют противоречия, а потому имеют позитивное значение. Попытки "стыковки" моносистемных теорий (теорий одного уровня системного подхода) так же пока не являются успешными, т.е. чаще всего смысл "стыковки" авторы понимают, как попытку ассимилировать другую теорию на базе основных принципов собственной теории. Смысл соединения теорий заключается не в

подчинении одной теории другой, не в подмене ведущего принципа одной теории ведущим принципом другой. Все эти попытки демонстрируют одно - *соединять теории, соединять моносистемы, лежащие в их основе, значит, определенным образом соединять и принципы, на которых строятся моносистемы, т.е. производить новые, более комплексные принципы, снимающие абсолютность старых, гипертрофию, им присущую и т.д.*

Покажем это на примере. Попытка А.В. Брушлинского соотнести ведущие категории психологической теории деятельности ("значение" и "смысл") с ведущими категориями психического как процесса ("анализ" и "синтез") являются очень интересной. Соотносились теории, реализующие разные формы системности (первую и вторую) и использующие разные формулы детерминизма ("внешнее через внутреннее" и "внутреннее через внешнее"). Итогом же соотнесения стало предельное отражение противоречий внутри самих формул детерминизма, показывающее и пути к новой формуле детерминизма, которая, на наш взгляд, необходима для реализации более высокой по уровню формы системного подхода (третьей).

С точки зрения А.В.Брушлинского, значение и смысл выступают как постепенно раскрываемые субъектом разные качества одного и того же объекта, включаемые в разные системы связей и отношений. А.В.Брушлинский выступает против представления о том, что смысл это то, что "привносится с субъектом" и видит в этом "привнесении" путь к субъективизму.

Откуда же берется это субъективное в объективном, внутреннее во внешнем?

Если субъективное существует в объективном, тогда его можно открыть путем анализа и синтеза, но его там нет, и сам А.В. Брушлинский ранее заметил это: "психическое принадлежит человеку как субъекту и потому всегда субъективна". Значит, субъективное "привносится" в объект субъектом, но как тогда уйти от проблемы субъективизма? И как вообще понять наличие внутреннего во внешнем таким образом, чтобы избежать обвинения в "спиритуализации материи", с одной стороны, и "материализации психического" в субъекте, с другой?

Если реализовать принцип системного подхода в его третьей типологической форме, то противоречия исчезнут, *ибо порождаются они особенностями применения разных форм системности, разных исходных принципов, которые эти формы реализуют.*

А.В.Брушлинский точно нащупал центральное звено в процессе взаимодействия человека с миром, то звено, *которое, как нам кажется, станет фактором, определяющим центрацию психологической науки на ее ближайшем этапе развития - в процессе перехода к третьей типологической форме системного подхода.*

Суть проблемы заключается в том, что "смыслы" действительно "привносятся" субъектом и действительно отражаются субъектом как особые качества объекта. Находясь на уровне первой или второй типологической формы системного подхода, невозможно соединить эти два положения таким образом, чтобы избежать противоречия. Но третья форма системного подхода как раз и является методологическим средством интеграции разнокачественных характеристик и обеспечивает познание того, как один и тот же предмет может быть и действительно является частью нескольких различных систем реального мира.

Смыслы - это системные качества, это интегральные, совокупные, произведенные качества, которые не принадлежат ни объектам, ни системе, в которую они включаются, но производятся в актах взаимодействия двух систем (субъективное и объективное, человек и мир).

В ходе взаимодействия двух систем происходит не только отражение одной системой другой системы (и это взаимно), но и производство особых системных качеств, когда разнокачественные объекты, принадлежащие двум различным системам, наряду со своими природными качествами обретают еще и системные качества, которые и становятся определяющими факторами развития систем.

Третья форма системного подхода, к которой приблизилась современная психология, позволит осуществить интеграцию всех изолированных моносистем (личность, психика, деятельность, природная и социальная системы). *Позволит представить их взаимодействие и те продукты взаимодействия, которые определяют дальнейшее развитие всей интегративной целостной системы, в которую объединены все моносистемы, и в которой они выступают как взаимодействующие подсистемы. Такую интегративную целостность мы и определяем как психологическую систему.*

Психика (как объект психологической науки) выступит тогда, как подсистема психологической системы, как ее элемент. *Для того, чтобы психика выступила объектом исследования в психологии, предметом психологической науки должна стать психологическая система.*

Ситуация складывается сегодня таким образом, что вся внутренняя логика, внутренняя тенденция науки выводит нас на новый уровень системного осмысления психологической реальности. В поле зрения психолога впервые осознанно попадают интегрированные объекты и интегральные зависимости и становятся предметом специального исследования. Системный подход есть "методологическое средство изучения интеграции, точнее, интегративных объектов и интегральных зависимостей и взаимодействий. Такова действительная тайна системного подхода" (В.П. Кузьмин).

Что может дать психологии третий уровень системного изучения действительности, третья типологическая форма системного подхода, конкретизируемая нами понятием "психологическая система"?

1. Открываются пути для интеграции моноаспектных, одномерных, моносистемных теорий.

2. Разрешаются противоречия, порожденные на нижних этажах познания. В частности и противоречие, которое было показано выше. *Смысл - это психологическое (не психическое) качество объекта, которое произведено в акте включения объекта в психологическую систему и является системным качеством. Психика - это элемент психологической системы, отражающий не только природные свойства объекта, но и его системные качества.*

3. Психологические системы получают достаточно самостоятельный онтологический статус, наряду с социальными, физическими и биологическими системами. Этот статус обеспечивается такими особенностями психологических систем, которые не встречаются в других системах. Прежде всего, *произведенные системой качества не только образуются в системе, но и отражаются ею опосредованно и непосредственно, а также в единстве этих двух форм, что и обеспечивает саморегуляцию в психологических системах (направленность, селективность, процессуальную детерминацию) и дальнейшее развитие всей системы и ее компонентов (психики, личности, деятельности).*

Здесь уже ясно звучит идея самоорганизации: порождение системой параметров порядка, обуславливающих становление системы, ее системогенез.

4. Дальнейшее и вполне определенное развитие получают все основные принципы марксистской психологии. Ограниченные рамками статьи, а потому, не имея возможности быть более доказательными, укажем только направления их развития, которые можно прогнозировать уже сегодня.

Принцип детерминации, устанавливающий основную связь взаимодействия между внутренним и внешним, должен быть избавлен от гипертрофии как внешнего, так и внутреннего. Детерминация осуществляется не только сочетанием детерминирующих влияний извне или изнутри. *Внешнее и внутреннее взаимопереходят, взаиморазвиваются в этом переходе и образуют, в конечном счете диалектическое единство, в котором "самотворчество" человека и творчество мира выступают как два противоположных движения внутри единого.* Так, принцип детерминизма выступит как принцип одновременной двойной детерминации, ⁷³ указывая на конкретное психологическое пространство, из которого "все начинается".

Принцип отражения в психологических системах будет дополнен таким образом, чтобы избежать открытого или скрытого внутри него постулата тождественности отражения и бытия, в силу которого мышление, например, обрекается на пассивное копирование в виде чувственно-практического "следования логике объекта", когда объект непосредственно оказывает воздействие на органы чувств. *Необходимо будет признать, что в едином акте отражения, в целостном акте отражения вместе с природными свойствами объекта одновременно и неотрывно от них отражаются минимум два других системных качества объекта. Качества, произведенные в психологической системе, психологические качества. Первое из них мы уже показали - это смысл (предметно-системное качество), второе качество (системно-интегративное, надиндивидуальное) - ценность. Таким образом, в актах взаимодействия человек получает возможность отражать не только объект, но в нем и самого себя как личность, реализующую через этот акт свою деятельную сущность, свои потребности и цели, свои возможности и отражать себя как элемент вышестоящей системы (общество), который этой системой фундируется, с которой он соотносится в актах взаимодействия с миром, осуществляя свою высшую, наиболее ценную потребность - быть личностью и свою высшую установку - готовность быть ею.*

При таком понимании открываются механизмы саморегуляции в психологических системах, в новом свете предстают проблемы единства биологического, социального и психологического. Переосмысливается понимание основных психологических процессов. Эмоции и чувства тогда можно понять как аппараты отражения специфических системных качеств, окончательное отражение которых (осознание) является результатом непрерывной связи аффекта и интеллекта, чувственного, эмоционального и рационального. Разные качества объекта отражаются разными средствами, но это качества одного объекта, субординированные и

Вот так «сложно», тавтологично (« принцип одновременной двойной детерминации») выглядела вначале идея *системной детерминации*. Тем не менее, именно она оказалась идеей вполне транспективной, т.е. отвечающей объективным тенденциям движения психологического познания. Вскоре эта идея станет одной из центральных в моей докторской диссертации (Клочко В.Е. Инициация мыслительной деятельности». МГУ, 1991), а в 2002 году в докторской диссертации Э.В. Галажинского «Системная детерминация самореализации личности» (Барнаул, 2002) она уже обретет статус объяснительного принципа по отношению к самореализации личности. Благодаря этому самореализация станет рассматриваться как форма самоорганизации человека, понимаемого в качестве сложной открытой психологической системы. Тем самым будет преодолен как преформизм неклассической гуманитарной психологии, так и ситуационизм (столь же неклассической) экзистенциальной психологии, в рамках которых впервые была заявлена проблема самореализации.

иерархизованные так же, как субординированы и иерархизованы средства отражения этих качеств. По новому выглядит и структура сознания - оно предстает взаимосвязанной, уровневой системой, включающей в себя неосознаваемое, частично осознаваемое и осознаваемое содержание, формирующееся в актах взаимодействия человека с миром одновременно на всех уровнях и которое может смещаться, двигаться как вверх (к осознанию), так и вниз (в неосознаваемое).

Принцип развития должен будет окончательно ассимилировать идею гетеростазического развития, детерминированного не по формуле "потребность - возможность ее реализации (условия) - деятельность - новая действительность», а по формуле "возможность преобразования действительности (открываемая в актах взаимодействия с ней) - необходимость преобразования - новая (преобразованная) действительность". Только тогда психологическая система выступит как открытая система - как свободно реализующая себя и свои возможности и развивающая себя и свои возможности действующая личность, в такой же степени творящая обстоятельства своей жизнедеятельности, в какой степени обстоятельства творят ее.

Принцип единства сознания и деятельности, возникший на нижних этажах системности, необходимо будет расширить до уровня принципа единства личности, сознания, деятельности и среды. Под средой в данном случае понимается та часть объективного мира, с которой взаимодействует психологическая система и которая, таким образом, участвует в создании психологических качеств (как их материальный носитель). Нельзя отрывать личность от сознания и деятельности, иначе их придется соединять при помощи абстрактных переходных конструкций. Каждое конкретное взаимодействие действующей личности с объектом (здесь и сейчас) есть момент движения деятельности, обусловленный всем ходом деятельности и обуславливающий ее дальнейшее движение, так же как и наполнение психики конкретным содержанием (в единстве отражаемых "натуральных" и системных качеств объектов взаимодействия), что и дает действующей личности основания для саморегуляции своего поведения и деятельности (как адаптивное, так и свободное, инициативное).

Главное, на наш взгляд, заключается в том, что *появляется критерий, с помощью которого можно представить, каким образом деятельность, психика, личность и объективный мир становятся предметом психологического исследования, оставаясь, в то же время, предметом разных наук (что и приводит подчас к бесплодным спорам относительно "психологичности" указанных понятий). Они становятся предметом психологического исследования только выступая основаниями психологической системы и в меру участия каждого из них в образовании общесистемных свойств психологической системы.*

Мы не можем останавливаться далее на всех других следствиях, которые, как нам кажется, будут логично проистекать при реализации новой формы системного подхода, так же как и на конкретных экспериментальных данных, полученных нами при попытках изучения саморегуляции в психологических инициативных системах. Мы обошли вопросы системообразующих факторов, чрезвычайно важные моменты, связанные с ролью установок разного уровня в стабилизации и селективности, подвижности и устойчивости психологических систем и т.д.

Главной нашей задачей было показать внутреннюю тенденцию развития психологической науки по линии закономерной смены типологических форм системного подхода и тем самым предвосхитить ближайшее развитие науки. Системный подход предполагает особое мышление, которым мы пока не овладели. Здесь необходимо

мыслить такими производными понятиями, которые не так часто встречались нам на том уровне системности, на котором мы работали до сих пор. Много раз еще "здоровый смысл" нашего обыденного сознания будет протестовать против этих понятий. И об этом нас предупреждает диалектика. "Человеческий рассудок привык считать, что качество есть нечто устойчивое, определенное, материализованное в предмете, явлении... Вопреки этому наивному представлению К.Маркс открывает нам новый класс качеств - такие сверхкачества, которые принадлежат не предмету, а системе предметов и которые в предмете обнаруживаются в силу их принадлежности к данному системному целому" (В.П. Кузьмин).

Психологии предстоит выйти на новый уровень системности, на такой уровень, когда предметом ее исследования станут системные явления, т.е. и такие "сверхкачества", которые нельзя обнаружить ни в психике, ни во внешнем предметном и социальном мире и оттуда, из этого особого, но доселе неведомого нам слоя увидеть, как психика наполняется предметным и социальным содержанием, развиваясь вместе со своим носителем, а предметный мир приобретает социальные и психологические качества и преобразуется, становясь подлинной "антропологической природой". *Увидеть не два полюса - мир и человек, субъект и объект, психика и предмет, а то системное, что рождается при взаимодействии двух полюсов как их взаимопереход, как два противоположных движения внутри единого, в силу чего из одного общего основания выходят преобразованная психика, и преобразованная личность и преобразованный природный и социальный мир.*

* * *

Нетрудно заметить, что как я не снижал «революционность» предлагаемых идей, как не прятался за Гегеля, рассуждая о природе принципов детерминизма, все равно это воспринималось как попытка автора статьи «дезаурировать» как сами принципы, так и основанные на них теории. Через два года, выступая на VI съезде Общества психологов СССР с докладом «Историко-системный поход в психологии» я выделил четыре тезиса.

1. История психологии (как раздел науки) призвана проследить пути и направления развития психологического знания в целях определения тенденций и перспектив психологической науки. Прогностическая функция выполняется историей психологии пока не очень эффективно. Историко-категориальный подход, достаточный для того, чтобы констатировать особенности категориального строя различных психологических теорий, оказывается недостаточным для прогнозирования путей и направлений развития науки.

2. Представление о науке как системе категорий еще не может обеспечить системность самой науки, пути и способы интеграции психологического знания. Системность науки возникает на основе исследования системно организованной реальности. Приводя категории в систему, нужно все время иметь в виду, что основание для их систематизации лежит в самой системно-организованной психологической реальности, отражением которой и выступают эти категории.

3. Только дополняя историко-категориальный подход другим подходом, позволяющим проследить становление системных представлений о самой психологической реальности, можно вскрыть как закономерности формирования психологических категорий, так и перспективу их развития, интеграции и систематизации. Такой подход мы определили как историко-системный.

4. История психологии с точки зрения этого подхода выступает как история развития системного видения психологической реальности. Существует внутренняя

тенденция развития психологии как ее движения к все более высоким уровням системности. Выделяются три уровня системного видения, соответствующие трем формам системного подхода в психологии. Современное состояние психологии можно определить как кризис, связанный с необходимостью выхода на третий уровень системности. Получаемая в психологических исследованиях фактология уже не вписывается в теоретические схемы, базирующиеся в основном на системности первого или второго уровня. Почти во всех психологических научных направлениях и школах можно заметить попытки выхода к новой психологической онтологии. Осознание психологами общего направления и тенденций развития науки позволяет превратить

74

эти попытки в целенаправленную реализацию новых методологических принципов .

И сегодня я считаю, что сверхзадачей любого историко-психологического исследования является выявление внутренних тенденций развития науки и формирование на этой основе более или менее оправданных прогнозов дальнейшего ее развития. Безусловно, не в каждом историко-психологическом исследовании эта сверхзадача объективируется, но имплицитно она сохраняется - даже вне зависимости от того, насколько автор исследования подобную сверхзадачу имеет в виду.

Есть определенное различие в понятиях «внутренняя тенденция развития науки» и «внутренняя логика развития науки». В отечественной психологии устоялось мнение, что логика развития конкретной науки находит свое выражение в преобразовании категориального аппарата, а субъектом логики является научное сообщество. Справедливо предполагается, что без знания этой логики изучение прошлого психологической мысли будет вынуждено ограничиваться описанием исторических явлений, но без обнажения «связующих их нитей». С другой стороны, собственные основания именно самой логики остаются непонятными.

Можно конкретизировать эту мысль. Субъектом логики является научное сообщество, представленное исследователями, но, как заметил Л.С.Выготский, за спиной исследователей стоят объективные тенденции развития науки, определяющие их деятельность. Иными словами, логика развития науки только выражает какие-то другие, более глубокие закономерности становления психологического познания. Как мне казалось и тогда, и сегодня, эти тенденции имеют системное происхождение, для понимания которого необходимо представить развитие науки как становление открытой, самоорганизующейся системы.

Сложности здесь возникают в связи с тем, что сознание многих исследователей пока не различает понятий «развитие» и «становление», впрочем, как не различает разницы между «диалектическим» мышлением и мышлением «трансспективным». Поэтому «становление науки» иногда звучит синонимично «развитию науки». Замечу, еще раз, что речь идет не об отказе от диалектики, и даже не о ее критике. Речь идет о «развитии теории развития» или становлении диалектики - если не сводить ее к некоей сложившейся системе знаний о процессах развития.

Диалектика, как теория развития, решила многие проблемы, но осталось еще достаточно много проблем связанных с объяснением становления и детерминирующего влияния новообразований на сам процесс развития. Развитие и становление - это две стороны одной медали, которая повернута к человеку, изучающему ее, своей одной стороной. Потому эта сторона и изучена гораздо полнее. Процесс развития зафиксирован вместе со своим источником - противоречием (несоответствием),

существующим между противоположностями. Другая сторона медали скрывает в себе идею того, что источником противоречия, как это не странно, является соответствие, априори существующее в противоположностях и составляющее основную причину их взаимодействия, в котором противоречие раскрывается и реализуется (как развитие).

Соответствие - это когда система предполагает наличие своего вне себя. Что же такое это «свое вне себя»? Это свое, потому что именно без него система не может устойчиво существовать, тратя собственный ресурс (информационный, энергетический и т.д.) на удержание внутренней упорядоченности. Противоречие в том, что соответствующее ей (системе) пока ей не принадлежит. Свобода - это когда у системы есть возможность выбора: делать ли это «потенциально свое» «актуально своим». На уровне человека (как открытой психологической системы) этот выбор определяют совесть и ответственность - неизбежные спутники свободы, которые, к сожалению, иногда отстают от нее.

Соответствие (как причина взаимодействия) обеспечивает порождающий эффект, обуславливая тем самым процесс закономерного усложнения системной организации, который и выступает в форме тенденций. Тенденции обладают силой на свое осуществление, но только потому, что за ними стоят закономерности становления самоорганизующихся систем. Именно потому науку необходимо рассматривать одновременно с точки зрения устройства ее внутреннего пространства, и с точки зрения ее окружения, из которого она черпает информацию и энергию, столь необходимые для удержания себя как системы. Такой внешне невероятный способ «одновременного» зрения из двух диаметрально противоположных точек, на деле есть сквозное видение, которое может обеспечить транспективный анализ. Для этого предметом историко-психологического анализа должен стать не сложившийся на сегодня категориальный строй науки, и даже не слой активно становящихся категорий, а само пространство науки, в котором происходит становление. На мой взгляд, истории психологии предстоит научиться выделять места, в которых «здесь и сейчас» идет достаточно мучительный процесс «перерождения научной ткани», где напряжен нерв науки, где объективная тенденция науки реализует себя. Иными словами, анализировать не то, что стало, что лежит в пределах весьма условной границы психологического знания, а то, что происходит на границе, где нарождается, становится новое знание. Прогнозируя, можно сказать, что самое серьезное и трудное будет заключаться в перестройке подходов и методов историко-психологического познания, не рассчитанных на учет «эффекта границы», т.е. предназначенных для анализа ставшего (прошлого) как предмета истории психологии.

Можно полагать, что между внутренней тенденцией, подчиняющей себе деятеля и тем, как он интерпретирует собственные научные предпочтения, обосновывает выбор позиции или необходимость использования определенного понятийного аппарата, существует такое же соответствие, как между мотивом (реальным побудителем) и мотивировкой (тем, как мотив представлен в сознании). При этом сама наука, как социальный феномен, не имеет внутренней необходимости, аналогичной познавательным потребностям ее разработчиков, совокупной деятельностью которых управляют стоящие над ними (или за их спиной) тенденции. Наука, как указывал М.Мамардашвили, есть «постоянное расширение способа восприятия человеком мира и себя в нем» .

В свете приведенных рассуждений, становится очевидной правота Л.С.Выготского, который, обсуждая проблему развития науки от воли ученых, писал о том, что необходимо различать «что и сколько зависит в развитии науки от доброй и злой воли ее деятелей, что можно из этой воли объяснить и что, напротив, в самой этой воле должно быть объяснено из объективных тенденций, действующих за спиной этих деятелей»⁷⁶. Объективация внутренних тенденций развития науки в идеале должна привести к тому, что бы они вышла «из-за спины» исследователя и стали тем, что реально может организовать действия ученого в соответствии с тенденцией развития науки. Это в идеале, а на деле науке, видимо, нужны разные ученые. И те, которые предпочитают действовать «на полной ориентировочной основе», т.е. осознавая тенденции развития и сознательно направляя свои усилия в соответствие с ними, и те, которые, не оглядываясь на тенденции, предпочитают действовать в рамках устоявшихся позиций, подходов, продолжая добывать значимые для науки факты и знания. Здесь нельзя воспользоваться ценностными суждениями по отношению к самим ученым с точки зрения предпочтения ими того или иного стиля научной работы. Дело в том, что сама наука, как указывал М.Мамардашвили, «представляется человеческой ценностью именно в той мере, в какой открываемым ею содержаниям и соответствующим состояниям человеческого сознания, «видения» не может быть придана никакая ценность»⁷⁷. Наука ведь не просто открытая система, но и нелинейная. В психологическом сообществе есть ученые, которые доверяют себя тенденции развития, пусть она хотя бы стоит и «за спиной», есть и такие, которые, тоже не всегда осознанно, уходят вдоль по линии развития науки, опережая время.

Для живых открытых систем, к числу которых можно отнести и человека, и науку, внутренние тенденции развития 1) реализуются чаще всего мимовольно (в прямом смысле этого слова - минуя волю человека или людей, работающих в науке), 2) обладают потенцией - силой на свое осуществление («действуют», подчиняют себе), 3) проявляются в виде общих направлений развития системы, объективировать которые невозможно через анализ «актуальных срезов» (диагностика состояния, например), но только через анализ процесса становления, его историческую реконструкцию в трансспективном исследовании⁷⁸.

Глава 4. Проблемы становления ментального пространства человека

4.1. Преамбула

Итак, вернемся к методу *рефлексивной трансспекции*, т.е. методу отслеживания собственного движения в науке через призму трансспективы психологического познания.

Я хорошо помню те несколько осенних вечеров 1981 года, когда мне пришлось непосредственно заняться тем, что в психологии определяют как решение проблемы

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса//Собр.соч. в 6-ти т.- Т.1.- М.,1982.- С. 324.

⁷⁷ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М, Прогресс, 1990, с.125

⁷⁸ Некоторые возможности историко-системного подхода как формы трансспективного анализа в его приложении к истории науки раскрывают кандидатские диссертации Д.Ю. Баланева («Кибернетический редукционизм в психологии в контексте историко-системного подхода» Барнаул, 1999.), В.Ю. Долженко («Становление категории «смысл» как проблема историко-психологического исследования» Барнаул, 2001), А.В. Ключко («Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой системы» Барнаул, 2001), Н.А. Никоновой («Историко-системный анализ становления психологических представлений об уровневой природе сознания» Барнаул, 2004).

профессионального самоопределения. Дилемма выглядела просто: или продолжать научные поиски, оставаясь в парадигме принципа отражения, или найти способ выйти за пределы этой парадигмы. В первом случае практически не оставалось шансов объяснить природу избирательности мышления, которое мы тогда изучали. Все возможные попытки объяснить избирательность отражения, понимая психику как субъективный эффект отражения человеком объективной действительности, были испробованы. В последнем случае это означало выход за пределы того, что хоть в какой-то степени гарантировало принадлежность к научному сообществу, выступая в качестве «общепринятого образца научной практики» (так определял понятие «парадигма» Т. Кун). Да и куда выходить? Какой принцип может быть и более широким, чем отражение, это «универсальное свойство всей материи», и более глубоким, т.е. по отношению к которому и само отражение есть ни более чем следствие?

Итак, два момента обусловили возникновение этой дилеммы. С одной стороны, становилось понятно, что подлинной интеграции науки принцип отражения обеспечить не может. С другой стороны, оставаясь в рамках этого принципа, невозможно было объяснить факты, которые мы получали в процессе исследования мыслительной деятельности. Мы - это те, кто изучал мышление в рамках научной школы, созданной О.К. Тихомировым.

К тому времени, как я уже указывал, дезинтегрированность психологии была заметно выражена - вместо единой системы знания о некотором секторе объективной реальности, задающем контуры предмета конкретной науки, она выступала как совокупность моноаспектных теорий, каждая из которых опиралась на свой принцип объяснения. Каждая из теорий потому и была самодостаточна, поскольку явление, которое лежало в основе принципа (поведение, деятельность, личность, психика и т.д.), можно было представить как систему. Но это были на самом деле подсистемы, которые на время занимали место предмета науки, обеспечивая монизм той теории, которой придерживались ее сторонники.

Попытки определить психологию как науку о психике, приписывая последней параметры системности, упирались в проблему выделения системообразующего фактора. Казалось достаточным определить его через функцию, которую выполняет психика, но сама эта функция оставалась непонятной. Вопрос о том, «что делает психика», приводил, в конечном счете, к ответу, что она ничего не делает, поскольку не является самостоятельным субъектом. Вопрос же о том, какая психика нужна человеку - для того, чтобы он исправно выполнял свою миссию, только сегодня начинает звучать как научно обоснованный вопрос.

Впрочем, и тогда находили ответ на вопрос о том, что делает психика. Ответ состоял в том, что психика, будучи либо связанной с отражением, либо являясь присущей человеку формой отражения, «регулирует» взаимоотношения человека с объективной реальностью, или «ориентирует» человека в ней. В связи с этим сразу же возникали вопросы о взаимоотношении человека с его же психикой - если психика ориентирует человека в мире, регулирует его взаимоотношения с ним, то сам он выглядит как пассивно-страдательное существо, движимое встроенным в него регулятором. Тем не менее, ответ был, хотя и не всех он устраивал.

Возвращаясь к альтернативе, перед которой я лично оказался, то, как уже было замечено, экспериментальные данные, которые мы получали в процессе исследования перехода человека от восприятия к мышлению, в рамках представления о психике как отражении объективной реальности объяснить было невозможно. Эксперименты

показывали, что отношение к предмету проявляется раньше, чем сам предмет окажется осознанным именно как предмет целенаправленного действия. Это фиксировалось всеми, кто использовал прием синхронной регистрации КГР (кожно-гальваническая реакция понималась как физиологический индикатор эмоционального процесса) и объективных (фиксируемое содержание деятельности, ее вербальные и невербальные компоненты) показателей развивающейся мыслительной деятельности. Однако объяснить то, каким образом отношение к объекту проявляет себя раньше, чем объект окажется отраженным в сознании, было невозможно. Здесь нельзя было сослаться на прошлый опыт, в котором отношение к предмету может быть закреплено в виде смысла его для действующей личности. Мы изучали мышление, которое как раз и возникает в тех случаях, когда прошлый опыт оказывается недостаточным, а устоявшиеся в определенных ситуациях алгоритмы поведения не срабатывают в проблемных ситуациях, которые именно по отношению к прошлому опыту и отличаются неопределенностью. Мышление всегда считали «высшей формой отражения», но для объяснения избирательности, ей присущей, необходимо было выйти за пределы отражения и решиться произнести: «Психика - не отражение».

Постепенно вырисовывалось основное противоречие, наиболее наглядно представленное в развитии психологического познания в пространстве отечественной психологической науки. Оно заключалось в сосуществовании двух логик и отсутствии методологического аппарата, опираясь на который можно было бы снять их противостояние в рамках более сложной теории. Логика отражения (взаимодействия) противостояла логике отношения (действия). Взаимодействие понималось как непосредственное и ненаправленное. Отношение не должно вклиниваться в акт взаимодействия, порождающий субъективный образ, иначе субъективизм неизбежен. Да и каким образом может проявиться отношение к предмету, который еще не отражен? Ссылки на какое-то «опережающее отражение» не проходили. У животных «акцептор действия» предполагает уже родовая программа поведения, заложенная в память, наследуемая, прирожденная. Животное как бы от рождения носит в себе весь концентрированный опыт рода, предусматривающий все возможные способы поведения (будущее), необходимые для приспособления к среде в актуальном настоящем («здесь и сейчас»), в котором и происходит акт реального взаимодействия со средой, являющийся причиной отражения. У человека все не так: родовой опыт практически не наследуется, родовые программы, поэтому, не опережают, приспособление не является единственной и основной задачей. Итак, *логике опережающего отражения необходимо было противопоставить логику опережающего отношения.* В решении этой задачи и родилась теория психологических систем.

Таким образом, общий каркас теории был создан в процессе изучения так называемой "свободной инициации мышления" как инициативно возникающей мыслительной деятельности (работы В.Е.Клочко 1975-1991 г.г.) в научной школе Олега Константиновича Тихомирова, создателя известной ныне смысловой теории мышления. «Свободная инициация мышления» явилась очень удачной моделью для изучения свободного поведения человека - надситуативного, "апрактического", сверхадаптивного, сверхнормативного. Сегодня теория являет собой разветвленное, но при этом достаточно структурированное учение, имеющее несколько связанных между собой ветвей, корнем которого является ТПС. Три из них представляют доктора психологических наук О.М. Краснорядцева (мышление в реальной жизнедеятельности человека и психология профессионализма) (г. Томск), А.К. Белоусова (самоорганизация

совместной мыслительной деятельности) (г. Ростов), Э.В. Галажинский (системная детерминация процессов самореализации личности) (г. Томск).

Я благодарен всем своим ученикам, особенно Ольге Михайловне Красноврядцевой, 25 лет совместной работы с которой позволили сделать многое из того, что было бы совершенно невозможно при изолированной работе двух ученых. Достаточно привести тот факт, что из более чем 40 подготовленных нами кандидатов наук, ни один не может сказать, что он был обделен вниманием кого-нибудь из нас.

Я благодарен Генриху Владиславовичу Залевскому, создателю общей теории ригидности и томской научной школы, который подготовил такого ученика как Эдуард Владимирович Галажинский. Совместная работа с ним вывела ТПС к проблемам устойчивости и гиперустойчивости психологических систем.

Наконец, я благодарен Алле Константиновне Белоусовой, которая дистанционно удалилась от нас, но не дистанцировалась и успешно развивает идеи ТПС в ростовском регионе.

4.2. Методологические основания теории психологических систем (ТПС)

Человек понимается в указанной теории как самоорганизующаяся система, т.е. система, порождающая психологические новообразования и опирающаяся на них в своем самодвижении. Способность к инициативному поведению, за которой часто скрывается потребность в самореализации, способность "выходить за пределы", которую разные авторы полагают как свойство субъекта, личности, деятельности, психики, сознания, рассматривая их достаточно изолировано, в теории психологических систем понимается как свойство системы, по отношению к которой перечисленные конструкты сами являются подсистемами.

Таким образом, теория психологических систем (ТПС) является одним из вариантов постнеклассической психологии. Это значит, что она отказывается от традиционного понимания психики как отражения объективной реальности. Она отказывается от принципа каузального детерминизма, как исходного для психологии и единственного в ней, в пользу принципа системной детерминации.

Причинная детерминация постулирует изначальную разделенность всего сущего на две реальности (субъективную и объективную) и закрепляет их противостояние признанием примата (первичности) одной реальности над другой. Системная детерминация предполагает, что во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность - сверхчувственная, т.е. не отражаемая органами чувств, системная, т.е. характеризующая всю систему, продуктом функционирования которой она является, "удвоенная", поскольку является качественно новым образованием, не сводимым не к субъективному, не к объективному. Через эту реальность человек получает возможность воздействовать на самого себя (самодетерминация) и реализовывать свои возможности.

Поскольку эта реальность не только чувственна, но и сверхчувственна, т.е. открывается мышлением, ее трудно определить и закрепить понятийно - необходимо слово, которое могло бы обозначить ее и необходимо согласие коллег на использование этого слова в указанном значении. Иначе этот "плод мышления" так останется результатом "игры ума" тех, кто согласился "вступить в круг". Сложность же такого "вступления", с нашей точки зрения, т.е. точки зрения человека, испытавшего на себе тяготы такого вхождения, определяется необходимостью смены собственного мышления.

Известно как трудно было психологам переходить от аристотелевского мышления, утверждающего, что все качества предмета принадлежат исключительно самому предмету, к галилеевскому, настаивающему на том, что есть качества, которые открываются только при взаимодействии противоположностей. Теперь же надо подняться на уровень мышления более высокий, чем галилеевское. Это - транспективное мышление, которому я посвятил все предыдущие главы этой книги.

В основе его лежит представление о "порождающем эффекте взаимодействия". Иными словами, существуют такие качества явлений, которые возникают в системе, порождаются системой и обеспечивают ей возможность самодетерминации, становясь параметрами порядка, т.е. тем, на чем держится самоорганизация. Система расширяется и усложняется за счет взаимодействия с внешним, делая его внутренним. Только становясь внутренним содержанием человека как психологической системы, внешнее оказывается действительно "внешним", ("не-Я") для восприятия человека, его сознания, его "Я".

Самым точным понятием, способным обозначить эту сложную, одновременно объективную и субъективную реальность было бы понятие "мир конкретного человека". В ТПС этот мир понимается как "переходной слой" между объективной и субъективной реальностями, не поняв и не признав который, мы навсегда закрываем путь к познанию механизма избирательности психического отражения, путь к пониманию механизмов возникновения и работы человеческого сознания. Почему именно к трем годам человек "вдруг" начинает видеть мир отдельно от себя? Чтобы ответить на этот вопрос, надо его сформулировать несколько иначе. Что происходит с миром ребенка, в силу чего он начинает видеть его отдельно от себя?

Пока нет сознания, мы не видим мир отдельно от себя, но когда оно приходит, мы уже не можем видеть себя в мире, не замечаем многомерность собственного мира, его пронизанность собственной субъективностью. Не знаем, например, о том, что наше Я, наша субъективность присутствует в нашем мире и тем так искажает его, что мы оказываемся способны видеть только то, частью чего сами являемся, но при этом отдельно от себя - как объективное, внеположенное, реально существующее, локализованное в пространстве, вещь в себе и для себя.

Науки переполнены категориями, фиксирующими объективные и субъективные явления, но практически нет понятий, которые могли бы адекватно фиксировать ту реальность, которая открывается при попытках мысли проникнуть в пространство, существующее между духом и материей, объективным и субъективным. Здесь противоположности сосуществуют в сложном, но вполне упорядоченном системном единстве, в силу чего "мир человека" оказывается частью самого человека, его продолжением, его истинным телом. Характерной особенностью этого "очеловеченного" пространства является его *многомерность*, которая возникает в результате интеграции в нем объективных и субъективных измерений.

Когда говорят о становлении "человеческого в человеке", то в логике ТПС многомерный мир человека понимается как "самое человеческое в нем". Становление мира человека определяет становление определенного образа жизни. Становясь суверенной личностью, т.е. личностью, обладающая всей полнотой координат многомерного мира, человек получает возможность менять образ жизни, стимулируя тем самым дальнейшее развитие собственного мира. В разрешении противоречия между образом мира и образом жизни проходит и сама жизнь человека. Основная

функция мышления в реальной жизнедеятельности, как отмечает О.М. Краснорядцева⁷⁹, заключается в постоянном выявлении указанного противоречия и определении способов его разрешения.

В логике ТПС саморазвитие и самодетерминация выступают как необходимое условие жизни. Не саморазвитие ради развития, не саморазвитие как какой-то высший и неведомый нам смысл жизни, а развитие ради жизни, становление как способ жизни. Гетеростаз - как разнородное, не имеющее границ нормотворческое движение и есть способ бытия человека в качестве самоорганизующейся психологической системы.

Психологическая система - предмет психологического исследования. Никакие другие науки с многомерными пространствами не сталкиваются. Методы естественных наук предназначены для изучения четырехмерных пространств. Методы гуманитарных наук, зачастую вовсе не рассчитаны на изучение "одушевленных" (присутствием в них субъективного) пространств, хотя неплохо могут их описывать. Именно поэтому разработка ТПС предполагает поиск новых принципов построения экспериментальных и других методов психологического исследования, разработку таких принципов психодиагностики, которые были бы адекватны пониманию человека как сложной самоорганизующейся системы.

Многомерный мир человека понимается в ТПС как особое пространство, формирующееся прижизненно, усложняющееся по мере обретения им новых координат. При этом и само это постепенно начинает рассматриваться в единстве с субъективным временем, связанного с параметрами пространства. Время в психологических системах меняется по мере становления новых координат мира человека.

Таким образом, ТПС понимает человека как сложную систему, центром которой является человек как биосоциальное существо, а психика рассматривается не как подкожное образование (в этом случае оно ничем не отличалось бы от наивно понимаемой души), а как то, с помощью чего обеспечивается дальное действие человека в его предметных ценностно-смысловых полях, осуществляется и удерживается переход субъективного (текущие состояния человека) в предметный мир и обратное движение мира в сознание человека.

Каждый человек может быть понят как уникальная психологическая система, как *хронотон*, т.е. пространственно-временная организация, превращающая "объективную реальность" (мир до человека, без человека) в наполненный цветом и звуками, категоризированный значениями *предметный мир* (как основание предметного сознания). Этот предметный мир будет далее превращаться в *реальность*, наполненную смыслами, переживаемую человеком в ее данности ему (здесь и сейчас). По мере обретения миром человека смысловых измерений (и смыслового сознания), он превращается в *действительность* - расширяющееся, устойчивое (благодаря ценностным координатам), пространство для жизни и дальнейшего становления (как способа сохранения жизни и ее осуществления). Ценностные координаты мира человека делают его соизмеримым с другими людьми, с самим собой завтрашним, еще не ставшим, еще только возможным, полагающим открывающуюся для него действительность пространством для развития, т.е. жизни.

ТПС делает своим предметом процесс порождения и становления этой психологической онтологии, перенося центр тяжести в исследованиях в реальную

жизнедеятельность - туда, где идет подлинный процесс становление человеческого в человеке и происходит реальный цикл жизнеосуществления. .

Понимание человека как самоорганизующейся системы становится способом психологического мышления, основания которого представлены во внутренней тенденции развития науки задолго до открытия системного анализа, ставшего квинтэссенцией научной ментальности второй половины XX века. Его легко можно уловить и в тех усилиях, которые прикладывал Л.С.Выготский в поисках "переходных форм" между духом и материей, в "жизненных пространствах" К.Левина, в "трансубъектных пространствах" Д.Н.Узнадзе, в "многомерном образе мира" А.Н.Леонтьева. Сейчас становится понятно, что только с решительным переходом в системный методологический контекст можно понять, каким образом человеку удастся не быть рабом "объективных ситуаций", социальных прессингов и откуда берется у него уникальная способность к самодетерминации, обеспечивающая ему возможность саморазвития и воздействия на себя.

При таком подходе впервые появляется возможность разрешения вечной контраверсы между идеалистической идеей произвола "духа" и материалистической идеей, устанавливающей произвол материи, которая и действует на человека, "навязывается" нашему уму. Того самого произвола, который закреплен в принципе детерминизма, постулирующим, что внешнее действует на человека и является причиной отражения себя, хотя бы даже и преломляясь через "внутренние условия".

Суть ТПС заключается в переходе от принципа отражения к принципу порождения особой психологической (не психической) онтологии, представляющей собой системный конструкт, который опосредствует взаимоотношения между человеком и миром "чистой" объективности («амодальным миром» - А.Н.Леонтьев), что и обеспечивает превращение амодального мира в "освоенную" человеком и ставшую его индивидуальной характеристикой "действительность". Рассматривается процесс порождения таких системных новообразований, которые включаются в дальнейшую регуляцию системы, что, по определению, и превращает саморегулирующуюся систему в самоорганизующуюся.

Теория психологических систем пытается выйти из той гносеологической ловушки, в которую классическая психология завела себя за счет эмпирического определения собственного предмета. Самоочевидность разделения всего сущего на две реальности (объективную и субъективную), столь доступная благодаря сознанию, которое, надо полагать, для этого и предназначено, закрывает собой проблему далеко не столько очевидного исходного единства объективного и субъективного, реальность существования которого можно установить только путем теоретического мышления - разумом, а не рассудком.

Настоящая наука призвана работать за пределами очевидного, ее механизм - теоретическое мышление, которое и выводит психолога к единству противоположностей, той психологической онтологии, которая превращается в *теоретически определенный предмет* постнеклассической науки. Из этого пространства начинают свое движение предметы и явления в сознание человека, очищаясь в нем от налета субъективности, превращаясь в "столь очевидные" последствия в виде признания "объективной реальности", существующей вне и независимо от человека, и "субъективной реальности", являющейся ее более или менее удачной копией или "слепок".

Сама "гносеологическая ловушка" является следствием упрощенного понимания *взаимодействия* противоположностей только как основания (причины) отражения.

Один существенный момент всегда при этом упускался, но он имеет очень важные (для психологии) следствия. Собственно, с ним связан исходный методологический принцип теории психологических систем. *Всякое реально осуществляющееся взаимодействие есть не только основание для взаимоотражения участвующих во взаимодействии сторон, но и их взаимопереход, приводящий к порождению нового качества.* Взаимодействие, сопровождающееся отражением, всегда производит *порождающий эффект*, возникающий как результат взаимопроникновения противоположностей, вступивших во взаимодействие. Порождаемое новое качество, не сводимое ни к одной из противоположностей, не являющееся их простой арифметической суммой, но имеющее при этом собственный онтологический статус, конституирует образование новой, системной реальности. Она может быть понята как "многомерный мир данного человека", *скрытый от самого человека для того, чтобы обеспечить ему возможность видеть мир отдельно от себя.*

В этой реальности исчезает противоположность бывшего внутреннего и бывшего внешнего, снимается их абсолютность - оба теперь являются внутренними по отношению к образовавшейся системе. Это и позволяет нам представить человека как сложную самоорганизующуюся психологическую систему, производящую новообразования указанной "совмещенной" природы и опирающуюся на них в своем самодвижении, самодетерминации.

Таким образом, собственно психологическая онтология порождается не человеком, не его сознанием, а целостной психологической системой, центром которой является человек. Но именно она обеспечивает возможность возникновения и функционирования сознания, являясь первичным по отношению к нему, но вторичной по отношению к амодальному миру. Нет пока других методологических средств для объяснения механизма избирательности психического отражения - или глаз видит все, что воздействует на него здесь и сейчас из мира "чистой объективности", и значит не видит ничего (Л.С.Выготский), или он видит нечто (предметы, вещи и т.д.), соответствующее человеку (здесь и теперь), но тогда это соответствие должно быть закреплено в этих предметах, существовать в них как их (предметов) качество, отличающее их от всей безразмерной, в себе и для себя существующей "объективной реальности".

Гносеологию такие "онтологические частности" не интересуют. Для психологии же системообразование в актах взаимодействия, приводящее к порождению новой реальности, означает обнаружение того слоя, откуда "все начинается", а именно того самого места, с которого предметы начинают свое движение в план сознания, в "конус света". Если такого порождения не происходит, то никакое избирательное психическое отражение в принципе невозможно. Порождающий эффект взаимодействия оставался в психологии незамеченным еще и в силу особенностей профессионального менталитета психологов, исторически и закономерно меняющегося по мере смены атомарного, структурного, структурно-системного подходов - как способов видения психологической реальности на разных этапах развития науки. Постнеклассическое мышление - это мышление системного, скорее даже метасистемного уровня.

Многое из вышесказанного может показаться трудно воспринимаемым, не убедительным, особенно для тех, кто не знаком с принципами вероятностной, системной детерминации (а есть ведь еще и обуславливающая, кондициональная, инспирирующая и другие детерминации), или просто воспитан в духе принципа причинного детерминизма как единственно правильного профессионального мышления психолога.

Смена мышления при переходе от классической к постнеклассической науке не может не вызывать напряжение внутри научного сообщества, не породить драмы непонимания и переживания познавательной фрустрации. Но вся сложность положения не в том, чтобы отказаться от принципа отражения и самого понимания психики как отражения, переписав первые главы учебников, а в том, чтобы пойти еще дальше.

Необходимо вывести психологическую теорию за пределы принципа отражения, к принципам мироздания более глубоким и основополагающим, чем принцип отражения, к закономерностям, определяющим саму возможность взаимодействия, без которого, естественно, не может быть и отражения. Если причиной отражения является взаимодействие, то что является причиной взаимодействия?

Без ответа на этот вопрос природа избирательности отражения все равно останется не вскрытой. Да, отражение возможно только как избирательное отражение ("глаз который видел бы все, не видел бы ничего.."). Между субъективной и объективной реальностями необходимо разместить "третью" (и истинную) реальность, порождаемую взаимодействием, в которой была бы нарушена эта безразличность объективной реальности присутствием в ней субъективного. Но для того, чтобы взаимодействие вообще состоялось, необходимо соблюдение одного условия, являющегося предпосылкой, точнее, причиной взаимодействия.

Можно полагать, что достаточно стройная картина мироздания, которая постепенно открывается людям, процессы эволюции, приводящие к закономерному усложнению системной организации развивающихся явлений, опираются на один закон, который обеспечивает и порядок во вселенной, и упорядоченное ее развитие. Этот закон я и сформулировал выше как *закон ограничения взаимодействий*. Хаос наступил бы в том случае, если бы все подряд и все со всем могло бы вступать во взаимодействие, порождая совершенно причудливые и невообразимые комбинации. Но нигде, ни на каком уровне существования материи мы не видим этого произвола. *Везде и всегда вступают во взаимодействие не любые, а только соответствующие друг другу противоположности. Соответствие взаимодействующих сторон является основной причиной взаимодействия.*

Проявление этого закона можно обосновывать многочисленными примерами, взятыми на любом уровне организации материи - принципом суперпозиции полей в физике, принципом валентности в химии, эволюции видов в биологии и т.д. Для психологии это означает коренной пересмотр коренных категорий нашей науки, таких как психика, сознание, личность. ТПС, опираясь на указанный принцип соответствия как причины взаимодействия, понимает суть психики, ее функцию, ее предназначение не в регуляции поведения и деятельности на основе отражения, а в удержании целостности психологической системы как развивающегося явления, т.е. в системообразующей функции. Эта функция и выполняется за счет постоянно констатируемого психикой соответствия между текущими состояниями человека и отвечающих им явлениям из сферы в себе и для себя существующей "объективной реальности". В таком случае, психика есть форма связи между субъективной и объективной реальностями, а потому ее нельзя прописать по одному из "ведомств". Это и означает, что настало время изменения предмета науки - психология, как предупреждал и Л.С.Выготский, не может уцелеть как наука только о субъективном, о результатах отражения, не вникая в природу самого акта отражения, его причины.

Избирательность отражения вырастает из самой причины его, из взаимодействия, которое возможно только как избирательное взаимодействие. Когда противоположности взаимодействуют, они порождают новое целое, в котором

снимается их противоположность. Образовавшаяся система всегда сложнее, чем любая из двух исходных, ее породивших. Но теперь этой системе соответствует совершенно другой круг "внешнего" и, вступая во взаимодействие с явлениями из этого круга, система вновь усложняется и соответствующим для нее становится новый круг предметов, вещей, явлений из сферы "внешнего". Потому и эволюцию можно рассматривать как становление - *закономерное усложнение системной организации развивающегося явления*. Поэтому эволюция всегда прогрессивна, другое дело, что ее можно остановить, но тогда будет разрушена и система, потерявшая свой основной признак - способность к самоорганизации. Этот принцип одинаково работает во всех самоорганизующихся системах, будь то наука, человек, человечество.

Говоря о том, что любая эволюция прогрессивна, мы предполагаем, что развивающаяся система имеет свою внутреннюю тенденцию (само) развития, задающую ей направленность в отношении открытой цели (градиент). Можно полагать, что становление (последовательное и неуклонное усложнение системной организации) характерно для всей вселенной, в том числе и "микровселенной" - человеку. Возможно, здесь мы сталкиваемся с тем, что объединяет весь Космический универсум, с универсальным законом, проявляющимся в разных формах на различных уровнях системной организации универсума.

Человек не может остановиться в своем развитии, он весь устремлен в будущее. Если Л.С. Выготский писал о том, что "личность - драма", то истинный драматизм нашей жизни заключается в постоянном отрицании себя сегодняшнего ради себя завтрашнего. Человек рождается как возможность (стать человеком), он живет как осуществление этой возможности, он умирает, когда такой возможности не остается. Жизнь есть постоянно идущий процесс человекообразования. Когда будущее начинает сокращаться, сжиматься до настоящего, наступает распад психологической системы. Неизлечимая болезнь, старость, медикаментозная деформация многомерного мира (наркотики и т.д.), меняющиеся значения, смыслы, ценности как субъективные координаты мира человека, переносящие человека в узкий слой настоящего (здесь и сейчас) - все это не признаки распада психологической системы - это распад.

Досознательная психика опирается на врожденные, закрепленные в родовой памяти программы поведения и проявляется в виде готовности их реализации при установлении биологического смысла явлений как реально формирующихся новообразований, констатирующих соответствие внутреннего состояния животного внешним условиям его бытия.

Сознание есть способность отражать те явления мира, которые соответствуют *потребностям и возможностям* человека, но так как они "есть на самом деле", т.е. без той субъективной "добавки", которая и обеспечивает явление предметов в план сознания. Особая роль в этом процессе "очищения" предметов от субъективного, осевшего на них в процессе взаимодействия психологической системы с амодальным миром, принадлежит эмоциям. Они при этом выполняют и основную функцию системообразования, удерживая систему от распада. И когда сознание отделяет "Я" от "не-Я", эмоции продолжают удерживать их единство.

То, что эмоции, в гносеологическом плане, функцией своей имеют не "отражение отношений", как принято считать до сих пор (для того, чтобы "отразить" *свое* же отношение надо взаимодействовать с ним как *внешним*), стало понятным на активной стадии разработки ТПС (1985). Позднее были открыты нейроны подкорковых структур, основным назначением которых как раз и является отражение смыслов и ценностей

предметов (Н.П.Бехтерева и др., "Гос. реестр открытий", март 1988г.). Таким образом ТПС получила и нейропсихологическое подтверждение.

Эмоции отражают не отношения, не предметы (в их физических параметрах), а смыслы и ценности этих предметов как особых их (предметов) системных сверхчувственных качеств, формирующихся при взаимодействии психологической системы с амодальным миром. Потому эмоции и "отвечают" за содержание того, что попадает в сознание, сами оставаясь на поверхности сознания. Это и есть главный принцип работы сознания - видеть то, что надо, но так как оно есть "на самом деле".

В норме эмоции не искажают действительность, привнося в нее субъективность. Они нейтрализуют осевшую на предметах субъективность, обеспечивая реалистичность бытия. Когда же эмоции не могут выполнить свою функцию, происходит распад психологических систем. С такими системами имеют дело психотерапевты, но *всегда* при этом они сталкиваются с эмоциональными нарушениями.

В ТПС пересматривается весь понятийный аппарат психологии, что естественно при смене методологической парадигмы. Главное в том, что теория не отменяет устойчивое психологическое знание и устоявшиеся принципы. Наука ведь подчиняется все тому же принципу эволюции - закономерному усложнению своей системной организации.

Психология начинала с того, что ограничила свой предмет системой явлений, непосредственно представленных в сознании. В период "бархатной революции" 1903–1913 г.г. ей удалось выйти за пределы сознания, расширив свой предмет сферой бессознательного, тем, что открывалось за счет использования структурного подхода, личностного, деятельностного, поведенческого и т.д. Но психология осталась в пределах субъективного, сделав психику своим предметом, ограничивающим не только предметное, но и проблемное поле науки.

Сегодня психология вновь системно усложняет свой предмет, *выходя за пределы субъективного к системному определению субъективного и объективного в одной системе собственно психологических координат*. Грядущая революция будет уже далеко не "бархатной". Этот выход неминуемо вызовет гуманитарный взрыв. Выход науки за пределы сознания привел к формированию "психоаналитического менталитета Европы". Выход науки за пределы субъективного вызовет пересмотр всех концепций о возникновении и функционировании, предназначении и миссии "живой" материи вообще, и разумной, в частности. Системное мышление, в отличие от атомарного или структурного, не останавливается на открытии системы; оно толкает мысль к определению более сложной системы, элементом которой сама является. И каждое поколение людей будет подниматься к познанию все более сложных уровней системной организации вселенной, формируя тем самым и свой разум (теоретическое мышление). В Царство же разума можно попасть, как утверждает и Библия, только "поняв внутреннее как внешнее, а внешнее как внутреннее".

Из науковедения известно, что нельзя привести в систему знания о некотором предмете, если сам предмет не представлен системно. Иначе нечем остановить движение категорий в теоретической системе - их должна останавливать и направлять изучаемая реальность, но только в том случае, если она сама определена как система. Эмпирически определенный предмет науки, который мы имеем до сих пор, системно не представлен, что естественно. ТПС предлагает для изучения живую, функционирующую, развивающуюся психологическую систему в качестве актуального (на сегодня) предмета исследования.

4.3. Ментальное пространство как предмет осмысления в постнеклассической психологии

Научная психология накопила значительный объем знаний и фактов об особенностях мышления представителей разных профессий - педагогов, управленцев, спортсменов и т.д. Особенности мышления психологов, работающих в науке, специальной проблемой психологического исследования практически так и не стали. Здесь не просто подтверждается народная мудрость насчет "сапожника без сапог", но выявляется проблема более глубокая, выходящая на методологический уровень. Психология научилась разделять мышление на теоретическое и практическое, но только внутри последнего выделять уровни. Таковыми, например, являются уровни стратегического, тактического, оперативного мышления известные со времен выхода книги Теплова «Ум полководца», ставшей хрестоматийной.

Что же касается мышления теоретического, то оно выглядит как некий монолит: ясно, что особенности теоретического мышления определяются методологическими установками исследователей, теми исходными объяснительными принципами, которые они используют, но никто не берет на себя смелость доказывать, что те или иные ученые реализуют при этом мышление разного уровня. Даже когда К.Левину удалось развести между собой аристотелевское и галилеевское мышление как два типа мышления, имеющие право на существование в теоретической работе психологов, недостаточно осознанным остался факт того, что это еще и *мышление разного уровня системности*.

Окончательно ясным это становится сегодня, когда стали заметными признаки мышления более высокого по уровню системности, чем галилеевское. Иными словами, уровень системности теоретического мышления психологов растет, и этот рост отражается в том, что только теперь мы опознаем уровень мышления «Моцартов науки», опередивших свое время, ставших таинственными и загадочными для современников и потомков, но не переставшими быть объектом критики с их стороны. Конструктивный спор между психологами, представляющими разные уровни системности профессионального мышления, весьма проблематичен. Одни, например, понимают «окружающую среду» как объективную действительность, а психику как ее более или менее адекватное отражение. Для других «окружающая среда» выступает как ценностно-смысловое поле, как пространство, в котором субъективное не просто присутствует, но и выполняет свое предназначение. Я уже говорил о том, что не стоит спорить о деталях, если в принципе расходится *мировидение*, обеспеченное мышлением разного уровня системности, т.е. спорящие психологи имеют разную профессионально - психологическую ментальность.

Вопрос, следовательно, нужно поставить предельно остро, выводя его на уровень парадокса. Какая профессиональная ментальность необходима психологу для постановки и решения проблемы ментальности (ментального пространства личности) как психологической проблемы?

Проблема ментальности, становления ментального пространства личности является неординарной уже потому, что ее решение связано с решением самых сложных, а потому и не имеющих признанных решений, методологических проблем современной психологии. Уже сам факт выдвижения этой проблемы является знаменательным. Что изменилось в нашей науке, какие внутренние условия сложились в ней, в силу чего давно уже заявленный и осознанный в своей значимости социальный заказ начинает оформляться в конкретно-научную проблему? Замечу, что приходится

здесь различать проблему заявленную, даже первично сформулированную, с проблемой действительно поставленной, т.е. определенной через методологическую, теоретическую, методическую степень готовности науки к решению этой проблемы.

Когда заявляется понятие «ментальное пространство личности», то прежде всего возникает вопрос о том, является ли оно очередной мифологемой, которая никакой психологической сущности, тем более пространственно определенной, за собой не имеет, или это уже научная метафора, намекающая на нечто вполне конкретное, способное постепенно стать предметом психологического исследования. В таком случае его можно уже как-то описывать, объяснять и прогнозировать.

Различных пространств («миров», «полей» и даже «объемов») в психологии и без «ментального пространства» вполне достаточно («жизненный мир», «модальный мир», «жизненное пространство», «внутренний мир», «смысловое поле», «эмоционально-волевая сфера», «интеллектуальная сфера» и т.д.), но мало кто серьезно пытался развести, где здесь мифологемы, где научные метафоры, а где действительно пространство человека, не учитывая которое нельзя даже поставить проблему реальности и действительности человеческого бытия. Может быть и сегодня крамольной покажется мысль, что мифологемой является понятие «объективная реальность», все другие приведенные выше понятия скорее метафоры, использованные для преодоления этой мифологемы.

Нет, например, проблемы ментальных пространств для традиционной психологии, находящейся в плену указанной мифологемы - самоочевидно, что объективная реальность, воздействуя на органы чувств, проникает в человека в актах отражения и превращается в субъективную реальность внутреннего мира. Только врачи-психиатры знают о лукавстве психологов-традиционалистов. Когда их пациенты оказываются дезориентированными в пространстве и во времени, демонстрируя все признаки дереализации, они не спешат проверять органы чувств больных людей. Они понимают, что не органы чувств почему-то перестали пропускать в сознание «объективную реальность», но деформировалось нечто, которое, будучи сверхчувственным, обеспечивало людям возможность действовать, понимая смысл и ценность своих действий, т.е. избирательно и ответственно.

Впрочем, если мышление психиатра не отличается от мышления указанного психолога, т.е. если они имеют *тождественную профессиональную ментальность*, то вряд ли он поймет проблему дереализации как сбой, произошедший где-то там, в глубинах человеческого устройства. В тех самых сверхчувственных пространствах, особенности которых позволяют видеть избирательно, понимать по-особому, мыслить в определенной логике и действовать в соответствии со своим видением и мышлением. Ментальные пространства недоступны для понимания и признания их психологами, имеющими традиционную ментальность, т.е. рассматривающими психологические факты определенным образом. Каким? Традиционная психология, отмечал еще Л.С.Выготский, видит в психологических фактах то общее, что все они суть психологические явления, непространственные и доступные только восприятию самого переживающего субъекта⁸⁰. А когда психологические явления понимаются психологом как непространственные, то не могут вписаться в его профессиональную картину мира «ментальные пространства личности». Кроме того, сам научный язык такого психолога способен принять в себя только непространственные понятия, пригодные для описания непространственных явлений.

Учтем при этом, что понятие «ментальность» полидисциплинарно по сути. Его психологический аспект не разработан в достаточной мере, а потому чрезвычайно трудно представить каким образом это понятие может найти свое место в категориальном строе психологии. Ведь оно тянет за собой всю полифонию своей полидисциплинарной сущности. Для психологии, которая и без того не может разобраться с границами и содержанием собственного предмета исследования, и потому все время скатывается в редукционизм (философский, биологический, социологический и т.д.), это особенно важно. Отметим, что она до сих пор не решила ни одной пограничной проблемы даже на уровне диад. Психофизиологическая, психофизическая, психосоциальная и другие подобные проблемы еще ждут своего решения.

Можно, конечно, приложив некоторые усилия, попытаться найти место понятию «ментальность» в сетке научных категорий, выстроенных в вертикальные колонки и горизонтальные ряды зарождающейся теоретической психологией, если бы не неожиданно открывающаяся сложность, которая заключается в том, что эффективность этого поиска определяет ничто иное, как профессиональная ментальность самого ученого.

Вернемся к тому, что ментальность, ментальное пространство личности - это *понятия не ставшие, а становящиеся*. В то же время, категориальную сетку науки образуют понятия ставшие, «плотные», если пользоваться гегелевским представлением о законе развития науки как уплотнении знаний в ней. Следовательно, тот кто работает со «смутными» понятиями, т.е. понятиями еще не ставшими, пришедшими в науку из тех ее предельных сфер, где она, будучи открытой системой, граничит с другими науками, а кроме того, еще и с религией, мистикой, эзотеризмом и т.д., должен обладать особой способностью оперировать «смутным» знанием и определенной научной смелостью. Последнее качество необходимо в связи с реальной возможностью быть обвиненным в «размывании» строгого («плотного») языка науки привнесением метафоричности. Например, фактически в этом обвиняют сегодня В.П.Зинченко, научный язык которого кому-то кажется избыточно метафоричным. Но, как указывал Л.С.Выготский, «смутный» язык науки «обнаруживает как бы молекулярные изменения, которые переживает наука; он отражает внутренние и неоформившиеся процессы - тенденции развития, реформы и роста»⁸¹.

Кто-то может работать только в той части науки, в которой уже что-то устоялось и категориально определилось, кто-то должен работать в пограничных районах, где проявляют себя тенденции развития, роста, где мифологемы превращаются в научные метафоры, а последние, в свою очередь, доказывают свое право войти в категориальный аппарат науки.

В привлечении метафор, кроме того, оттачивается мышление более высокого системного уровня. Другого выхода просто нет - любое понятие, фиксирующее сверхчувственную реальность, открытую разумом (теоретическим мышлением), обречено пройти стадию метафоричности - пока научное сообщество не научится мыслить таким же образом, который позволил кому-то столкнуться со сверхчувственным и закрепить его каким-то понятием, которое остальным будет казаться метафорой (если не мифологемой).

Например, «психологические свойства внешнего» у Л.С.Выготского - это метафора или мифологема? Через эти свойства человек сам воздействует на себя и

овладевает своим поведением, но как рассказать об этом людям, какие слова использовать? Людям, которые уверены в том, что внешнее не есть «Я», точнее, есть «не-Я», а потому «Я» (субъективное, самость, душа, дух) не может по определению быть «здесь» как то, чему доступно внешнее, и одновременно «там», во внешнем. Сегодня охотно цитируют у В.Франкла «если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир», но совершенно не обращают внимание на гораздо более тонкое сложное для понимания «человек овладевает собой извне» у Л.С.Выготского. Здесь уже показан механизм самоорганизации человека как открытой системы, причем человек не просто открыт во внешнее, но выходит в него и оттуда управляет собой - ибо как можно овладеть собой извне, не выходя в это «вне», не присутствуя в нем, одновременно не зная об этом. Психологические свойства внешнего - сверхчувственны, но там, куда проникло субъективное, человеческое и надо искать границы ментального пространства человека.

Стоит учесть и то, что в основе категориального подхода лежит идея о существовании неких явлений, априори входящих в предметную область психологии, и сохраняющих свое инвариантное начало на протяжении всего жизненного цикла науки, только меняя свою вербальную оболочку при переходе с одной стадии развития на другую. Для ментальности такой априоризм вряд ли свойственен. Трудно найти некий инвариант, которому соответствовало бы это понятие в прошлом. Эмпирически определенный предмет науки со сверхчувственными реалиями не сталкивается, а ментальные пространства личности для самой личности не очевидны. Их может открыть психолог, обладающий профессиональным мышлением определенного уровня системности. Чем выше форма мышления, тем разительней отличается профессиональная картина мира, открываемая с более высоких вершин. Но подняться на вершину (сменить призму видения) означает сменить форму мышления или, что то же самое, выйти на другой уровень профессиональной ментальности. В противном случае, «смотреть» с вершины вовсе не будет означать «увидеть» с нее что-то другое, кроме того, к чему привык глаз.

Так психологу, остающемуся в пределах парадигмы отражения, которая практически не учитывает роль культуры в становлении многомерного мира человека как ценностно-смыслового поля, путь к ментальному пространству личности закрыт. Указанная парадигма диктует взгляд на мир как «*пространство для жизни*», которое надо «освоить» путем усвоения знаний и вообще «опыта», накопленного человечеством, включая умения, навыки, способы мышления и т.д., которые надо уметь воспроизводить. А ментальное пространство жизни открывается при переходе к парадигме порождения человеком собственного мира как «*открытого пространства жизни*».

Наступила пора профессионального самоопределения и для психологов. О.К. Тихомиров пишет о сложившейся ситуации следующим образом. "Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат по крайней мере два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как "отражении" реальности, второй - в разработке представлений о психике как порождению новой реальности. Я выбираю второй путь" . Как ученик О.К.Тихомирова, я не представляю себе возможности иного пути.

Если нет у профессионала сензитивности к различению понятий «пространство для жизни» и «открытое пространство жизни», то помочь ему очень трудно. Объяснить

это нельзя, а если он сможет изменить собственное мышление таким образом, что вместо привычного четырехмерного физического «пространства для жизни» осознает реальность *порождаемого* самим человеком многомерного, размеченного ценностно-смысловыми измерениями «пространства жизни», то объяснение станет избыточным. Здесь уместно привести высказывание М. Мамардашвили: «Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна только тогда, когда мы владеем языком этих смыслов, то есть понимаем их отвлеченность, их граничную природу, умеем читать то, что они нам говорят о наших

83

возможностях и природе, и когда сами достаточно развиты для этого» . Другая сложность введения понятия ментального пространства личности в состав психологических категорий заключается в том, что категориальный аппарат науки, представленный в виде системы категорий, не отражает внутренних тенденций развития науки. Будучи актуальным срезом, «сечением» процесса психологического познания, система категорий сам процесс не схватывает. Можно ли через анализ сложившейся на сегодня системы категорий экстраполировать процесс, порождающий их движение, или, по крайней мере, в этом движении проявляющийся?

Необходимо учитывать, что новая методологическая "линза" (порождение вместо отражения) перестраивает именно ценностно-смысловую основу профессионального образа мира данного ученого, которая и отличает его мир от других. Действовать в науке профессионально, значит понимать смысл и ценность своих действий не только по отношению к тому участку реальности, который исследует ученый, но и по отношению к внутренней тенденции развития науки, логике ее становления как теоретической системы.

Ментальное пространство личности необходимо признать как психологический факт. Эта необходимость диктуется тем, что иначе все три экзистенциала человеческого существования (духовность, свобода и ответственность - (В.Франкл) повисают в пространстве научных метафор, не имея за собой никаких онтологических оснований. И если «существовать — значит постоянно выходить за пределы самого себя», то необходимо указать, где находятся эти «пределы» - иначе и сам «выход за пределы» останется метафорой (если, конечно, не понимать его буквально: как изменение физических параметров человека, того, что находится «под одеждой»).

Только кажется, что подобное «буквальное» понимание человека было свойственно людям жившим давно, т.е. тем людям, для которых в «Новом завете» специально указывалось на то, что «человек больше одежды». Пока не указано пространство человека, располагающееся «за одеждой», пока не определены границы этого пространства и его структура, пока оно не названо словом, призванным закрепить результат теоретической деятельности, открывающей человеку сверхчувственные слои собственного устройства, «выход за пределы себя» будет оставаться не больше чем метафорой. Что же мешает людям признать тот факт, что собственная их сущность далеко «не подкожна», т.е. имеет пространственную локализацию? Ответ только кажется простым - это уровень системности реализуемого ими мышления.

Аристотелевское мышление, свойственное людям, для которых писался «Новый завет», остается преобладающим и сегодня. В соответствии с ним все качества предметов принадлежат данному предмету. Оно не предполагает, что есть такие качества предметов, которые нельзя открыть, исследуя предмет, - даже если они и принадлежат предмету, проявляются они только в системе с другими предметами.

Чтобы выйти к таким качествам необходимо сменить мышление. «Галилеевское мышление» еще со времен К.Левина, заявившего о нем как профессиональном признаке психолога, до сих пор пробивает себе дорогу. Между тем, менталитет, ментальное пространство личности необходимо отнести к числу именно таких (галилеевских) качеств, о существовании которых ничего нельзя сказать, имея дело с единичным человеком.

Про них можно сказать только, что это качества а) *сверхчувственные*, а потому недоступны интроспекции, в связи с чем не могли изучаться в психологии, эмпирически определяющей свой предмет, б) *интегральные*, поскольку существуют только как качества конкретного человека, но представляют в нем более высокую систему, которой человек реально принадлежит, и без учета которой эти качества, заявляя о себе (особенностями мировидения, способами мышления, установками поведения и т.д.), остаются при этом НПО - неопознанными психологическими объектами.

До какой бы степени глубины психология не погружалась в человека в попытках описать и объяснить индивидуальность, у нее нет ни одного шанса столкнуться с тем, что может быть отнесено к ментальности человека или к характеристикам его ментального пространства. Уникальность ментального пространства конкретного человека открывается только при рассмотрении его *в одной системе* с другими людьми. Только выявив тождественное, общее, в чем-то одинаковое, характерное для всей системы, потому *интегральное или системное качество*, можно сказать что-то о ментальности вообще (как общем признаке системы) и ментальности конкретного человека как носителя этого качества, в частности. Это можно сделать, изучая людей одной культуры или одного поликультурного пространства (государство), или одной религиозной конфессии, профессионального сообщества и т.д., что и позволяет говорить о «русской (и любой другой, американской, например,) ментальности», «ментальности советского (или постсоветского) человека», «профессиональной ментальности» и т.д.

Психологию же здесь занимает не проблема связи ментальности людей с общественным сознанием - это не ее проблема. Психологию должны интересовать механизмы: каким образом определенная культура трансформируется в картину мира конкретного человека, какую роль в этом выполняют посредники - другие люди (носители ментальности), от рождения стоящие между человеком и культурой, как принятые в культуре и реализованные посредниками способы посредничества (коммуникации) определяют процесс становления в человеке (и самим человеком) своего собственного жизненного пространства и что в этом пространстве является относительно тождественным (ментальность) по отношению к другим. Последнее особенно важно в связи с тем, что ментальные особенности жизненного пространства определяют характерный облик образа жизни и образа мира человека, что и позволяет людям идентифицировать себя с другими и самим собой. Следовательно, принимать их (и себя) или не принимать, вплоть до того, в каких формах не принимать - от нетерпимости (суицид, «образ врага») до толерантности - согласия с собой и признания за другими права иметь свои (личные) ментальные пространства.

Итак, для того чтобы выйти к ментальности человека и его ментальным пространствам, психологу достаточно подняться на уровень галилеевского мышления, т.е. согласиться с тем, что кроме чувственных качеств (воспринимаемых органами чувств), не менее реально (в смысле «на самом деле») существуют и сверхчувственные качества предметов и явлений, которые так же определяют их качественную

специфику, но о наличии которых можно узнать не через ощущения и восприятия, а через мышление. Мышление, таким образом, не просто отражает сущность явлений и их связь между собой, скрытую от восприятия, как полагает классическая психология, для которой «сущность» и «связь» суть два различных предмета мышления. Мышление, на самом деле, есть способность человека в самой связи явлений (и через их связь) выявить существенные признаки явления. Только в системе проявляется сверхчувственные свойства и качества элементов, входящих в систему, не переставая при этом быть личными (элементу принадлежащими) свойствами и качествами - даже если этот элемент окажется вне системы. Другое дело, что тот, кто будет исследовать такой элемент (вне системы) заведомо обречен на то, что он никогда и никаким образом ничего об этом качестве не узнает, впрочем, как и не догадается вообще о его наличии.

Вот почему классическая (традиционная и т.д.) психология не ставила проблему ментальности как психологическую проблему. З.Фрейд первым ввел сверхчувственное в предмет науки. Сверхчувственное вошло в науку в качестве бессознательного, хотя сегодня понятно, что всякое бессознательное сверхчувственно, однако не всякое сверхчувственное обречено оставаться навсегда бессознательным.

Как уже говорилось, галилеевское мышление является тем минимальным уровнем профессиональной ментальности, который необходим для постановки проблемы ментальности в психологии. Однако его вряд ли хватит для постановки и решения проблемы становления ментального пространства человека. Здесь требуется мышление еще более высокого уровня системности.

Главное в галилеевском мышлении то, что предмет *рассматривается в системе с другими* предметами того же класса, регистра (люди, образующие этнос, и конкретный его представитель, безработные и конкретный безработный человек, американец и американцы и т.д.). Здесь система, в которой рассматривается предмет, может и не быть реальной системой - функционирующей, живой, развивающейся, самоорганизующейся и т.д. Например, «безработные России» не составляют реальную систему, но понять как преобразуется ментальность конкретного россиянина, когда он теряет работу, можно только изучая его в системе безработных россиян.

Мышление второго системного уровня предполагает изучение явления в качестве необходимого элемента реальной функционирующей (функциональной) системы, имеющей свою особую качественную определенность. В такой системе элемент понимается и как целостное явление, и как явление детерминированное включающей его системой. В галилеевском мышлении *сверхчувственные качества открываются в системе*, в более высоком по уровню мышлении на первый план выходят *сверхчувственные качества второго порядка, которые системой порождаются*. Приход такого мышления в психологию знаменуется тем, что все реже возникает вопрос «что делает психика?» и, соответственно, все реже звучит ответ «регулирует», «ориентирует» и т.д. Зато все более понятным становится другое. Бессмысленно спрашивать, что делает элемент по отношению к своему более высокому целому. Надо узнать предназначение целого, чтобы понять какой ему нужен элемент, чтобы оно исправно выполняло эту миссию. Применительно к психологии это понимание нагляднее других демонстрирует антропология. Во многих своих работах В.И.Слободчиков и Е.И.Исаев пытаются утвердить «простую мысль», заключающуюся в том, что если человеческая психика - это одно из свойств человеческой реальности вообще, то по самой логике рассуждения, чтобы понять это свойство (выразить его в понятиях), необходимо иметь хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего оно является.

На мой взгляд, психологическим барьером на пути внедрения этой мысли становится не только реальная сложность решения проблемы миссии человека психологическими средствами (путем создания религиозно ориентированной психологической науки), но и способность психологов ассимилировать мышление второго уровня системности.

Коротко - *антропологизацию* науки сдерживает привычная ее *антропоморфизация*, которую психологи пока не в силах преодолеть. И это верно в такой же мере, в какой *онтизация* научного познания, пришедшая на смену привычной *гносеологизации*, никак не может смениться ее истинной *онтологизацией*. На уровне онтизированного научного мышления не решается проблема антропологизации науки. Расшифруем, насколько это возможно в данной работе, смысл приведенной дефиниции.

В свое время, ограничив предмет науки психикой, пришлось приписать ей свойства самостоятельного субъекта (антропоморфизация), а вслед за тем и всему тому, что включало в себя это понятие, практически сняв вопрос о человеке как предмете науки. «Психика отражает», «психика регулирует» - это же хрестоматийная истина. Почти такая же как «внешние причины действуют...», «потребность находит себя в предмете», «внимание избирает» и т.д. Все это не неудачные речевые обороты ("потребность как бы находит себя в предмете", "предмет как бы переворачивается", "ухо как бы научается слушать"), а вынужденная антропоморфизация, т.е. приписывание роли активного начала частным системам - в отсутствии истинного субъекта активности - человека. Попытка ввести в психологию «субъекта деятельности» (познания, оценивания и т.д.) ни к чему пока не привела. Оторванные друг от друга «личность», «сознание» и «деятельность» упорно не хотят соединяться через понятие «субъект» - слишком много оказывается в человеке этих субъектов. И когда один оценивает (без познания), другой познает (без оценки), а третий действует, не познавая и не оценивая, то разочарование в методологии (личностный подход, деятельностный подход, когнитивный подход и т.д.), становится неизбежным.

Легко увидеть связь между антропоморфизацией науки и не преодоленным в ней гносеологизмом. «Коренной вопрос теории познания, - указывал В.Франкл, - поставлен с самого начала неверно, Ведь бессмысленно спрашивать, как субъект проникает в объект, поскольку сам этот вопрос представляет собой результат неправомерного перевода в пространственные категории и тем самым онтизации истинного положения вещей» .

Переход от онтизации к онтологизации в нашей науке происходит мучительно медленно. Пока она как бы застыла, приписав пространственные координаты субъективному и объективному мирам, и не может сдвинуться с места, чтобы признать наличие субъект-объектной реальности, порождаемой взаимодействием человека с миром, живущим в себе и для себя. Признать как психологический факт совмещенное пространства их совместного бытия, но не на уровне гуссерлианского «методологического слипания» субъекта с объектом, а вполне упорядоченной многомерной реальности, аккумулирующей в себе квинтэссенцию человеческого в человеке. Признание ментального пространства личности одной из метафор, выводящих психологическое познание к многомерному миру человека, есть неизбежный шаг на пути преодоления дихотомии субъекта и объекта в психологии, шаг на пути выхода к человеку как особой пространственно-временной организации, хронотопу, пространственную характеристику которого определенным образом

фиксирует понятие «ментальное пространство». Какую характеристику? С моей точки зрения, оно схватывает процесс детерминации многомерного мира человека конкретной культурой и способами выхода к ней, принятыми в обществе.

Итак, понятие «ментальное пространство личности» указывает на то место науки, в котором «здесь и сейчас» идет достаточно мучительный процесс «перерождения научной ткани», где напряжен нерв науки, где объективная внутренняя тенденция науки реализует себя. Иными словами, это понятие указывает не на то, что стало, что лежит в пределах весьма условной границы психологического знания, а то, что происходит на границе, где нарождается, становится новое знание. Прогнозируя, можно сказать, что самое серьезное и трудное будет заключаться в перестройке профессионального мышления на более высокие уровни системного видения психологической реальности. Насколько это трудно я знаю из опыта разработки теории психологических систем (ТПС), которая изначально выстраивается с учетом внутренних тенденций развития психологии, обуславливающих и закономерную смену уровней системности профессионального мышления.

Итак, процесс становления научного познания сопровождается ростом уровня системности профессионального мышления, что, в свою очередь, проявляется во все более системном переопределении предмета науки и, соответственно, в изменении категориального аппарата науки, постепенно становящейся подлинной теоретической системой.

Обращение к «ментальному пространству человека» является признаком того, что психология уже вышла за пределы души (субъективного) и превращается в науку о человеке (с душой), преодолевая вечное противостояние духа и материи, объективного и субъективного, внутреннего и внешнего, психического и физического. Перестав ограничивать своей предмет пределами субъективного, психология обнаруживает в человеке такие многомерные пространства, с которыми ни одна наука до сих пор не сталкивалась. Закономерности возникновения, порождения и постепенного усложнения таких пространств не схватывают традиционные теории развития.

На мой взгляд, введение понятия "ментальное пространство человека" в психологию означает одну из попыток взять Материю и Дух, субъективное и объективное в одной "системе координат" и разглядеть в их взаимодействии и взаимопереходе порождение новой (собственно психологической) онтологии - особой реальности, возникновение и усложнение которой составляет сущность процесса человекообразования. Новое психологическое мышление, проявляющееся в связи с пересмотром понимания психики как отражения объективного мира в пользу парадигмы, в соответствии с которой психика понимается как порождение новой реальности, совершенно преобразует науку, иначе ее структурирует, меняет ее предмет. Ни одна наука не имеет отношения к той сложнейшей психологической онтологии, с которой сталкивается современная психология и, более того, делает ее своим предметом. Она приступает к исследованию многомерных пространств, где субъективное и объективное выступают не в абстрактном философском "единстве" или «методологическом слипании», а взаимопереходят, порождая такие качества мира человека, которые обеспечивают избирательность, предметность, реальность бытия человека в мире и обеспечивают действительность мира для человека.

Мне думается, современной психологии наконец-то понадобились понятия, с помощью которых можно было бы зафиксировать ту "переходную" (между Духом и Материей) форму, о которой писал Л.С. Выготский, форму их со-бытия, о которой можно сказать (и написать) написать много разных слов, но которая, как и любой

продукт мышления, не будучи означена словом, так и не будет объективирована и признана в качестве психологической реальности. Ментальное пространство человека не субъективно, но и не объективно. Оно транссубъективно, а коммуникации, в которых оно формируется, логично было бы назвать транскомуникациями. Не вступая в дискуссию о психологических реалиях, стоящих за понятием «транскомуникация», выражу свое понимание. Транскомуникация - это такие межличностные взаимодействия и взаимодействия человека с культурой, в которых формируется транссубъективное пространство человека.

Понять же механизм образования транссубъективного пространства достаточно сложно, и особенно сложно, если эта попытка понимания совершается в условиях, когда основная масса ученых работает в рамках другой, менее высокой системной парадигмы. Здесь вопрос переход к тенденциям развития науки, на котором стоит остановиться особо. Транспективный анализ открывает три взаимосвязанные тенденции, которым подчинена деятельность каждого ученого, независимо от того, понимает ли он то, что им движет, стоя «за его спиной» (Л.С. Выготский), или не понимает. Все три тенденции обусловлены тем, что и общество, и наука, и человек являются открытыми системами и на них, следовательно, распространяется общий закон - эволюция таких систем представляет собой процесс закономерного усложнения системной организации. Каковы же эти тенденции?

1) Это закономерности изменения мышления на уровне «больших форм» в психоисторическом процессе, свойственные если и не всему человечеству, то, по крайней мере, «просвещенной Европе». Метафизическое мышление, нашедшее свое воплощение в картезианском мышлении, сменилось более системным диалектическим мышлением, а то, в свою очередь, снимается трансспективным мышлением - метасистемным по сути (открытые системы, самоорганизация).

2) Это закономерности смены подходов, свойственные любым наукам. Элементаристский (атомарный) подход, с которого начинает наука, пытаясь найти «единицу анализа», те «атомы», из которых можно сложить все здание науки, неизбежно сменяется структурным, вынося на первое место понятие связи элементов и способов их взаимодействия. Последний, в свою очередь, перерастает в структурно-системный, а потом в системный и метасистемный.

3) Наконец, это смена мышления самих исследователей, обусловленная двумя предыдущими движениями, происходящими на уровне психоистории человечества и истории становления конкретных наук. Здесь выделяют аристотелевское мышление, снимающее его галилеевское мышление (первый системный уровень) и, наконец, то, что происходит на наших глазах - снятие галилеевского мышления метасистемным.

С нашей точки зрения, за понятием «ментальное пространство» стоит не комплекс завязанных в систему элементов «объективной действительности», но и не произвол системообразования, осуществляемый человеком. Это то, что происходит между человеком и средой, пространство в котором снимаются как объективная логика среды, так и субъективная логика человека, подчиняясь одной логике - логике самоорганизации человека как открытой системы. Ментальное пространство отличается от «среды», от всей окружающей человека «действительности», «объективной реальности» тем, что для описания последних достаточно четырех координат - три пространственных координаты и время. Оно включает в себя, как минимум, еще три субъективных координаты - значение, смысл и ценность, а это значит, что оно пронизано эмоциями, посредством которых предметы, носители этих сверхчувственных качеств, становятся доступными нашему сознанию.

Рассмотрим более внимательно проблему понимания а научном сообществе творчества тех ученых, которые смогли, опережая время, выйти к более высоким системным парадигмам. Например, как философ и психолог К. Ясперс всегда был труден для понимания, и только сегодня можно если не вполне истолковать его идеи, то хотя бы понять истоки трудности понимания его построений. Это был системно мыслящий ум, который и к понятию «ситуация» (аналог «ментального пространства») подходил системно, пытаясь определенным образом совместить в нем субъективное и объективное начало. Но это и представляло основные трудности для читателей, мышление которых было не всегда готово к принятию системных идей - системный подход только начинал теснить преобладавший в то время структурный подход.

85

«Ясперс писал с позиций «целокупности» . Как указывает далее Н.Е. Везерик, в американской и британской философии принято считать, что любая попытка стать на точку зрения «целокупности» неминуемо наносит урон ясности. Поэтому каждый должен выбирать между ясностью и сложностью рассматриваемого предмета. «Ясперс... выбрал сложность»⁸⁶. Мне кажется, что К. Ясперс ничего не выбирал - у него не было альтернатив. Он писал так, как мыслил и «целокупное» (т.е. системное) видение явления ничуть не сложнее структурного или элементаристского (атомарного) - оно просто другое. Это и рождает трудности понимания, происхождение которых, в целях дальнейшего изложения, необходимо пояснить.

В системном мышлении не просто противоположности берутся в одной системе собственно психологических координат. Здесь объективируются такие системные качества, такие совмещенные («удвоенные») явления, которые просто недоступны другому человеку, который не мыслит системно, т.е. не имеет в виду систему, в которой эти качества, эти явления открываются или формируются. И облегчить участь понимающего нельзя - на эти явления нельзя указать пальцем. Системные качества чувственно-сверхчувственны. Получается что противостояние Я и не-Я, субъективного и объективного, внешнего и внутреннего, психического и физического, на самом деле только кажущееся противостояние. Оно преодолевается системным мышлением, которое улавливает их связь и единство, их взаимопереход и порождение в этом переходе нового качества.

Именно это и пытался выразить К. Ясперс, указывая на «исходный, объединяющий процесс жизни как наличного бытия в собственном мире и сосуществования... Эмпирическое исследование должно обратиться к некоторым частным проявлениям этой фундаментальной взаимосвязи и, следовательно, к некоторым изолированным аспектам связи между внутренним миром и окружающим миром... В процессе естественного саморазвития индивид со своей конституцией противостоит среде и вступает в состояние действенного обмена с ней. Отсюда проистекает весь опыт человеческой судьбы, деяний, усилий и страданий» . В результате такого понимания К. Ясперс придет к следующему заключению. «Функция среды заключается прежде всего

88

в том, что она порождает *ситуации*» . Может показаться, что здесь К. Ясперс сводит ситуацию к средовым (объективным) факторам. Но на деле человек имплицитно здесь присутствует. «Индивид может создавать ситуации самостоятельно, осознанно стимулировать или предотвращать их возникновение Он подчиняется сложившимся в

⁸⁵ . Психология: биографический библиографический словарь. «Евразис», С-Петербург. 1999

⁸⁶ Там же, с 796.

⁸⁷ Ясперс К. Общая психопатология. М."Практика", 1997. с. 37.

⁸⁸ Там же, с. 37.

мире порядкам и условностям и в то же время может использовать их в качестве инструментов для того, чтобы пробить в этом мире брешь»⁸⁹. В конечном счете, замечает К. Ясперс, индивиду приходится сталкиваться с *граничными ситуациями*, то есть с последними границами бытия — смертью, случаем, страданием, виной. «Они могут пробудить в нем то, что мы называем экзистенцией — действительное бытие самости»⁹⁰.

В своих работах К. Ясперс часто обращается к идее «фундаментального», с его точки зрения, соотношения между внутренним и внешним, «которое настолько часто подвергается инверсии, что мы можем внезапно обнаружить себя перед лицом, казалось бы, совершенно разнородных реалий»⁹¹. Наконец, в другом месте он дает определение, которое и сегодня может служить определением понятия «ментальное пространство»: «Личностный мир» как эмпирический факт — это явление субъективное и, одновременно, объективное. Общий психический склад субъекта вырастает до масштабов целого мира, который проявляет себя субъективно, в форме эмоционального настроения, чувств, состояний духа, и объективно, в форме мнений, содержательных элементов рассудка, идей и символических образов»⁹².

Насколько же науки вообще и психология в частности смогли подняться над мышлением ученого, творившего 70 лет назад? В «Большом толковом психологическом словаре»⁹³ дано следующее определение понятия. «Ситуация - комплексное целое, представляющее паттерны множественных стимулов, события объекты и эмоциональный тон, существующий в некоторый момент времени». Теперь, через призму такого понимания ситуации, гораздо понятнее становится способ мышления К. Ясперса, ибо ничего особо нового это определение в трактовку К. Ясперса не вносит. Здесь утверждается все то же единство внутри ситуации объекта (по определению находящегося вне субъекта и существующего независимо от него) и субъекта, представленного «эмоциональным тоном» (У К. Ясперса - «эмоциональный настрой»). Другое дело, что сегодня гораздо больше ученых, способных осмыслить сосуществование противоположностей внутри «комплексного целого», внутри ситуации как системы. Опыт системного мышления, примеры которого задавали те, кто был способен раньше других выйти к такому мышлению, становясь достоянием культуры научного мышления, осознанно (или неосознанно) был востребован из нее следующими поколениями ученых, определяя особенности построения ими собственной научной картины мира.

Можно убедиться так же в том, что способ мышления К. Ясперса оказывается очень близким к самому высокому (на сегодня) уровню системного мышления - транспективному. Собственно так было и с синергетикой: пока она находила свое применение в физике и химии, то казалось естественным, что параметры порядка можно найти в самой системе (самоорганизация), даже без учета ее взаимодействия с внешней средой: «... в большинстве случаев структуры создаются не некоей организующей рукой, а самими системами, действующими без всякого воздействия извне. Именно поэтому мы говорим о самоорганизации»⁹⁴. Однако, как только идеи

⁸⁹ Там же, с. 38.

⁹⁰ Там же, с. 38

⁹¹ Там же, с.38.

⁹² Там же, с.345.

Большой толковый психологический словарь. М.,2000, с. 253.

⁹⁴ Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. Москва, 2001. с. 14.

самоорганизации стали применяться к человеку, параметры порядка сдвинулись в то самое пространство сосуществования, совместного бытия (со-бытия) внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, в которое в свое время вышел К. Ясперс. «Взаимодействие внутреннего и внешнего приводит к появлению новых параметров порядка как в сфере индивидуального, так и в сфере коллективного. В данном случае когнитивную систему подлежит рассматривать не как внутреннюю сеть, представляющую внешнюю окружающую среду, а внутренне-внешнюю сеть, часть элементов которой представлена или хранится внутренне в разуме, или мозге, а часть существует (хранится или внешне представлена) во внешней среде»⁹⁵.

Возвращаясь к вышеприведенному определению ситуации как системы, представленной паттернами множественных стимулов, объектов и эмоционального тона, существующей в некоторый момент времени, отметим достаточно заметное соответствие с тем, к чему приходит Г. Хакен. «Таким образом вместо обычного процесса образования паттерна, в ходе которого один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внешние подсистемы, и обычного процесса распознавания паттернов, в котором один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внешние свойства системы, мы имеем здесь интегрированный процесс: один или несколько параметров порядка подчиняют себе и внешне репрезентированные подсистемы и внутренне репрезентированные свойства»⁹⁶.

Каким же образом можно объяснить проблески метасистемного мышления у К. Ясперса, в то время когда наука еще не освоила системный подход более низкого уровня (так называемое «галилеевское мышление»)? Мне кажется, дело в том, что К. Ясперс изначально понимал человека как открытую систему. Открытыми считаются системы, которые способны удерживать (поддерживать) внутреннюю упорядоченность за счет постоянного обмена с окружающей средой информацией, энергией, веществом. Хаос внешних воздействий, идущих от «объективной реальности» - всевозможностного, в себе и для себя существующего мира, индифферентного по отношению к человеку, что-то должно упорядочивать. Конечно, К. Ясперс не мыслил этот процесс в терминах «параметры порядка», но в целом понимал, что если между субъективным и объективным мирами не поставить нечто, какую-то особую реальность, способную обеспечить опознавание во внешнем того, что нужно человеку для жизни, то избирательный обмен между ними (а другим он и быть не может) окажется просто невозможным. В таком случае будет дефрагментирована и вся пространственно-временная организация, каковой и является «целостный человек». Ситуация является только частью, фрагментом, сектором «жизненного мира», «личностного мира», в котором развиваются события «здесь и сейчас». Необходимо заметить, что подобный ход мысли, опережающей время, был присущ не только К. Ясперсу. Понятие «трансубъективное пространство» Д.Н. Узнадзе использовал уже в 1923 году. В работе «Итрегჟოპაჩა» им было выдвинуто понятие «подпсихическое»: «...объединение психического материала в виде определенного комплекса восприятия... определяет... подпсихическая область, которая выступает посредником между... объектом и ощущением и в чисто психическом (в комплексе ощущений) представляет трансубъективное...», для которого противоположные полюсы субъективного и объективного совершенно чужды и в котором мы имеем дело с фактом их внутреннего,

Там же, с. 298.

Там же, с. 298.

нерасчлененного единства»⁹⁷. Понятие «ситуация» использовалось Д.Н.Узнадзе в качестве эквивалента «подпсихического». Д.Н. Узнадзе не переоценивает своего открытия, хотя усматривает в нем то, что, по его мнению должно составлять «принцип жизни». В его лице, писал он, «мы имеем дело с неизведанной до наших дней сферой действительности, которую можно обозначить биосферой. То, что нами подразумевалось под названиями «ситуация» или «объединенное расположение», все это, надо думать, является состоянием, вызванным в биосфере...»⁹⁸. Впоследствии отмеченные понятия постепенно устоялись в виде категории «установка», которая образует ядро психологической теории школы Узнадзе.

Близость идей К. Ясперса и Д.Н. Узнадзе, при всей разнице исходных положений, устанавливается легко. Это и порождает вопрос о природе этой близости. Почему два ученых, которые творили в совершенно различных социально-культурных условиях, пришли к похожим построениям? И ведь не они одни. Сегодня продолжается все та же мучительная работа по проникновению в механизмы порождения транссубъектных пространств. Однако, по-прежнему не хватает понятий, описывающих процесс «инкарнации» (М.М. Бахтин) вещей в человека, а человека в мир. С каждым днем все глубже принимается мысль о том, что границы между человеком и миром весьма условны, что у человека нет прямого, непосредственного выхода в «мир чистой объективности». Ментальное пространство и есть то, что опосредует отношения между субъективной и объективной реальностями. По отношению к нему можно сказать, что оно и составляет тот «круг», попадая в который, объективный мир или его объекты «очеловечиваются, вочеловечиваются»⁹⁹. (2).

Кажется, что диалектическое мышление должно помочь преодолеть дихотомию субъективного и объективного, но здесь напрашивается «крамольная мысль» о том, а не оно ли само является причиной трудностей в постижении системного устройства человека, его транссубъектных пространств. Ведь это оно постоянно возвращает к вопросу о том, где же локализуется «объективная реальность», подталкивая мысль к тому, что именно она является источником реальности мира человека, отражаясь органами чувств. Не случайно В.П. Зинченко замечает, что «человек, привыкший к диалектическому материализму», может резонно спросить, а как быть с основным вопросом философии? «Где находится вне и независимо от меня существующий объективный мир Природы и Космоса? Ведь нельзя же и его отнести к объективированным аффективно-смысловым образованиям, к творению человека»¹⁰⁰. И отвечает на этот вопрос: «Этот мир действительно существует и находится там, где ему надлежит быть, т.е. вне и независимо от сознания человека. Но он существует таким образом лишь до тех пор, пока он не станет миром человеческим. Стать таковым он может лишь войдя в круг, в континуум «бытие — сознание», в мир человеческой деятельности». В транспективной парадигме возникают другие вопросы, предполагающие и другие ответы.

Основной вопрос я уже не раз формулировал на страницах этой книги. Да, взаимодействие субъекта с объектом порождает отражение одного в другом, но что

Цит. по: Иосебадзе Т.Т., Иосебадзе Т.Ш. Проблема бессознательного и теория установки школы Узнадзе. // Бессознательное: природа, функции. Т.4, Тбилиси, 1985. с.36-37.

⁹⁸ Там же, с.37.

⁹⁹ Зинченко В.П. (при участии Горбова С.Ф., Гордеевой Н.Д.) Психологические основы педагогики. (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова). М.:

Гардарики, 2002.

¹⁰⁰ Там же, с.228.

является причиной взаимодействия? Ответ тоже уже озвучивался: причиной взаимодействия является соответствие. Там где обнаруживается соответствие, там происходит взаимодействие, причем оно происходит сразу и само, без всяких предварительных условий. В такой же степени состоявшееся взаимодействие указывает на соответствие взаимодействующих сторон как свою причину.

Например, исходное противоречие, задающее импульс самодвижения психологическому познанию, заключается между его бесконечностью и обязательной конечностью форм, в которых оно осуществляется в психологической науке. Преодоление этих конечных форм (научных категорий, объяснительных принципов, «призм видения», возникших на их основе научных школ и направлений и т.д.) является условием разрешения указанного противоречия. Однако через смену конечных форм наука пытается удержать свое соответствие бесконечности психологического познания, обусловленного природой изучаемого ею предмета. Человек есть существо принципиально незавершенное как в своей личной истории, так и в психоистории (филогенезе) человечества.

К числу таких конечных форм можно отнести и парадигмы - «общепризнанные образцы научной практики» (Т. Кун), определяющие на некоторое время ментальность внутренней среды науки, прежде всего методологические установки исследователей, особенности и уровень их мышления, проявляющийся в специфике постановки и решения научных проблем и т.д. Смена парадигмы обычно происходит в результате научной революции, но период «спокойного развития» науки можно понять как накопление предпосылок, приводящих к взрыву. Именно поэтому, с моей точки зрения, наука не может выйти к любой (случайной, в том числе) парадигме, но только к такой, к приходу которой она в определенной степени готова. Новую парадигму нельзя предложить научному сообществу, но ее можно «вычислить» путем анализа внутренних тенденций развития науки. Реально принятой будет все равно только та парадигма, которая соответствует профессиональной ментальности психологов, вызревающей в относительно спокойные периоды развития науки.

На границе конкретной науки, там, где она взаимодействует с другими науками, различие внутренней и внешней среды науки становится затруднительным - это место их со-бытия, взаимоперехода, порождения новых идей, новых ходов мысли, методологических средств познания и т. д. Одним словом, здесь появляются основания для дифференциации науки как необходимого условия ее последующей интеграции. Сменяющие друг друга процессы дифференциации и интеграции определяют сам процесс «уплотнения знаний». Наука только кажется конгломератом идей, принципов, подходов, научных школ и направлений. Все это на самом деле является предпосылкой и условием упорядоченного движения науки по линии усложнения ее системной организации. Всякий раз, когда исследователь обнаруживает систему и пытается понять ее сущность, он обязан выйти за ее пределы - в другую более высокую систему, по отношению к которой сама искомая система окажется элементом или подсистемой. Этот закон, диктующий необходимость поднятия науки на все более высокие уровни системного определения предмета исследования, кажется основополагающим. Как его проявление и возникает внутренняя тенденция развития науки. Легко сказать "человек становится предметом психологической науки", что происходит антропологизация психологического познания и т.д. Гораздо труднее, учитывая, что человек является объектом исследования во многих науках, определить, в чем заключается особенность изучения человека в качестве предмета именно психологического исследования. Мне представляется, что ближайшей вершиной, на покорение которой нацелилась наука (в

этом и суть «парадигмального сдвига») - человек как самоорганизующаяся система и роль психики (сознания) в ее самоорганизации. При этом я исхожу из убеждения, что только системный подход высшего уровня позволит преодолеть дуализм Материи и Духа, впрочем, как и ограниченность строящихся на этой дуальности принципов детерминизма, которые используются в психологии.

Если перейти к профессиональному мышлению, то его высший уровень проявляется в совокупности простых фактов: когда психолог понимает, что все явившееся к нему (и к любому другому человеку) извне соответствует ему (потому и явилось), то он достоин того, что явилось. Когда он понимает степень своего распада через низость явившегося и уровень своего личностного роста, констатируя как убывает низкое и прибывает высокое. Через такую интерпретацию я согласен одновременно и с Франклом, и с Выготским. «Путь человека к себе лежит через мир» - прав Франкл. «Человек извне овладевает собой» - прав Выготский. Необходимо только понимать, что овладеть собой извне, можно только оказавшись в этом «вне», и что проложить путь к себе, можно только конструируя свое ментальное пространство, наделяя объективную реальность собственной субъективностью. В актах самоопределения мы через явившееся к нам из мира выделяем себя и делаем себя предметом познания и преобразования. И если человеку становится плохо от того, что он открывает в себе, то это и есть совесть, которая оказывается еще есть. Такова истинная природа фразы «Ай, да Пушкин, ай, да сукин сын!», которая в зависимости от ситуации может звучать и как самоосуждение, и как самопризнание, толкая человека к коррекции себя в первом случае, и вызывая прилив активности, направленной на дальнейшую самореализацию, во втором. Франкл через одушевленный мир схватывает ставшее, душу. Выготский схватывает становление и становящееся - дух.

Психология пока не включала в качестве своего предмета изучения те неизбежные катаклизмы в сознании самих ученых, когда они оказываются в состоянии необходимости пересмотра своих парадигм, т.е. тех представлений о предмете собственной науки, которых они придерживаются, и которые закономерно меняются в процессе развития науки. Трудно преодолеть свою "концептуальную привязанность" и пристрастность, но еще труднее изменить свое мышление, ту "призму", через которую привычно изучается фрагмент реальности, подведомственный данной науке. Дело как раз в том и заключается, чтобы понять эмоциональное напряжение каждого члена научного сообщества в момент парадигмального сдвига как момент общего движения науки на уровень более высоко мышления, адекватного для познания закономерно усложняющегося (в своей системной организации) предмета науки. Итогом развития науки является само изменение этого фрагмента, обретающего все более усложняющуюся, все более системную представленность в сознании каждого нового поколения ученых, приходящих в науку.

Пафос и трагедия научной психологии заключается в том, что она, претендуя на то, что именно ей суждено в каждый момент времени представлять самое последнее, самое полное и выверенное знание человека о себе самом, никогда при этом не была наукой о человеке как таковом. Ее до сих пор занимала психика, т.е. субъективная "часть" человека, при том, что страдает и радуется, деформируется и восстанавливается, принимает решения и на этой основе регулирует свои отношения с миром и самим собой (одним слово, живет) не психика, а человек.

Применяя транспективный анализ к процессу становления человека в онтогенезе, можно априори предполагать, что многомерный мир человека, его ментальное пространство образуется как постепенное упорядоченное обретение им

новых измерений. Давайте рассмотрим этот вопрос отдельно. Транскомуникация (как механизм становления ментального пространства человека) изменяет свои формы в процессе самого становления, но до тех пор, пока оно идет, человек будет нуждаться в коммуникативной среде, хотя ее организация будет другой, сообразованной с этапами становления человеческого в человеке.

4.4. Становление многомерного мира человека и онтогенез сознания

Развитие человека от рождения до неизбежной смерти, что и схватывает наука посредством понятия "онтогенез", всегда было в центре внимания психологов. Существуют десятки различных мнений о том, что представляет собой развитие, каковы противоречия, обуславливающие его, откуда и почему возникают кризисы развития, в чем их смысл и значение для развивающегося человека, как развитие связано с обучением, с воспитанием, физиологическим созреванием, взрослением, старением и т.д. Не будем раскрывать этот спектр подходов и пониманий - ясно, что все они возникают как результат конкретного приложения различных методологических принципов, которые являются исходными для авторов и задают определенную "призму видения" изучаемого феномена.

Есть, однако, и общий радикал у всех теорий. Практически все они исходят из понимания психики как субъективного отражения объективной реальности, т.е., так или иначе, являются различными вариантами использования гносеологической формулы в психологии. Разделение явлений на субъективные (сюда относятся и психические) и объективные (существующие вне и независимо от субъекта), на внутренние (имеющие отношение к "Я") и внешние ("не-Я"), идеальные и материальные (при этом зачастую объективное отождествляется с материальным, а идеальное с субъективным) привело к тому, что как только научная психология попыталась выйти к практике (терапевтической, консультативной, образовательной и т.д.), она и проявила всю свою беспомощность.

Реальный, живой, развивающийся человек оказался гораздо более сложным по своему устройству, чем могла предполагать классическая психология, сделавшая своим предметом психику (субъективное), постоянно находящаяся в поисках объективных (естественнонаучных) методов изучения "субъективной реальности". Но естественнонаучные методы предназначены для исследования явлений, которые можно описать в четырехмерной системе координат - три пространственные координаты и время. Между тем, уже Л. С. Выготский заметил, что эти методы не очень соответствуют психологии. Субъективное имеет какую-то представленность во времени, но пространственных координат не имеет вовсе. Действительно, в каком пространстве может быть локализована психика? Если оно ограничено пространством человеческого тела, то психика ничем не будет отличаться от души в ее исходном наивном понимании. Если за пределами человека, то что это означает? Необходимо либо менять представление о "размерах" человека и искать собственно человеческое за пределами его телесного бытия, либо пользоваться какой-то странной моделью "человек и его психика", устанавливая при этом их взаимоотношение и взаимосвязь. Что делает психика? Для чего она нужна?

Может показаться странным, что ответы на последние вопросы пришли раньше, чем стало хоть в какой-то степени понятно, что такое психика. Казалось самоочевидным предназначение психики - она "регулирует" взаимоотношения человека с миром, "ориентирует" его в окружающем мире, "строит образ" того, что

есть в мире и т.д. Тем самым происходило невольное "очеловечивание" психики, вплоть до приписывания ей роли субъекта особой "психической деятельности". Антропоморфизация психики, понимаемой в функции регулятора, встроенного в человека (который регулирует, то и принимает решения, оценивает, избирает), превращает человека в регулируемое психикой тело. Уходя от превращения психики в самостоятельный субъект, "живущий" в человеке, антропоморфизуют объект, который и "действует" на человека, "воздействует" на него. Существующие принципы детерминизма до сих пор закрепляют этот антропоморфизм: "внешнее действует посредством внутренних условий", "внутреннее, взаимодействуя с внешним, само себя развивает".

Обобщим еще раз. В ТПС человек понимается как сложная, самоорганизующаяся психологическая система, открытая как в социум, так и в объективную (природную, физическую, "вещную" среду). Психическое рассматривается как то, что порождается, возникает в процессе функционирования психологических систем и обеспечивает их самоорганизацию и саморазвитие. Взаимопревращение противоположностей (субъективного и объективного) в процессе их взаимодействия, есть одновременно и производство, порождение психологической реальности, которая и становится предметом научного исследования. Такое изменение предмета науки является результатом закономерного движения ее в соответствии с внутренней тенденцией развития, насколько позволяет открыть ее историко-системный подход.

С нашей точки зрения, этот вариант системного подхода позволяет осуществить онтологизацию психологии, столь необходимую для превращения ее в практико-ориентированную науку. Тем самым обеспечивается выход исследователей к реальному пространству, обладающему качествами предметности, реальности и действительности. В этом пространстве человек живет и действует, его он формирует в ходе сменяющих друг друга деятельностей. Совокупность их и составляет образ жизни данного человека. Понятие "психика" конституирует эту системно организованную реальность. За психикой можно закрепить функцию обеспечения устойчивости человека как самоорганизующейся психологической системы. (Само)развитие системы есть основание ее устойчивого существования.

Человек как психологическая система включает в себя и субъективную компоненту (образ мира, составляющего для человека его действительность), и деятельностную компоненту (образ жизни человека в его действительности), и саму действительность - многомерный мир человека как онтологическое основание его жизни, определяющий сам образ жизни и определяемый ею.

Употребляя понятие "многомерный мир человека", необходимо оговорить одно важное обстоятельство. Многомерен "образ мира", т.е. результат его субъективного отражения, или многомерен сам мир человека? Вопрос этот крайне принципиален в связи с тем, что категория "образ мира", использованная А.Н. Леонтьевым в 1975 г., получила в последующем большое развитие. Отстаиваются разные точки зрения на указанную проблему. Наша собственная заключается в утверждении многомерного мира человека как реального образования, имеющего системную природу.

Любой образ, в том числе и образ мира, субъективен по определению - он является результатом отражения. Многомерный образ мира, следовательно, может быть только результатом отражения многомерного мира. Предположение о том, что мир человека имеет четыре измерения, а другие добавляются уже к образу, делая его многомерным, лишено всяких оснований. Прежде всего, трудно представить сам процесс привнесения новых измерений к возникшему образу. Кроме того, пропадет

главное: возможность объяснить механизм избирательности психического отражения. В том-то все и дело, что пятое, шестое, седьмое измерения (за которыми в той же последовательности стоят значения, смыслы и ценности) характеризуют предметы, включенные в мир человека, и являются качествами самих предметов. Это обеспечивает их отличие от бесконечной совокупности объективных явлений, одновременно с ними воздействующими на органы чувств человека, но не проникающих в сознание, определяя тем самым как содержание сознания в каждый момент времени, так и его ценностно-смысловую насыщенность. Напомним еще раз: сознание, "... которое создало бы все, ничего бы не создало ..." ¹⁰¹. И к этому просто нечего добавить.

Кроме того, именно эти измерения мира человека обеспечивают его предметность, превращение объектов, существующих вне и независимо от человека, в предметы, в вещи, имеющие для человека субъективную значимость, личностную отнесенность. Не случайно классическая психология игнорировала проблему реальности мира для человека, хотя психиатрическая практика всегда начинает с констатации того, насколько реалистично сознание человека, насколько он ориентируется в пространстве и времени, в котором он пребывает, понимает ли смысл и ценность того, что делает, принимает ли он нереальное (галлюцинации, бред и т.д.) за реальное, т.е. верит ли ему и подчиняет ли ему свое поведение. Для классической психологии проблемы реальности не существует. Считается, что реальность дается уже в ощущениях. Только психиатр знает, что нормально работающие органы чувств вовсе не гарантируют реалистического сознания и мышления.

Все их нарушения, с чего бы они не начинались, происходят "между" - в том многомерном мире человека, где сливается субъективное и объективное, порождая психологическое пространство, которое так сложно определить и закрепить адекватным понятием, способным уловить состоявшийся взаимопереход противоположностей и порождение особого слоя, где сознание и бытие выступает в нерасторжимом единстве и не имеют однозначных причинно-следственных связей - бытие в такой же степени определяет сознание, как и наоборот.

Отсутствие устоявшегося понятийного аппарата приводит к тому, что приходится каждый раз оговаривать индивидуальную определенность понятия "действительность", отличая ее от абстрактной "объективной действительности", или просто "'действительности", когда под ней понимают еще более абстрактную "объективную реальность". Действительность данного человека содержит в себе его собственную субъективность, "осевшую" на объектах и превратившую их в предметы, имеющие для человека значение, смысл, ценность. Объективное, как противостоящее субъективному, не несущее его на себе, не определяет действительность как пространство, в котором можно действовать. Оно не входит в многомерный мир личности именно потому, что не содержит в себе ни грана субъективности, без которой нельзя действовать, понимая ценность и смысл того, что ты делаешь в каждый момент времени. Здесь и открывается близость понятий "психика", "многомерный мир личности", "действительность данного человека".

Под психикой, таким образом, понимается совокупность явлений, выполняющих функцию системообразующего фактора в психологических системах, разрушение которого означает распад психологической системы на составляющие

ее элементы и исчезновение (или патологическую деформацию) мира человека (например, в форме аутизма).

Психика соотносима с порождением многомерного мира человека, представленного в совокупности его чувственных и сверхчувственных (системных) качеств. Это очень близко к тому пониманию психики, которого придерживался Л.С. Выготский. До сих пор не удалось увидеть анализа или аналитического цитирования одного фрагмента из самого известного методологического труда великого ученого. Психика "есть орган отбора, решето, процеживающее мир, и изменяющего так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль - не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущения), а в том, чтобы не всегда верно

102

отражать, т. е. субъективно искажать действительность в пользу организма". В этом плане многомерный мир человека и есть "субъективно искаженная объективная реальность".

Почему же столько лет этот фрагмент из книги Л.С. Выготского оказывался вне попыток научного анализа? Причин много, но главное все-таки в том, что такое понимание соответствует постнеклассическому этапу развития науки, который только наступает, а написан он был более 60 лет тому назад. Цитируемый фрагмент является вовсе не случайной "игрой ума" гения. Он настолько не соответствовал парадигме отражения, которая объединяла его современников в отношении понимания природы психического и определении предмета науки, что его едва ли можно было адекватно оценить. Ведь никто больше так прямо не ставил вопрос о сущности той реальности, которая располагается "между духом и материей", является "переходной формой", но которая только и может обеспечить избирательность психического отражения и его интенциональность (предметную отнесенность). В постклассической психологии, впрочем, как и в других науках, вступивших в эту фазу развития, уже нет сомнения в том, что только за счет субъективного искажения можно познать само объективное. Физики раньше психологов осознали принципиальную неустранимость субъективности из акта познания. Если бы они поняли, что именно системное устройство человека порождает эту "неустранимость", что у человека нет прямого выхода к миру "чистой объективности", более того, именно присутствие субъективного в объективном превращает последнее в предмет познания, обеспечивая движение познания, его направленность, то можно было бы предсказать и неизбежность появления в физике принципов соответствия, дополненности, неопределенности. Можно полагать, что постклассическая психология существенно изменит представление человека о самом себе как субъекте познания и деятельности, меняя облик других наук, представители которых до сих пор уверены в возможности познания абсолютной истины без привнесения в нее абстрактов собственной субъективности.

Итак, многомерный мир человека есть то, что располагается между субъективной и объективной реальностями, между "духом и материей". Мир каждого человека уникален и составляет то, что является собственно человеческим в человеке его самость, его существенную характеристику. Этот мир не рождается вместе с человеком - он им создается конструируется и, в конечном счете, человек таков, каков его мир. Суверенная личность отличается от других тем, что несет ответственность за его порядок и качество. Она способна самостоятельно, без посредников выходить к культуре и вычерпывать из нее основания для сохранения и развития своего многомерного мира, т. е. самой себя.

Есть строгая иерархия и субординация в становлении многомерного мира человека, возникновении системных качеств предметов, составляющих мир. Иными словами, субъективное проникает в объективное и оседает на нем в определенной последовательности, обеспечивая его новые измерения, а значит и новые уровни сознания. Развитие человека в онтогенезе и есть, с отстаиваемой точки зрения, последовательное "вдвижение" субъективного в объективное, совпадающее с этапами становления многомерного мира человека. Одновременно это продвижение означает и становление уровней сознания, которое до сих пор рассматривается как нечто, возникающее в своей законченной форме и развивающееся только количественно (прирост новых знаний о мире, новых отношений и т. д.). Конечно любое развитие можно определить как процесс производства необратимых новообразований. Однако сознание ребенка 3, 7, 12 лет - это качественно разные формы сознания, разные уровни развития его. Низшие уровни снимаются высшими, входят в них в качестве базальных оснований, обеспечивая преемственность всего движения. Мир человека получает новые измерения - сознание выходит на новый уровень и одновременно меняется образ жизни, становясь адекватным усложняющемуся миру и его осознанию. В этом движении совершенно невозможно различить причины и следствия. Все взаимообусловлено и пронизано прямыми и обратными связями, что однако не исключает возможность поиска и установления общего вектора развития (транспектива) который, на наш взгляд, проявляется в динамике становления многомерного мира личности, конкретизируется в нем.

Можно предполагать что на первой фазе онтогенеза, совпадающей с периодом развития от рождения до окончания школы, образ жизни человека детерминирован особенностями формирования многомерного мира и его образом, возникающим в сознании. Затем уже образ жизни будет задавать основные параметры образа мира. Молчаливое признание готовности человека к автономному самостоятельному осуществлению жизни, утверждение права человека на формирование собственного образа жизни закрепляет факт "аттестации" его на "зрелость" в виде получения документа о завершении образования - среднего, например. При всей относительности оценки самостоятельности человека в выборе образа жизни предполагается, что школа сформировала образ мира, более или менее, законченную картину мира, в котором предстоит жить человеку.

Если для человека мир еще не выступает как предметный, если он еще только формируется при участии других людей (родители, воспитатели, учителя), то сам образ жизни оказывается зависящим от того, как мир открывается человеку в своем предметном содержании. Ключ к сознанию ребенка лежит действительно в той картине мира, которая открывается ребенку по мере формирования его. Когда ребенок становится взрослым, он сам формирует образ жизни и теперь им определяется картина мира. Смена детерминации происходит в полном соответствии с библейским канонам: сначала было "слово", произнесенное взрослым, потом "дело", осуществленное самостоятельно.

Нет единого ключа к пониманию того, что есть сознание. Существуют разные уровни сознания, за которыми стоят разные по своей сложности (мерности) миры человека, закономерно сменяющие друг друга, что и требует поиска разных ключей к пониманию сознания, ибо речь идет о разных сознаниях, к которым нельзя подобрать один ключ. Вот почему становление многомерного мира человека и может быть понято как сущность онтогенеза. Онтогенез, следовательно, это не просто смена "ведущих видов деятельности" в силу непонятно откуда берущейся "сензитивности" к ним. За

сменой деятельностей скрывается практически не изученный процесс возвышения мерностей мира человека, качественно преобразующий сознание человека, делающий невозможным дальнейшее осуществление сложившегося образа жизни, перестающего соответствовать новому образу мира, что и заставляет перестраивать саму жизнь. Внешне этот процесс и выглядит как появление сензитивности - к игре, учению, труду.

Постоянное противоречие между образом жизни и качеством многомерного мира, перманентный дисбаланс между ними - вот где, с нашей точки зрения, лежит источник развития человека, движущая сила развития, превращающая его в упорядоченный процесс становления. В этом процессе поднимаются на новые уровни и сознание человека, и сам его многомерный мир (как основа сознания и его предпосылка). Вполне возможно, что этим определяется и зафиксированная в исследованиях надситуативная активность, конкретизирующаяся в эффектах выхода деятельности за пределы требований ситуации. Развивается, следовательно, не система психических процессов, ни деятельность как система, ни психика, как система психических процессов, свойств и состояний, а человек, как целостная психологическая система.

Тем, кто не может (или не хочет) увидеть системную взаимосвязь внутри процесса развития, то есть признать, что за пределы себя сегодняшнего выходит человек как целостная психологическая система, остается фиксировать либо смену ведущих деятельностей, либо новообразования психики, либо личностные новообразования. Каждый исследователь имеет право на свой взгляд и возможность использовать любую доступную ему методологию. Проблемы возникнут лишь при попытке интеграции представлений о развитии человека в онтогенезе - когда потребуется объединить сведения из психологии деятельности, психологии личности, психологии, основывающейся на понимании психического как процесса. Такая интеграция заранее обречена на провал. Многомерный мир человека, как единство "Я" и "не-Я", субъективного и объективного, психического и физического, т.е. подлинная действительность (человека) не может быть обнаружена в результате использования каких-либо интеграционных средств и приемов. Она с самого начала должна быть выделена как системное качество, невидимое для тех, кто занят исследованием подсистем, таких как личность, сознание, деятельность.

Безусловно, самое трудное заключается в выяснении того, каким образом противоположности сосуществуют в единстве, в новом качестве, возвышение которого определяет всю суть онтогенеза. Первая попытка такого уяснения была предпринята Э. Гуссерлем в его известной всем психологам феноменологии. Л.И. Воробьева считает феноменологию Э. Гуссерля "проходным эпизодом на пути преодоления классического субъект-объектного раздвоения. Вместо раздвоенности мы получаем нерасчлененность, феноменологическое слипание"¹⁰³. Действительно, "слипание", во-первых, несколько не облегчает понимание того, как же сосуществуют противоположности, оказавшись в единстве. Может быть, они перемешиваются так, что субъективное оказывается заключенным внутри объективного, скажем, между молекулами, из которых оно может состоять? Во-вторых, смущает "нерасчлененность", которая намекает именно на такое понимание. На мой взгляд, Э. Гуссерль вполне корректно считал, что реальность мира для человека надо искать там, где сосуществуют противоположности. Другое дело - понять, как осуществляется это их совместное бытие.

Как уже указывалось, в ТПС принято считать, что субъективное "оседает" на объективном в виде особых системных вневещественных качеств, превращая объекты в предметы, делая предметы носителями смыслов и ценностей, порождая тем самым многомерный мир человека. Последовательность становления этого мира есть обретение им все новых измерений, что и составляет сущность онтогенеза. Покажем хотя бы набросок этого движения и основные противоречия, обуславливающие его.

1. Пятимерный мир и предметное сознание

А.Н. Леонтьев первый обратил внимание на то, что животные живут в четырехмерном мире (трехмерное пространство и время). "Возвращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие - понятие о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это - "смысловое поле", система значений". Если вчитаться в текст, то станет ясно, что А.Н. Леонтьев, обычно строго разводя понятия "значения" и "смысл", употребляет их как рядоположенные, но из контекста следует, что в данном случае он имеет в виду, скорее значение: «... когда я воспринимаю предмет, то я воспринимаю его не только в пространственных измерениях и во времени, но и в его значении ... воспринимаю не форму (*часов - В.К*), а предмет, который есть часы»¹⁰⁴.

Развитие ребенка от рождения до 2.5-3 лет совпадает с процессом порождения пятимерного мира в нем. Это порождение предметного мира и составляет суть самого развития. В момент рождения ребенок изолирован от значений, т.е. понятий, которыми люди данной культуры обозначают предметы. В момент рождения ребенка культура - как то, где пребывают значения, прежде чем они станут достоянием человека, то есть будут им персонифицированы, существует автономно от ребенка. Она не доступна для него, не тождественна ему и он не может взаимодействовать с ней один на один. В такой же мере ребенок изолирован от предметного мира, в котором живут взрослые, а своего предметного мира у него пока нет. Надо ли задавать вопрос, почему ребенок не помнит первые 2-3 года своей жизни? Если нет мира, который можно запомнить, если нет "Я", которое может запомнить - а его нет, и не может быть без "не-Я", то запоминание первых лет жизни - это не проблема психологических особенностей памяти в этом возрасте, не проблема "детской амнезии", а проблема формирования предметного мира и предметного сознания.

Что видит ребенок? В первое время ничего. "Человек смотрит на мир глазами родного языка", - говорили неогумбольдтианцы. Можно с ними соглашаться, или нет, но прав Л.С. Выготский, утверждая, что «значения превращают ощущения в вещи... возникновение предметного сознания непосредственно связано со значениями»¹⁰⁵. От значений ребенок изолирован; в такой же степени он изолирован от мира вещей, предметов.

Предметное сознание является первым уровнем в его развитии, соответствующему формирующемуся пятимерному миру. Свет, отражаясь от предметов, несет информацию о них и граница между предметами и человеком устанавливается не на предметах, а на сетчатке глаза. Вот это и есть то, на что указывал Л.С. Выготский - глаз, который видит все, не видит ничего. Феномен предметности заключается в том, что граница между человеком и предметом устанавливается на предмете, и это является важнейшим условием для того, чтобы стало возможным его восприятие .

Легко говорить о границе, которая перемещается от глаза (и другого органа чувств) на предмет. У ребенка первые три года жизни уйдут на освоение этого перехода. Ведь на самом деле это и есть первое проявление многомерного мира человека, пусть еще и не обладающего признаками реальности и действительности, но уже вобравшего в себя тот самый "дух", который вышел за пределы тела и "осел" на предмете, коснувшись его. Если собственно человеческое начинает заполнять пространство вокруг человека как телесного существа, если возникает продолженность человека в мир, без которой он так и не станет миром человека, значит "очеловечивается" и само пространство, возникая на пересечении субъективных и объективных измерений.

Два условия необходимы для такого перемещения субъективного на границу с предметом. Это культура - где хранится и аккумулируется опыт человечества, в том числе и значения как часть этого опыта. Затем это взрослый - через которого осуществляется выход в культуру, и который единственно может связать ощущения, получаемые ребенком от предмета, со словом, обозначающим предмет, выделяя его этим самым из всего остального. Минимум четыре фактора должны совпасть для того, чтобы граница между человеком и миром сместилась от органа чувств к предмету, и возникли феномены предметного мира и предметного сознания.

1. Собственные движения ребенка, посредством которых идет освоение жизненного пространства и приходит ощущение того, что вокруг есть "нечто". Нельзя пеленать ("связывать") ребенка, не рискуя задержать темп развития его сознания.

2. Нормальные органы чувств, каналы связи с внешним миром, пусть пока и переполненные информацией, рождающей какофонию ощущений, идущих от этого "нечто". Первое и второе вместе могут означать сенсорно-моторный уровень сознания.

3. Взрослый, указывающий своим жестом на что-то определенное из всего объема "нечто".

4. Культура, из которой взрослый выбирает слово, которым и локализует совокупность ощущений в предмет, обозначаемый словом и жестом. Так из неопределенного и диффузного "нечто" возникает определенное и вполне предметное "что-то".

Госпитализмом обычно называют болезнь, возникающую при отсутствии контактов ребенка со взрослым или снижении интенсивности общения между ними. Можно полагать, что госпитализм, на самом деле, есть отсутствие двух последних факторов, из приведенных выше. Это не болезнь, вызванная дефицитом общения ребенка со взрослым, недостатком "человеческого тепла" и т.д. Скорее это проявление невозможности родившегося нормальным ребенка стать человеком, которую он не может пережить. Зарождающийся "дух" не может покинуть пределы тела, остается в нем и умирает, так и не заполнив собой пространство между человеком и "объективной реальностью". В результате остаются человек, не имеющий продолжения в мир, и "мир", не ставший миром человека. Здесь не может возникнуть сознание, оно и не возникает.

Каждым словом и жестом участвуя в порождении пятимерного мира предметного жизненного пространства ребенка, взрослый участвует в одновременно идущем в нем процессе разделения "Я" от "не-Я". К трем годам обычно завершается этот процесс, и ребенок оказывается в критической ситуации: есть мир, наполненный предметами, связанными в некоторую простейшую систему, есть "Я", которое присутствует в этом мире, но жить в этом мире невозможно без взрослого. С одной стороны: "Я сам!", с другой стороны, ребенок не может действовать избирательно, без чего

самостоятельность невозможна. К нему как бы сами собой являются предметы, имеющие значение, т.е. категоризируемые словом, но не имеющие смысла. Смыслами владеют взрослые. Они "смотрят" на мир не только глазами родного языка, но и глазами потребности и возможности. У взрослых смысл предмета проталкивает в сознание и сам предмет. У ребенка предмет появляется сам собой, как результат категоризации.

Примерно с трех лет предметное сознание становится смысловым. Это не означает, что до сих пор ребенок не овладевал смыслами, и ничто в его пятимерном мире не становилось шестимерным. Количественный прирост предметов привел к новому качеству - предметный мир возник уже не как мозаика из разрозненных предметов, а как система, центром которой является "Я". Кризис трех лет возникает как противоречие между сложившимся за три года образом жизни, заключающемся в выполнении действий, регламентируемых взрослыми, и появившемся "Я", которое требует определенной независимости от них, но еще неспособно на самостоятельность. Переход сознания от предметного к смысловому, детерминирован тем, что предметный мир ребенка еще не переживается как реальность, т.е. в своей отнесенности к "Я", а значит и не может обеспечить ту степень суверенности, на которую "Я" претендует.

2. Шестимерный мир и смысловое сознание

107

"Значение приводит к возникновению осмысленной картины мира" . Конечно, это так. Но значения приводят сначала к предметной картине, смысл которой, так же как и ее деталей, во многом остается непонятным для ребенка. В другом месте Л.С. Выготский отмечал, что задача объяснить происхождение и возникновение осмысленности является "труднейшей из всех, перед которыми когда-либо стояли психологи-исследователи"¹⁰⁸ . С нашей точки зрения, *смысловая картина мира может возникнуть в сознании, превращая его в осмысленное сознание, если сам мир ребенка станет смысловым.* Смыслы являются особыми качествами предметов, системными и вневещественными. Возникая как качества предметов, они становятся шестым измерением их, делая сам мир ребенка шестимерным. *Без значений нет предметов, без смыслов предметный мир не может стать реальностью,* переживаемой как нечто соответствующее актуальным потребностям и возможностям ребенка. Никакая избирательность поведения и деятельности невозможна без смыслов. Настоящая деятельность совершается тогда, когда человек понимает смысл и ценность своих действий. До сих пор его поведение удерживали и направляли установки, превратившиеся в поведенческие стереотипы, либо прямые установки родителей, вообще взрослых.

Когда А.Н. Леонтьев заметил, что смыслы это "высшая математика" психологии¹⁰⁹, он был не так уж не прав. Смыслы не существуют без предметов, которые и являются их носителями. Смысл без предмета - это бессмыслица. Смыслы представляют человека, его потребности (желания, хотения, стремления и т.д.) в предмете, и являются поэтому самыми яркими демонстраторами того, как может субъективное исказить объективное, позволяя человеку избирательно взаимодействовать с объективной реальностью.

Эмоции обеспечивают прохождение в сознание тех предметов мира, которые имеют для человека ценность и смысл. Это и есть решение проблемы, каким образом человек видит то, что ему надо, но так как оно есть (без него.) Здесь легко углядеть

Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т.1. с 278.

Там же, с. 267.

Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.1994.

не только один из вариантов решения проблемы единства аффекта и интеллекта, поставленной еще Л.С. Выготским, но и увидеть в эмоциях механизм, обеспечивающий устойчивость многомерного мира человека. *Когда сознание отделяет "мир" и "Я", эмоции продолжают удерживать их неразрывную связь и единство.*

В основе перехода ребенка от предметного сознания к смысловому, лежит его собственная деятельность и деятельность посредников (взрослых), продолжающих устанавливать мост между ребенком и культурой.

1). Ребенок в определенных случаях может самостоятельно выходить к смыслам предметов путем решения задач "на смысл". С решением таких задач может быть связана внешне кажущаяся бессмысленной манипулятивная деятельность с предметом. Часть таких задач решает ребенок в игровой деятельности. Прямое решение подобных задач осуществляется в процессах мышления, доступного ребенку.

2) Ребенок может приписывать такой смысл предметам, которого они не имеют, или не был открыт им ранее. В последнем случае он просто угадывает смысл. Такое приписывание смысла напоминает процессы мифологизации, однако необходимо оценить и его крайне важное значение. Обретая смысл, предмет, существовавший до этого "в себе и для себя" открывается для ребенка как некая реальность, существующего "для него". И здесь ребенок не только играет с палочкой "как с конем", он переживает ее как реального коня, хотя с возрастом все более осознает мнимость этой ситуации, ее условный характер. Это не просто воображение ребенка, которое выдают иногда чуть ли не за способ жизни, за ведущее новообразование возраста от 3 до 7 лет. Это - один из способов конструирования шестимерного мира ребенком. Для того, чтобы в нем можно было реально жить, а не просто наблюдать себя в предметном мире, назначение вещей в котором понятно только взрослым.

3). Наконец, ребенок может задавать вопросы взрослым, что и происходит в виде бесконечных "почему?" и "зачем?" Л.С. Выготский отмечал, что уже первые вопросы ребенка никогда не являются вопросами о названии предметов, это всегда вопросы о смысле предметов. Другое дело, что взрослые не всегда это понимают, зачастую доводя ситуацию до конфликта.

В своих последних работах В.П. Зинченко отразил еще один аспект, важный для понимания механизмов становления смыслового сознания и многомерного мира человека, как его ближайшего основания. Прежде чем проявиться в аффективно-смысловой форме, смысл существует в культуре в своей идеальной форме. Выход к культуре через взрослого - это не просто ознакомление ребенка с ней, не просто трансляция человеческого опыта. Культура трансформируется в многомерный мир личности.

Таким образом, шестимерный мир ребенка - это не семимерный мир взрослого, к которому адаптируется ребенок. Это совершенно другой мир, предполагающий и другое сознание. С этим фактом надо считаться, употребляя понятия "адаптация", "усвоение", "социализация", "воспитание".

Шестимерный мир и связанное с ним смысловое сознание являются неустойчивыми образованиями. Нечто, имеющее смысл, т.е. открывающееся человеку как необходимое ему, способное удовлетворить потребность, выходит из фона и, в результате удовлетворения потребностей и желаний, возвращается в него. Конечно, предметный мир уже обретает здесь такое важное качество как реальность, но это еще не действительность - устойчивая во времени структура. В ценностном мире взрослых вещи, предметы, не исчезают после удовлетворения индивидуальных потребностей в них - они осознаются в своей отнесенности к другим людям, имеющим аналогичные

потребности, к тем, кто произвел эти предметы, к себе самому, который будет нуждаться в них завтра.

Первоначально понятие "ценность" было призвано закрепить противопоставление сферы нравственности (субъективные воля, свобода, совесть и т.д.) сфере объективно сущего (И.Кант). Мир должного и мир сущего до сих пор остаются противоположностями в сознании многих ученых, представляющих разные науки. Системное мышление преодолевает противоположение субъективной и объективной реальностей, переводя науки в постклассическую стадию развития.

Сферы должного и сущего сливаются, порождая новую реальность, но только в такой реальности и можно действовать, понимая смысл и ценность того, что делаешь. "Конструирование миров" превращается в педагогическую проблему, столь же существенно преобразуя традиционные представления об образовании, развитии, обучении и воспитании человека (А.Г.Асмолов, А.А.Вербицкий, В.В.Рубцов и др.).

По своему происхождению ценности надличностны, надиндивидуальны, закреплены в культуре и существуют в ней в своей идеальной форме. Превращение ценностей из идеальной формы в аффективно-смысловую, индивидуально-личностную составляющую жизненного мира конкретного человека, его особое измерение - вот что, с нашей точки зрения, и представляет суть процесса нравственного воспитания. От того, как воспитатель понимает процесс перехода ценностей из идеальной формы в личностные ценности, зависит вся система нравственного воспитания. Считается, что ценности можно "усваивать", "транслировать", "познавать", "передавать новому поколению" и т.д. Общим знаменателем для всех систем традиционного воспитания можно считать сведение ценностей к знаниям о них, что и позволяет обращаться с ними как с любым знанием, которое и должно быть "усвоено", "передано", "понято".

В рамках новой парадигмы можно утверждать, что ценности не усваиваются, они трансформируются в одно из измерений многомерного мира, превращая его в жизненный мир человека - подлинное пространство жизни. Переходя из своей надличной, идеальной формы, ценности обнаруживают себя в структуре жизненного мира как особое внечувственное качество предметов и явлений, составляющих жизненный мир. Это и обеспечивает устойчивость его во времени, стабильность, которую не могут обеспечить индивидуальные смыслы, формирующиеся в ответ на ситуативно актуализирующиеся потребности.

Ценности, с этой точки зрения, превращают жизненный мир личности в действительность - устойчивое, переживаемое как реальность, т.е. существующее "здесь и сейчас" пространство, сближающее человека с другими людьми в силу определенной тождественности их миров, которая определяется единым источником, из которого вычерпываются ценности. Этим источником является культура как совокупный общественный продукт исторического развития цивилизации.

Процесс перехода ценностей из индивидуальной формы в личностную можно назвать персонификацией, включая в это понятие как сам процесс порождения жизненного мира, так и констатацию его уникальности, неповторимости и, одновременно, относительной тождественности другим мирам, что и позволяет говорить об устойчивости не только мира индивида, но и групп, наций, стран и всего человеческого сообщества.

Обучение и воспитание, опирающиеся на рациональное "усвоение" - безразлично знаний или ценностей, не может быть ни гуманистическим, ни эффективным, поскольку не соответствуют системной природе человека как явления продленного в

мир, и формирующего через эту продленность свое жизненное пространство в котором (и через которое) происходит его самоосуществление.

Нечто внешнее для ребенка, становясь носителем ценностей и смысла, "вписывается" в образ мира, расширяя жизненное пространство. Исследуя закономерности формирования жизненного мира личности, мы пришли к выводу, что "системный и смысловой характер сознания" (Л.С.Выготский) может быть только тогда, когда системный и смысловой характер имеет само жизненное пространство. Проходя через кризисы развития, ребенок строит свою реальность, свою действительность. Кризисы развития являются закономерным проявлением противоречий между качеством жизненного мира, обретающим в ходе развития новые измерения (значение, смысл, ценность) и сложившимся образом жизни, который перестает соответствовать усложняющемуся жизненному пространству.

По всем данным, кризис перехода к ценностному сознанию приходится на предпубертативный возраст. В районе 11,5 -12 лет мир ребенка превращается в достаточно устойчивую "действительность". С этого момента актуализируется потребность в самореализации, саморазвитии. Ребенок начинает отражать не только мир как совокупность предметов, не только мир по отношению к себе, своим напряженным потребностям, но и "себя в мире", свои возможности, спроектированные в предмет и впервые по-настоящему осознает не только "хочу!", но и "могу!". *Ценность - как системное качество - это "напряженная возможность"*. Современная школа пока плохо удовлетворяет потребность ребенка в самореализации (которая еще и растет по мере суверенизации личности). Поэтому, как было показано выше, ребенок теряет чувствительность к учению.

Скоро к разрешению противоречий между "хочу" и "могу" подключится и мышление. Решение задач "на смысл", задач "на ценность" - таково основное предназначение мышления, если понимать его как проявление творчества, направленного на созидание себя или сохранения себя как целостности в случае глубинного расхождения между образом жизни и образом мира.

Вместе с тем сознание привносит и раскол в человека: мы не можем до конца осознать основания своей внутренней противоречивости. Отождествив сознание с мышлением, подчинив мышление сознанию в качестве его атрибута, мы уже сами не осознаем тот раскол, который возник в нас из-за этого отождествления. И, не осознавая внутреннюю природу этого раскола, но, тем не менее, желая остаться внутренне непротиворечивыми, мы создали границу между миром и собой, между объективной реальностью и реальностью субъективной, породив тем самым дуальные оппозиции «внутреннее - внешнее», «объективное - субъективное», «Я - не-Я», «психическое - физическое».

Причем, обозначив эти границы, мы тут же поверили в их объективное (в контексте «на самом деле») существование, назвав «противоположностями» то, что разделяет граница. После этого мы получили громадный опыт решения проблемы отношения между противоположностями (Дух и Материя, Сознание и Бытие, Сознание и Материя и т.д.), придав этой проблеме статус чуть ли не главной (и вечной) проблемы философии. Теперь нам, обогатившим этим опытом, очень трудно пересмотреть свои позиции и согласиться с тем, что эта проблем инициирована не объективным противостоянием двух начал, а целиком и полностью фундирована противостоянием между нашим сознанием и нашим же мышлением.

Сознание порождает дуализмы, мышление стремится их преодолевать. Сознание все время апеллирует к рассудку, к самоочевидности и тем самым восстанавливает то,

что разрушает теоретическое мышление - оно реконструирует границу между Я и не-Я, внутренним и внешним, субъективным и объективным, психическим и физическим и в этом есть не только обыденный резон, но и высший смысл. Перманентно пребывая во внешнем - для того, чтобы вычерпывать из него то, что человек считает в нем своим, поскольку не может без этого обеспечить собственную устойчивость, внутреннюю упорядоченность, человек должен остаться человеком, удержать свое Я, как бы оно не преобразовывалось в этих взаимодействиях с не-Я, как бы оно не обогащалось, принимая его в себя.

Если понять сознание не более как способность человека видеть мир в его отделенности от себя, т.е. не более как то, что обеспечивает эффект присутствия человека в мире, то многое упростится. В отсутствии человека как центрирующего фактора в философии и психологии, мы возложили на сознание слишком много функций, превратив в орган, который в человеке живет и работает вместо него - творит мир, строит гипотезы, проверяет их, даже волнуется (сознание как отношение). Но сознает не сознание, а человек, и мыслит человек, а не мышление в нем. Сознание необходимо, поскольку, не выделив себя из мира, нельзя сделать мир предметом познания и преобразования. В какой-то период становления человека для него очень важно было встать над предметом, рядом с предметом и, взяв в руки линейку и часы (электронный микроскоп, хронометр и т.д.), заняться его «объективным исследованием». Вместе с тем, заняв такую позицию, человек частично «потерял себя»: получив возможность видеть мир отдельно от себя, он уже с трудом мог разглядеть «себя в мире». Вот почему гегелевское «в мире нахожу себя» не было воспринято в начале 19 века, франкловское «путь человека к себе лежит через мир» (середина века 20-го) до сих пор расшифровывается скорее метафорически, чем содержательно. Что же касается заявления Л.С. Выготского о том, что психика не отражает объективную реальность, а субъективно искажает ее, то оно до сих пор ждет своего анализа. Заблокированное дихотомией субъективного и объективного, профессиональное мышление эту заявку просто не замечает.

Транспективный анализ предполагает объективацию того переходного слоя, который закрыт для сознания, поскольку оно само берет в нем свой начало. Мышление способно преодолевать эту границу только потому, что оно является не функцией сознания, а деятельностью человека, обладающего сознанием, причем, человеком достаточно развитым для того, чтобы поставить проблему проникновения в сущность собственного системного устройства. Сегодня становится понятным, что преодолевать эти границы необходимо одновременно как во временном, так и в пространственном плане. Накопившиеся дуальности можно снять только хромотопически ориентированным эволюционным анализом, причем не одну дуальность за другой, а только все вместе. Дуальные оппозиции порождены нашим сознанием и до тех пор, пока они продолжают определять параметры нашего мышления, они будут оставаться показателем его несовершенства.

4.5. Психологические основания онтопедагогики

Станет ли когда-либо педагогика теорией и практикой формирования ментального пространства человека, ценностно-смысловых составляющих его жизненного пространства, т.е. онтопедагогикой? Попытаемся поискать ответ на этот вопрос, полагая, что и в педагогике можно обнаружить все ту же стадийность, ту же

тенденциональность движения педагогической мысли - классицизм, неклассицизм, постнеклассицизм.

«В классической педагогике, - пишет М.К. Мамардашвили, - а она лишь частный элемент общего классического стиля мышления, фактически предполагается некоторая привилегированная (и в этом смысле - единая и абсолютная) система отсчета, такая, что перенос знания из любой точки пространства и времени в любую другую точку пространства и времени (в том числе из одной головы - в другую в обучении и усвоении) покоится на реконструкции или воссоздании одного единого (или самождественного) субъекта по всем точкам этого поля. Это означает, что везде происходит "то же самое"¹¹⁰.

Педагоги отмечают, что некоторые тенденции уже проявились достаточно выражено. В частности, указывают на гуманитаризацию образования как проявление внутренней тенденции развития современно педагогической науки и практики¹¹¹. Учитывая, что подобную тенденцию выделяют и в сфере психологического познания и психологической практике, имеет смысл более глубоко всмотреться в саму суть процессов, происходящих в этих двух гуманитарных сферах.

Выше я попытался показать, что в течении XX века формы мышления ученых, работающих в психологии, закономерно менялись. Сегодня в актуальном использовании ученых находятся минимум три формы мышления, определяющие качества базирующихся на них парадигм (и их объяснительный потенциал). Чем выше форма мышления, тем разительней отличается картина мира, открываемая с более высоких вершин. Подняться на вершину (сменить призму видения) означает сменить форму мышления. В противном случае, «смотреть» с вершины вовсе не будет означать «увидеть» с нее что-то другое, кроме того, к чему привык глаз.

Оценивая состояние современной психологии можно отметить, что внутренние тенденции развития науки поставили психологов перед проблемой очередной смены формы мышления. Если раньше эти тенденции развития науки могла действовать «через человека», будучи неосознаваемыми детерминантами его научных поисков, то сегодня человек оказывается в ситуации выбора. Альтернатив здесь не очень много: или тенденция пройдет сквозь человека, используя его «в темную», или человек возьмет на себя труд отразить тенденцию и сознательно начнет сообразовывать с ней свои действия и свое мышление.

Замечу еще раз, что внутренняя тенденция развития науки - не рок, подчиняющий и обязывающий, а скорее градиент - направление, которое можно выделить в пространстве внешне никуда не направленных деяний работников науки, каждый из которых реализует свое понимание того, что составляет дело его жизни. Именно это позволяет каждому реализовывать свой уровень мышления и отстаивать право на собственное видение проблем. Более того, только благодаря совокупной деятельности многих работников науки и рождается тенденция - как общий знаменатель их труда, как совокупный продукт, через который намечаются контуры все более системно определяемого предмета науки, которой они занимаются. Есть определенные козыри у тех, кто сможет вскрыть тенденцию: он получает в свои руки критерии оценок для прогностической экспертизы собственных и чужих научных проектов.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности - Тбилиси, Мецниереба, 1984,

с.11.

¹¹¹ Сенько Ю.В. Гуманитарные основы педагогического образования. М., АСЛБЕМА, 2000.

Мне представляется, что потребность в гуманизации и гуманитаризации образования можно понять и как реакцию на общую демократизацию жизни, и как внутреннюю тенденцию развития мирового образовательного процесса. Дело в том, что образование, опирающееся на представление о психике и сознании как «отражении реальности», ставшее парадигмой, т.е. тем, что определяет мышление работников образования, исчерпало все возможности остаться гуманным. Сформулирую этот тезис предельно остро. *Никакая образовательная модель или педагогическая технология, основывающаяся на этой парадигме, гуманной быть не может.* Она не может быть гуманной потому, что в принципе не отвечает тому, что мы сегодня знаем о сознании, о закономерностях его становления, а значит и природе человека как таковой. Понять закономерности человекообразования и функционирования человеческого в человеке и сообразовать с ними все социальные формы, в том числе и систему образования - в этом, на мой взгляд, и заключается гуманитаризация образовательной системы. .

Итак, никакая образовательная модель или педагогическая технология, основывающаяся на парадигме отражения, гуманной быть не может потому, что эта парадигма изначально предполагает такие показатели воспринимаемого человеком мира как предметность, реальность и действительность параметрами самой «объективной реальности», действующей на органы чувств и через них проникающей в сознание человека. В парадигме отражения человек просто *воспроизводит* «реальную действительность» противостоящего ему мира. Он *не порождает* свой мир как предметную реальность, как действительность, размеченную субъективными координатами (значениями, смыслами, ценностями), только благодаря которым человек и получает возможность осмысленного и ответственного поведения. Парадигма отражения практически не учитывает роль культуры в становлении многомерного мира человека как ценностно-смыслового поля, *«открытого пространства жизни»*. Она диктует взгляд на мир как *«пространство для жизни»*, которое надо «освоить» путем усвоения знаний и вообще «опыта», накопленного человечеством, включая умения, навыки, способы мышления и т.д., которые надо уметь воспроизводить.

С моей точки зрения, гуманизация образования возможна только в том случае, если образовательные модели *выйдут за пределы концепции воспроизведения*. Мера выхода за эти пределы означает степень их гуманитаризации. Никакие ссылки на личностно-ориентированный подход, который должна реализовать педагогическая технология, никакие указания на субъект-субъектную парадигму, которую она якобы реализует, никакие апелляции к активности познающего субъекта - даже с использованием понятий "самоактуализация", "самореализация", не могут убедить в гуманистическом (и гуманитарном) характере применяемой технологии. Важно установить, что она предлагает вместо концепции воспроизведения. Если ничего - то это традиционная воспроизводящая (трансляционная) технология, может быть и более эффективная на фоне подобных - более «развивающая», «формирующая», «свободная» и т.д., но трансляционная.

Если окинуть взором все существующее сегодня пространство образовательных моделей, включая в него и те их них, которые отошли на второй план, то легко заметить, что в основном это поле представлено подобными воспроизводящими моделями и технологиями. Каковы критерии отнесения той или иной образовательной модели к воспроизводящей? Общим показателем, с нашей точки зрения, является обозначенная в данной модели ее направленность, предназначение, цель. Если в качестве таковых подразумевается *«трансляция»* (опыта человечества), *«усвоение»* и *«воспроизведение»* исторически сложившихся норм, ценностей, смыслов бытия,

способов деятельности, «присвоение» их и т.п., то можно с большой долей уверенности предполагать воспроизводящий характер образовательной модели. Даже если авторы и пользователи считают свою модель «свободной», "оптимизирующей", "активизирующей", "формирующей", «развивающей» и т.д.

Ограничив образовательную модель или педагогическую технологию целевой характеристикой ("отображение", "воспроизведение"), далее уже не очень существенно то, что еще предполагает или может делать эта модель. Взаимоотношение между человеком и культурой (а именно о ней чаще всего идет речь, когда говорится о "трансляции", "усвоении", "присвоении") все равно будет пассивно-страдательным - для человека, прежде всего. Фактически эта реализация ламарксистских взглядов на причину эволюционных процессов - в данном случае, применительно к эволюции культуры. Живая природа, даже не включая в нее человека, вовсе не обречена на пассивное воспроизведение окружающей среды. Что же касается человека, то его исключительное предназначение, заключающееся не в приспособлении к среде, а в творчестве, созидании, преобразовании среды, вообще не может реализоваться, если обучение, воспитание и развитие человека происходит под эгидой "воспроизведения". И если культура эволюционирует а люди творят, то это происходит иногда не благодаря образовательной модели, а вопреки ей.

Воспроизводящие образовательные технологии можно понять как отражение менталитета исторической эпохи, в которой они возникли, свойственного ей миропонимания, из которого вытекает стиль и форма педагогического и психологического мышления. С этой точки зрения, они есть и отражение общего уровня сознания и самосознания, адекватного данной исторической эпохе. Несмотря на внешне глубокую методологию и сложность теоретических построений, свойственную некоторым из них, воспроизводящие образовательные модели глубоко эмпиричны. За всей внешней сложностью в них скрывается очень простая, самоочевидная и каждый момент времени подтверждаемая идея разделенности всего мира на объективную и субъективную реальности, "Я" и "не - Я". Именно это самоочевидное *разделение* мира на две противоположности ставит проблему отображения одной из них в другой, проблему *воспроизведения* психикой, сознанием того, что противостоит человеку. Если бы самоочевидное было бы еще и истинным, не было бы нужды ни в науках, ни в теоретическом мышлении. Рассудок исправно показывает нам наличие двух реальностей, рассудочное мышление педагога занято поисками организации процесса воспроизведения в субъективной реальности объективных реалий. Педагогам, да и многим психологам еще предстоит пережить фазу отказа от самоочевидного в пользу познания сущности, скрытой от восприятия. Л.С. Выготский предупреждал в свое время, что "...выход научного познания за пределы восприятия коренится в самой психологической сущности познания"¹¹².

Скрытый идеал образования - суверенный человек. Человек, понимающий смысл и ценность того, что он делает и способный сам (без посредников - родителей и учителей) строить и перестраивать свой образ мира и образ жизни, вычерпывать из природного мира и мира культуры то, что необходимо ему для этого перманентного и постоянного самостановления, а если надо, и самовосстановления. Любое образование - семейное, школьное и т.д., можно понять как постоянно идущий процесс суверенизации, совпадающий со становлением многомерного мира данного человека, обладающего всей полнотой ценностно-смысловых координат, позволяющих человеку

активное и избирательное суверенное поведение. К пониманию законов становления суверенного человека выводит «второй путь», который наметился в психологии давно, но только сейчас поставил исследователей перед проблемой принятия решения - выбора парадигмы (пути). Выделение новой психологической реальности, которую можно определить как «многомерный мир человека», меняет аксиологические рамки педагогики.

Одним из первых о возможности «новой педагогики» заговорил С.Л. Рубинштейн. Еще в 1922 году он писал: "Личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет, и чем завершено этот последний, тем более завершённой является она сама. Одним и тем же актом творческой самодеятельности создавая и его и себя, личность создается и определяется, лишь включаясь в ее объемлющее целое"¹¹³. Постепенно представления о жизненном мире человека складывались в психологии через понятия «смысловое поле», «жизненное пространство», «трансубъектное пространство» в работах Л.С.Выготского, К.Левина, Д.Н.Узнадзе, Г.Олпорта и др. Однако они не выступали для теории и практики образования в качестве значимого знания, тем более такого, которое может повлиять на определение его целей и содержания. Сегодня ситуация меняется: но вот вопрос который задает себе сегодня директор института психологии РАО В.В.Рубцов. «Как сотворяет ребенок для себя Мир (не как заданный, не как данный, а как созданный)? Вот это для меня очень серьезный вопрос, на который я пока не имею ответа. Но я работаю в этом направлении. Поэтому понятие среды для меня имеет свою специфику: это есть такой мир деятельности общения, жизни ребенка, при котором он создает мир»¹¹⁴.

Можно доказать, что внутренняя тенденция развития педагогической мысли приводит к представлениям о такой педагогике, которая сделает своей задачей не трансляцию ЗУНов, не «усвоение» смыслов и общественно значимых ценностей, а создание условий для становления «витальной онтологии» (С.Л.Рубинштейн) или того, что я называю «многомерным миром человека». Только такой «субъективно-объективный» мир может стать основанием для возникновения системных, ценностных и смысловых характеристик сознания суверенного человека. Педагогику, которая поставит своей целью формирование таких условий, в которых ученик не просто получает знание о мире, но, опираясь на знания, формирует «мир в себе», можно определить как «онтопедагогику».

Исходную позицию, представленную традиционной, а лучше бы сказать классической педагогикой, формировавшейся в течении трех столетий на этапе индустриализации общества, мы уже выделили выше. В ней учителю отводилась роль транслятора культуры, "передатчика" знаний, а ученику пассивно-страдательного ее "усваивателя". Такое обучение всегда было принудительным, а не свободным.

Вторая позиция учителя в системе "культура - учитель - ученик" стала формироваться с середины XX века под воздействием неклассицизма, проявившимся, в частности, в гуманистической психологии (К.Роджерс, А.Маслоу и др.). Учитель выступил в функции фасилитатора, т.е. человека стимулирующего (от англ. *facilitate* - облегчать, помогать, способствовать) *осмысленное учение*. Фасилитативная, личностно-

¹¹³ Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности. (К философским основам современной педагогики). Вопросы психологии, № 4,1986, с. 106.

¹¹⁴ Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. Москва-Воронеж,1996, с.370.

центрированная педагогика, которая должна была реализовать идею осмысленного учения, возникла как результат переноса в область обучения и воспитания школьников гуманистических практик личностно-центрированной психотерапии взрослых. Это фактически сняло проблему развития личности в онтогенезе, а вместе с ней и проблемы сообразования педагогических воздействий с психологическими закономерностями и условиями развития ребенка, учета стадий, этапов и критических точек в становлении сознания личности. Тем не менее, личностно-центрированная педагогика, распространившаяся по всему миру (известная у нас как личностно-ориентированное обучение, педагогика поддержки) способствовала изменению профессионально-педагогического мышления.

Третья позиция была заявлена в виде «смысловой педагогики»¹¹⁵. Упор здесь переносится со знаний на то, какой образ мира, какую картину мира эти знания порождают. Школа должна заботиться о том, чтобы картина мира была целостной и смысловой. Если вспомнить слова С.Л.Выготского о том, что сознание человека обладает системными и смысловыми характеристиками, то даже намек на возможность создания педагогики, ориентированной на формирование именно таких характеристик сознания, должен был бы вызвать особый профессиональный интерес к смысловой педагогике, но этого не произошло. На мой взгляд, тут сработало много разных факторов, но основной из них в том, что само понятие «смысл» для большинства педагогов воспринимается не как научная категория, а как житейски общепонятная.

Для того, чтобы осмыслить ее истинную глубину, необходимо мышление высшего уровня системности - постнекласическое, транспективное. Сравните житейское понимание смысла с тем, что вкладывал в него, например, А.Н.Леонтьев: *«Проблема смысла и есть проблема сознания. Она относится не к области «арифметики» психологии, но к области «высшей математики» ее. Это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике, так же как понятие личности венчает всю систему психологии. Мы называем деятельность, действие осмысленными. Нельзя, действительно, понять до конца деятельность прежде, чем не будет понято, что такое смысл..»*¹¹⁶. Я выделил цитату целиком - в ней нет ни одного лишнего слова. Мой личный опыт работы с учителями позволяет мне судить о том, насколько трудно поднять учителя к пониманию «высшей математики» психологии. Для этого учитель иногда с первой формы мышления должен подняться к третьей, причем никто его поднять на этот уровень не сможет, если он сам не пройдет этот путь. Далее в этой же книге А.Н.Леонтьев скажет о том, что смысл есть категория «субъективно-объективная». Мыслить такими категориями не просто трудно. Трудно осмыслить саму категорию, референтом для которой выступает качество предмета, которое представляет в предмете самого субъекта, не знающего о своей продленности в него. Но, только осмыслив все это, учитель окажется способным работать над становлением смысловых полей своих учеников. Вернемся еще раз к М.К. Мамардашвили. «Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна только тогда, когда мы владеем языком этих смыслов, то есть понимаем их отвлеченность, их граничную природу, умеем читать то, что они нам говорят о наших возможностях и природе, и когда сами

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. - М., 1996..

Леонтьев А.Н. Философия психологии. Изд-во МГУ, 1994, с.206.

достаточно развиты для этого»¹¹⁷ Итак, тенденция развития педагогической мысли, определяющей практику образования, проходит по линии «трансляционная педагогика» - «осмысленное учение» - «смысловая педагогика» - «онтопедагогика». Я делаю подобное заключение не из субъективного стремления утвердить свое видение внутренней тенденции развития образования и навязать свое видение другим. За этой логикой развития скрывается смена «внутренних форм» (М.Г.Ярошевский), организующих мышление психологов и педагогов.

Наступление постнеклассицизма в педагогике должно активизировать потребность в профессиональном самоопределении - оставаться ли в парадигме «отражения» или переходить к парадигме «порождения». Трансперспективное мышление заключается в признании таких качеств предметов, которые системой порождаются, *образуются в системе* при ее взаимодействии со средой, выступают как системные сверхчувственные новообразования, в опоре на которые система получает возможность самоорганизации в качестве открытой системы.

Покажем на примере, как форма мышления определяет понимание явления и категории, по отношению к которой оно является референтом. Для человека, мыслящего на уровне первой формы мышления, смысл предмета отсутствует как таковой, хотя в житейском плане он способен говорить о смысле не только предмета, но и жизни. Смысл здесь не может быть качеством предмета, поскольку все качества предмета есть его (предмета) качества, присутствующие в нем и до человека, и без человека. Поэтому смысл в психологии никак не может найти своей дислокации: он чаще понимается как качество личности (хотя беспредметный смысл - явная бессмыслица). Классическая педагогика опирается на парадигму «отражение-воспроизведение», в которой места для смысла не остается - объективная реальность, знание о которой получает ученик, потому и объективна, что существует вне и независимо от человека. Если учесть, что в сознание ученика (как и любого человека) проникает только то, что имеет смысл и ценность, то насилие над учеником становится нормой. Обучение обесмысливается: оно не отвечает на вопросы о смысле, оно ставит ученика перед проблемами, не имеющими смысла, оно призывает ученика довериться тому, что когда-нибудь что-нибудь из обретенного сегодня приобретет какой-то смысл. А ребенок не может ждать, его поведение разворачивается всегда «здесь и сейчас», а когда наступает «потом», бывает уже слишком поздно - бессмысленное знание «не выживает». Поведение ведь тогда поведение, когда человек понимает смысл того, что он делает, но помочь обрести этот смысл не спешит ни семейное, ни школьное образование. Собственно этот недостаток классической педагогики и попытался исправить К.Роджерс своими проектами «осмысленного учения».

Для человека мыслящего на уровне второй формы мышления, смысл есть качество, которое существует как особое качество предмета и открывается человеку при взаимодействии с ним. В психологической литературе есть достаточно аргументированные утверждения о том, что смысл можно открыть в предмете в процессе мыслительной деятельности путем анализа и синтеза. Смысл действительно можно открыть путем решения «задачи на смысл», но принципиальный вопрос в другом. Как он там появился? Если был всегда - до человека, без человека, то это одна картина мира. А если он образовался в предмете в момент взаимодействия, то как его человек обнаруживает в процессе продолжающегося взаимодействия? Попытка ответить на этот вопрос предполагает другую картину мира. Пока психология еще

мечется между двумя «истинами»: если глаз видит все, он не видит ничего, если глаз видит то, что надо человеку, он не видит то, что есть «на самом деле». Речь идет о проблеме избирательности отражения, которая на уровне первых двух форм мышления либо вовсе не ставится, либо не имеет решения. Для педагогики это означает, что учитель, не зная законов, в силу которых что-то попадает в сознание ученика, а что-то не попадает, вынужден искать способ обойти это незнание, а потому насилие над природой человека все равно будет продолжаться. Хотя эмпирически многие учителя «нащупывают» приемы и способы обучения более или менее с этой природой сообразованные.

Третья форма мышления позволяет выявить смысл как особое сверхчувственное качество предмета, образующееся в психологической системе, центр которой представлен телесным «Я», но границы сдвинуты далеко от «Я» телесного. Так что граница с «объективной реальностью» проходит не по границе с телом, не по рецепторам, а гораздо дальше. Собственно та часть человека, которая располагается за пределами его тела, и есть то, что называлось мной ранее «многомерный мир человека». Самое интересное в том, что происходит на истинной границе системы «человек». А здесь происходит рождение смыслов - субъективное «оседает» на предметах *соответствующих* человеку «здесь и сейчас» и то, на чем оно «осело», становится доступным сознанию человека, попадает в «конус света» сознания. Но попадает оно уже «очищенным» от налета собственной субъективности - как «не-Я». Эмоции позволяют предмету, имеющему смысл, попасть в «конус света», а сами остаются за его пределами. Так в самых общих чертах проступает механизм избирательности сознания, этого, по меткому выражению С.Л.Выготского, «решета, процеживающего мир».

Теория психологических систем (ТПС) реализует эту третью форму мышления, понимая человека как особую психологическую систему - открытую, продленную в мир, имеющую пространственно-временную (хронотопическую) организацию. Многомерный мир человека является тем, что выражает его сущность, его самость. И сам человек таков, каков его мир.

Онтопедагогика - педагогика, имеющая целью создание условий, в которых оптимально осуществлялось бы становление человеческого в человеке - ценностно-смыслового мира человека с его подвижной, открытой в окружающую среду (природную, социальную, культурную) границей, где степень открытости означает степень психологического здоровья всей системы. Такая педагогика предполагает, что учитель не транслирует культуру, не просто поддерживает ученика при взаимодействии с ней. Он организует чрезвычайный по своей значимости акт встречи ребенка с культурой, делая какие-то избранные элементы культуры соответствующими ребенку, т.е. способными вписаться в ценностно-смысловые координаты его жизненного мира, стать личностно значимыми для него, обрести свое место в нем. Учитель отвечает за то, чтобы во взаимодействии с культурой мир ребенка обретал новые мерности, расширялся и упорядочивался. В этом мы видим воспитательный аспект образования, который не отрывается от обучающего и развивающего аспектов.

Все возможные педагогические технологии онтопедагогики - это техники человекообразования. Центральный момент в этих техниках - умение соединить значение («живущее» в культуре) с чувственным опытом ребенка, участвуя тем самым в становлении предметного пространства жизни как ближайшего основания его (ребенка) предметного сознания. Умение соединить смыслы (пребывающие в культуре в своей идеальной, надличностной форме) с предметным пространством человека,

превращая тем самым предметный мир в реальность, в которой можно действовать, понимая смысл своих действий и отвечая за них. Наконец, умение соединить эту реальность с ценностями («живущими» в культуре в качестве надличных общечеловеческих ценностей), помогая реальности превратиться в действительность – устойчивый, несмотря на ситуативность смыслов, мир суверенного человека. Благодаря ценностным координатам мир человека становится пространством для реализации возможностей, выражения своей сущности, самоопределения и самостановления, которые сближают его с другими людьми, а вовсе не превращают в автономного изолянта.

Таким образом, в классической педагогике учитель выполняет функцию транслятора культуры. В неклассической педагогике учитель выполняет функцию фасилитатора. В постнеклассической педагогике (онтопедагогике) учитель выступает как посредник между человеком и культурой, понимающий свою посредническую миссию. Проблема в том, что, как показал опыт проектирования и реализации неклассических педагогических технологий (К.Роджерса и др.), по мере суверенизации воспитанник требует все большей реальной независимости, но далеко не все педагоги согласны с этим смириться. Декларировать личностно-ориентированный подход в образовании гораздо легче, чем перестроить профессиональное мышление и поведение педагогов. Между тем, становление суверенного человека нельзя обеспечить в обстановке насилия, которое возникает всякий раз, когда образовательные действия и воздействия, осуществляемые в обстановке образовательных институтов, в которые он вынужденно пропадает в процессе жизни, не совпадают с закономерностями процесса становления человеческого в человеке.

Сегодня в тысячах инновационных проектов, реализуемых в школах, превратившихся в «экспериментальные площадки» разного уровня (от районных до федеральных), миллионная армия учителей осуществляет гуманитаризацию образования, эмпирически решая проблему сближения педагогической практики с неизвестными им механизмами человекообразования. Гуманитаризация осуществляется пока в стихии педагогических инноваций и через эту стихию проявляет себя. Поэтому она выступает не как вектор, способный обеспечить порядок и задать направление инновационным процессам, не как осознанная цель педагогического экспериментирования, а как нечто стоящее за экспериментами в виде тенденции или градиента, который все-таки просвечивается в хаосе разнонаправленных инновационных усилий. Пока наука не станет истинным двигателем образования, им будет оставаться «передовой педагогический опыт».

Послесловие

Если попытаться определить «болеву точку» современной психологии, в которой сосредоточились основные методологические коллизии, являющиеся причиной эмоциональной напряженности внутри психологического сообщества, то, на мой взгляд, заключается она в следующем.

1. *Наука не может осознать себя как целое.* Как отмечает А.В. Юревич, в психологии разорваны три фундаментальные связи, без которых единая система знания невозможна: между отдельными фрагментами знания, между его прошлым и настоящим, между его исследовательской и практической составляющими.

2. *Наука не может представить целостного человека в качестве собственного предмета исследования,* но она уже не может развиваться дальше как наука о его, пусть и существенной, но части - психике (душе, сознании). Все более понятной становится бесперспективность дальнейших гаданий о функции указанных феноменов, а вместе с этим постепенно угасает надежда, еще существовавшая 20 лет назад, что через определение функций психического можно осуществить интеграцию науки.

3. Наука (в лице своих представителей) пока еще в достаточной мере не осознала, что эмоциональная напряженность внутри психологического сообщества есть *только фон, на котором происходит перестройка профессионального мышления.* Этот фон крайне разнообразен и включает в себя и переживанием чувства «методологический пессимизма» (или, наоборот, такого же оптимизма). А кроме того, существует разное отношение и к идее «методологического плюрализма», и нетерпимость к чужим точкам зрения, порождающая призывы к толерантности и т.д.

Я свел «болеву точку» современной психологии к трем положениям, но на деле их можно привести гораздо больше, при этом они бы все равно, пусть и с разных сторон, но раскрывали бы то «напряжение текущего момента», которое испытывает наука в данной точке своей исторической трансспективы. Моя личная позиция, которую я попытался обосновать в данной работе, может быть представлена первичным рядом следующих допущений.

1. Становление есть способ существования любой открытой системы, в том числе и науки;

2. Становление имеет свои закономерности, обусловленные как общими свойствами самоорганизации, присущими любым открытым системам, так и частными, проявляющие специфику самоорганизации, присущей данной системе;

3. В любой точке трансспекта как тенденции, как градиента, возникающего в пространстве разнонаправленных сил и устремлений отдельных ученых, становящееся («новое») отражает закономерности становления, проявляет их;

4. Трансспективный анализ есть средство познания этих закономерностей.

Чтобы осознать себя как целое, наука должна стать системой знаний, теоретической системой. Для этого необходимо сделать предметом науки целостного человека, что, в свою очередь, невозможно без изменения установок старого мышления, в соответствии с которыми исследовательская мысль двигалась от частного к общему, от части к целому, от элемента к системе, от ставшего к становящемуся. Теперь придется начинать таким образом, чтобы ставшее стало понятно из глубины самого процесса становления, прошлое из его обусловленности будущим. И это должно быть отнесено как к истории становления науки, так и истории становления человечества (психоистории), так и к самому человеку, как предмету психологии. Потому что и науку, и человечество и человека можно рассматривать как открытые самоорганизующиеся системы, т.е. системы, эволюция которых представляет собой закономерное усложнение их системной организации.

Так почему разорвалась связь прошлого и настоящего нашей науки? Потому что до сих пор, в течении всех 120 лет своего бытия в качестве самостоятельной науки, профессиональное мышление в ней постоянно наращивало уровень системности, но никогда кардинально не меняло свой направленности. Все науки начинают со статики ставшего, но выходят к динамике становления. В чем же драма? Психология еще «не переболела» таким поворотом мысли - она

находится в движении, не очень понимая при этом его (движения) тенденциональность. Становясь по некоторым параметрам «новой», она перестает узнавать свои «старые» корни, а, оставаясь по другим параметрам «старой», не воспринимает «новое» как свое естественное и закономерное продолжение.

Стоит различать системное мышление исследователя и системный подход к исследованию психологических феноменов. О подходе можно говорить, когда исследователь осознает свою особую позицию, в соответствии с которой он выделяет предмет исследования, и фокусирует на нем свою познавательную деятельность. Но это только первое необходимое условие. Например, позиция может быть представлена убежденностью ученого в том, что полнота его исследования определяется тем, насколько ему удастся представить изучаемый им феномен как систему и, одновременно, как элемент вышестоящей системы, откуда на самом деле детерминируется ее целесообразное функционирование. В целом это нормальная позиция всех тех, кто владеет азами системного анализа. Однако ученый может и не руководствоваться подобным убеждением, или вовсе его не иметь, но, тем не менее, осознавать, что, изучая психику «изнутри» (интроспекция), или в бинарных сочетаниях «психика - мозг», «психика - личность», «психика - поведение», «психика - личность», «психика - деятельность» и т.д., и т.п., нельзя понять ее функцию, ибо она определяется не ей самой, а сверху - будучи частью человека (как целого) психика позволяет ему выполнять его, человека, миссию и предназначение.

Тогда он переориентирует свою проблему таким образом, чтобы, не тратя время зря, или, говоря словами Л.С. Выготского, не заставляя свой ум «работать на холостом ходу», уже не ломать голову над тем как угадать функцию психики (она отражает мир?, или ориентирует человека в мире?, или регулирует его отношения с миром?), а сосредоточиться на действительно актуальной проблеме. Например, на проблеме такого переопределения предмета науки, которое позволит понять функцию психики в качестве необходимого элемента, без которого человек не может удержать свою целостность.

Почему же давно проявившееся тенденция опознается сегодня как нечто новое в нашей науке? Особенно интересен разрыв между прошлым и настоящим нашей науки. С одной стороны, если развитие науки действительно интенционально в плане ее движения к единой системе знания, то это предполагает непрерывность и преемственность внутри процесса развития, что означает также и постоянное воспроизводство связи между прошлым науки и ее настоящим. С другой стороны, фиксируя разрыв этой связи, мы оказываемся перед дилеммой. Либо никаких тенденций к интеграции в науке нет вовсе, что означает крайнюю степень уникальности нашей науки, заключающуюся в ее принципиальной непарадигмальности, обреченности быть совокупностью несопоставимых между собой психологических теорий и практик. Либо преемственность на самом деле есть, так же как и связи между прошлым и настоящим, но мы не можем их почему-то эксплицировать. Я попытался показать, что трансспективный анализ эти связи восстанавливает. Поэтому я попытался доказать, что пока наука своим предметом будет считать психику, она не сможет помочь человеку, поскольку страдает он, а не его психические свойства, состояния и процессы. Наука просто не знает человека как целостность; он никогда ранее в таком качестве не был ее предметом.

Проблема предмета психологии не может быть поставлена, а значит и решена, в плоскости актуального бытия науки, в процессе анализа ее «настоящего». Настоящее же нашей науки выглядит достаточно уныло. Что же касается первых двух разрывов, то и в их природе можно усмотреть всю ту же проблему предмета науки. Разрыв между прошлым и настоящим не может не существовать. Мы не умеем смотреть на прошлое глазами будущего. Способы анализа прошлого и настоящего тождественны: и на то, и на другое мы смотрим глазами «ставшего», просто одно «стало» давно, а другое недавно - на наших глазах и с нашим участием. Даже на становящееся мы смотрим только в той части его, которая уже определилась, «стала», т.е. стала доступной нашему позитивно-ретроспективному взгляду. Поэтому прогностические возможности истории психологии минимальны. Ретроспективный взгляд на прошлое не приспособлен для выявления перспективы, его (прошлого) пронизывающей. Иными

словами, если нам неведома трансспектива движения психологического познания, то прошлое выступает как хронология событий, которые не опознаются в их связи с настоящим.

Выявление же трансспективы движения возможно только там, где имеются закономерности, обуславливающие движение. Например, только для открытых систем является закономерным усложнение их системной организации в процессе развития, в силу чего по отношению к таким системам вместо слова «развитие» предпочитают использовать другое слово - «становление». Это обусловлено тем, что становление - не рядовой признак открытой системы, а способ ее устойчивого существования как самоорганизующейся системы. В поле зрения науки такие системы попадают сравнительно поздно - с них наука не начинается. Но когда наука поднимается до уровня выделения самоорганизации в открытых системах, она обретает новую парадигмальную базу, причем настолько отличную от базальных установок предыдущего этапа, что приходится вводить новое понятие - постнеклассицизм. Транспективный анализ - это метод познания, адекватный для постнеклассической науки. Он демонстрирует тот факт, что наука, понимаемая как открытая (прогрессивно эволюционирующая, закономерно усложняющаяся в своем становлении) система, рано или поздно создаст инструменты для самопознания. Потому я акцентировал тот момент, что эволюция познания выковывает инструменты для познания закономерностей эволюции, одним из которых и является трансспективный анализ, позволяющий представить историю становления науки как разворачивающийся во времени процесс ее самоорганизации, обеспечивший не только качественную специфику сегодняшнего состояния науки, но и обуславливающий то пространство реальных возможностей, в котором она будет двигаться дальше.

Я попытался показать, что в трансспективном анализе прошлое науки, ее история выглядит несколько иначе, нежели в анализе ретроспективном. Прежде всего, предмет науки воспринимается в нем не как нечто перманентно аморфное и застывшее в своей эмпирической определенности (душа, сознание, психика и т.д.), а как последовательная смена предметов, каждый из которых являет собой систему - все более сложную в своей системной организации.

Предмет науки является ее системообразующим основанием, но при этом сам изменяется в процессе становления науки. В этом суть становления науки как самоорганизующейся системы. Предмет задает границы предметного (и проблемного) поля науки, определяет ее категориальный строй и само движение категорий в теоретической системе, каковой и является (должна являться) наука. Это можно декларировать многократно, что я делал на страницах и этой книги, прекрасно при этом понимая, что никакие декларации не повлияют на ход научного познания, имеющего свою внутреннюю логику, свои закономерности следования, которые, кстати, и определяют трансспективу науки. Только в одном случае они могут быть услышаны - когда наука окажется сензитивной к ним, т.е. когда процесс усложнения системной организации науки как открытой системы станет соответствовать уровню системности, заложенному в декларацию. Соответствие является причиной взаимодействия - как научных школ между собой, так и отдельных ученых.

Например, я не встречал ни одной современной работы, которая была бы посвящена проблеме различения идеалов рациональности в психологии (классицизм, неклассицизм, постнеклассицизм), но при этом обошла бы своим вниманием (чаще негативным) Л.С. Выготского. Можно этот факт оценивать как угодно, но это верный признак того, что наука приближается к пониманию системного устройства «вершинной психологии», постнеклассической по уровню системности мышления ее автора. Осталась совсем «малость» - понять, что предметом науки в культурно-исторической теории выступает человек, понимаемый как открытая система, в которой психика выполняет определенную функцию. Не отражает мир, как привычно толкуют тексты Л.С. Выготского «классики», «полу-классики», и «полу-неклассики», а «искажает мир», «изменяет его так, чтобы можно было действовать», производит «психологические свойства внешнего» и тем самым упорядочивает мир, создавая «островки безопасности в гераклитовом потоке». В связи с таким пониманием предмета науки,

у Л.С. Выготского было и свое понимание ее интеграции, которое считается историками психологии сообразно их видению предмета науки и ее системного устройства.

Посему скучно и грустно наблюдать за непрекращающимися попытками «интеграции науки в целостную теоретическую систему», по возможности «монистическую», пытаюсь обнаружить системообразующие факторы внутри самой теоретической системы. Хронологически эти попытки отражают тенденции развития психологического познания. Науку пытались интегрировать через выделение функции психики, выдвижение принципа «системной эклектики», через принципы детерминизма, путем создания «общей науки», соотнесения категорий различных концепций, выделения одного («главного») методологического принципа, попыток приведения в систему всех методологических принципов, перебрасывание «концептуальных мостов», создание переходных концепций и т.д. Иными словами, одна из самых живучих методологических иллюзий, коих немало в нашей науке, заключается в убежденности многих исследователей в существовании неких методологических средств, использование которых позволит осуществить интеграцию теорий, направлений, подходов, научных школ, их категориальных систем и т.д. Вторая, но не менее значимая по своему эффекту, иллюзия скрывается в получившей массовое признание идее «перманентного кризиса», в котором психология пребывает чуть ли не с момента своего существования в качестве самостоятельной науки.

Представляется, что самые последние попытки интеграции психологической науки намечают второй, столь же «эффективный», круг поисков средств интеграции, правда, с учетом «диалектической спирали» - все таки во дворе уже постнеклассицизм... В качестве таковых снова предлагается общая психология, но с учетом методологических принципов, не учтенных (или недоучтенных) ранее, создание вместо общей психологии (или рядом с ней) особой «теоретической психологии», которая возьмет на себя функцию приведения в систему категориального аппарата науки, а вместо «системной эклектики» предлагается «системный плюрализм».

Можно предсказать, что будет происходить дальше. Место «главного» принципа, каковым был раньше принцип отражения, попытается занять какой-либо другой принцип, через который, предположительно, можно осуществить интеграцию «разномасштабного» психологического знания. Он явится под влиянием идеалов неклассической рациональности, которые еще господствуют в науке, постепенно (и незаметно) теснимые постнеклассицизмом. Поэтому место такого (интегрирующего) принципа не может занять принцип «целостного человека» - он в таком качестве определится в процессе дальнейшей антропологизации психологического познания (уже в рамках развитой постнеклассической психологии). Пока же это будет не человек, но обязательно что-то в высшей степени «человекоподобное». Уж очень мощно прозвучала антитеза «гимну материи», которую самозабвенно исполнял классицизм, в виде «гимна человеку», не менее истово исполняемому сегодня неклассицизмом. Однако это место не может занять уже испытанный принцип «личностного подхода» - именно потому, что он уже испытан. В «запасниках» науки хранятся и другие последствия «аналитической члененки» человека классицизмом. Кроме личности там есть еще «индивид», «субъект», «индивидуальность». Про каждого из них можно сказать «индивид - это человек...», «субъект - это человек.» и т.д., и, значит, любое из этих понятий вполне законно может претендовать на то, чтобы с ним связали одноименный методологический принцип, за которым и закрепят функцию интеграции психологии в теоретическую систему. В любом случае, наука проверит все возможные ходы.

Самое сложное для принятия идей трансспективного анализа и его технологизации, которая позволила бы вести речь о «трансспективном методе» или «трансспективном подходе» к истории науки или человеку - как предмету этой науки, заключается в том, что вхождение в него предполагает смену мышления. В трансспективном анализе историческим временем становящейся системы необходимо считать не прошлое, будущее или настоящее, а перекрывающий эти времена процесс превращения поливариативного будущего в моновариативное прошлое, который в трансспекции неотрывен от процесса превращения

поливозможностного пространства (среды) в пространство собственного становления. Для науки таким пространством является культура, однако только постнекласицизм откроет глубину культурно-исторической психологии.

Наука нацелена на то, чтобы ее предметом стал человек; она уже практически смирилась с необходимостью системного переопределения своего предмета. Впервые за всю историю своего существования в статусе науки, психология оказалась готовой к тому, чтобы выйти из удушающих объятий эмпиризма при определении своего предмета и пытается найти его теоретическое определение. Только применительно к данному случаю я полагал бы синонимичными понятия «теоретическое определение предмета» и «системное его определение».

С другой стороны, в транспективном анализе открывается весьма оптимистическая сторона этой проблемы, что очень важно на фоне еще актуального «методологического пессимизма», приобретающего иногда формы «методологического плюрализма». Истоки оптимизма видятся в другом: современная наука ориентирована на поиск системы, которая могла бы выступить в качестве ее предмета, т.е. в функции системообразующего фактора - по отношению к становящейся теоретической системе. Она ориентирована на этот поиск давно и серьезно. Весь ее исторический путь можно показать как закономерный процесс переопределения своего предмета, последовательного усложнения его системной организации. Науку, как и другие системы, попадающие под определение «открытые системы», можно образно представить в виде эскалатора усложняющихся форм системной организации. Только в ретроспективном анализе этого не видно, а для перспективного анализа материал может дать только транспективный анализ.

Ставшее - уже статика. В том плане, что требует методов познания, способных фиксировать «психологические окаменелости». Становящееся, к которому применены статические методы, с помощью этих же методов «окаменевают». Получается, что «становящееся» - это, что окаменело сравнительно недавно, или еще только окаменевают на глазах исследователя и с его помощью, с помощью методов, делающих поперечный срез движения, в котором застывает некая структура, но исчезает транспектива. Исчезает переход, развитие фиксируется через появление «необратимых новообразований», через факт возникшего, который при этом продолжает мыслиться в качестве «возникающего». Единственный критерий: раньше этого не было, а теперь есть, значит, развитие налицо. Порок этого метода в том, что возникающее может быть зафиксировано только как возникшее, становящееся - как ставшее, осуществляющееся - как сущее. Настоящее фиксируется как прошлое. Можно, в точном значении слова «постфактум», и в прошлом выявить тенденции, которые привели к настоящему, но только если бы настоящее было целью или финалом, к которому вел процесса развития. Транспективное мышление делает продольный срез процесса развития, значит такой срез, который улавливает процесс становления. Потому понятие «транспектива» с некоторой натяжкой можно свести к двум словам. Транспектива - это тенденция плюс время.

